

ISSN 2226-5341

ПАНОРАМА

Научный журнал

1
2011

Панорама

2011, № 1

Учредитель:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. О.Н. Беленов
д.э.н., проф. П.А. Канапухин (пред.)
к.и.н., доц. М.В. Кирчанов (отв. ред.)
к.э.н. доц. А.И. Лылов
к.и.н., доц. В.Н. Морозова
д.полит.н., проф. А.А. Слинько
д.э.н. проф. А.И. Удовиченко

Адрес редакции:

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский Государственный Университет
Факультет международных отношений
Корпус № 8
Ауд. 105, 107

Рукописи предоставляются в редакцию в электронном виде на диске или по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

© Воронежский государственный университет, 2011

© Составление, ФМО ВГУ, 2011

© Авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

О.Н. Беленов. К десятилетнему юбилею Факультета международных отношений

Актуальные проблемы современного мирового и регионального развития

П.А. Канапухин. Модернизация в России: выбор между догоняющим и опережающим развитием

А.А. Слинко. Европейский Союз: кризис и война (политические процессы в эпоху глобальных трансформаций)

Элеонора Пенчева. Демократия и лидеры в Латинска Америка

Agapito Maestre. De la indignación falsa a la real

Б.Ф. Мартынов. Латинская Америка в ускоряющемся потоке перемен

А.А. Лютых. В.А. Тонких. Россия и США на историческом рубеже

В.И. Сальников. Что стоит за арабскими революциями 2010 – 2011 годов?

Нация, национализм и этничность в постнациональном мире

В.А. Тонких. Консервативные тенденции в российском постимперском сознании

В.Н. Морозова. Политически мотивированное насилие в ФРГ в контексте трансформации правого и левого радикального лагеря

С.А. Иволгина. Политический экстремизм в молодежной среде (на примере Воронежской области)

М.В. Кирчанов. Между «историей Чувашии» и «чăваш хутлăх»: три формы постсоветского историонаписания

И.Б. Горшенева. Историческая память, историческая политика и идентичность в Европе

А.А. Болдырихин. Постнационализм как многоуровневая система глобальной взаимозависимости: новые подходы и возможности

Л.И. Кондратенко. Федеральная целевая программа «Русский язык» (2011 – 2015): преемственность и перспективы

Проблемы истории международных отношений

С.И. Дмитриева. СОПАДЕ: отношение к массовым репрессиям и внешнеполитическому курсу СССР в 1936 – 1939 гг.

Л.А. Леонова. Хроника жизни русской эмиграции первой волны: культурный аспект

Т.П. Малютина. Окружение и разгром 5-го армейского румынского корпуса в ноябре 1942 г. по материалам Центрального архива Министерства обороны РФ

Е.В. Бадалова. План Маршалла и его влияние на образ Европы в руководстве Социал-демократической партии Германии в 1947 – 1948 гг.

А.В. Погорельский. Роль институтов гражданского общества в современной системе международных отношений

А.И. Кондратенко. «Мы не боялись никаких преград» (штрихи биографии сотрудника Коминтерна и автора книг на международные темы А.А. Смирнова)

О.М. Золина. Советско-британское политическое сотрудничество в первой половине 1980-х годов: факторы обострения двусторонних отношений

О.Н. Беленов
д.э.н., профессор,
проректор по экономике и международному сотрудничеству
Воронежского Государственного Университета,
заведующий Кафедрой маркетинга
Экономического факультета,
Первый декан Факультета международных
отношений

К десятилетнему юбилею Факультета международных отношений

Распад Советского Союза, изменение международной ситуации и появление новых государств в Восточной и Центральной Европе, а также реформа системы высшего образования поставили перед российскими университетами качественно новые задачи, среди которых была подготовка специалистов в сфере международных отношений и регионоведения.

Подготовка специалистов-международников в Воронежском Государственном Университете началась в середине 1990-х годов и осуществлялась в рамках специализации на Историческом факультете. Развитие ВГУ, укрепление международного сотрудничества региона в конце 1990-х – начале 2000-х годов поставили вопрос о создании в структуре Воронежского Университета самостоятельного Факультета международных отношений.

История Факультета международных отношений началась в 2002 году с выделением из Исторического и Экономического факультета специализаций «Международные отношения» и «Мировая экономика». С 2003 года на Факультете международных отношений началась реализация образовательной программы по направлению «Регионоведение», а с 2005 года – «Международные отношения».

Первым деканом Факультета международных отношений с 2002 по 2011 год являлся д.э.н. профессор Олег Николаевич Беленов. На

протяжении первых десяти лет существования Факультета сформировался слаженный коллектив профессионалов и единомышленников, а сам Факультет международных отношений превратился в одно из самых динамично развивающихся структурных подразделений Воронежского Университета. Кроме этого сложились и укрепились международные связи с зарубежными университетами, а преподаватели и студенты Факультета превратились в число активных участников программ международного обмена.

Партнерами Факультета стали Университеты Европы, Северной и Южной Америки, Азии. Факультет международных отношений активно сотрудничает с Университетом прикладных наук «FH JOANNEUM» (г. Грац, Австрия), Католическим Университетом г. Лёвен (Бельгия), Университетом г. Сорокабы (Бразилия), Университетом г. Харц (ФРГ), Леонским Университетом (Испания), Технологической Академией Циндао (КНР), Университетом им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша), Арканзасским Государственным Университетом (г. Джонсборо, США), Государственным Колледжем Чадрон (г. Чадрон, Небраска, США), Государственным Университетом Дикинсона (г. Дикинсон, Северная Дакота, США), Кентским Государственным Университетом (г. Кент, Огайо, США), Калифорнийским Лютеранским Университетом (г. Саузэнд Оакс, Калифорния, США), Университетом Марн-ля-Валле (Франция), Университетом Умеа (Швеция), Тартуским Университетом (Эстония).

С 2002 года в структуре Факультета международных отношений действуют две кафедры – Кафедра международных отношений и регионоведения и Кафедра международной экономики и внешнеэкономической деятельности. С 2000 по 2002 год Кафедру международных отношений и регионоведения возглавлял д.и.н. профессор Анатолий Александрович Лютых, с 2002 по 2005 год – д.и.н., профессор Виктор Александрович Артемов (1934 – 2005), с 2005 года – д.полит.н., профессор Александр Анатольевич Слинько. С 2002 года Кафедру международной экономики и внешнеэкономической деятельности возглавляет к.э.н., доцент Анатолий Иванович Лылов.

За годы существования Факультета международных отношений сложились научные школы германистов и латиноамериканистов. Активно идет изучение стран Центральной и Восточной Европы, мировой политики, региональной и международной безопасности, теоретических проблем международных отношений. В структуре Факультета с 2006 года действует Воронежское отделение Российской

Ассоциации исследователей Иbero-Американского мира, с 2007 года – Центр восточноевропейских исследований, с 2007 года – Германский центр политических исследований. На Кафедре международной экономики и внешнеэкономической деятельности изучаются вопросы мировой экономики, международной экономической интеграции, внешнеэкономической деятельности, международного маркетинга, экономики международного туризма.

В 2010 – 2011 годах Факультет международных отношений осуществил переход на учебные планы в соответствии с Федеральными образовательными стандартами третьего поколения. С 2010 года Факультет реализует магистерскую программу «Европейские исследования» по направлению «Регионоведение» (с 2011 года – «Зарубежное регионоведение»), с 2011 – «Международный бизнес» по направлению «Менеджмент». С февраля 2011 года Факультет возглавляет д.э.н. Павел Анатольевич Канапухин.

В настоящее время на Факультете международных отношений обучается 727 человек. За годы существования Факультет успешно закончили 742 студента. В 2012 году планируется создание Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, развиваются новые программы бакалавриата и магистратуры. Во второе десятилетие своей истории Факультет международных отношений входит как одно из наиболее динамично развивающихся молодых структурных подразделений Воронежского Государственного Университета.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

П.А. Канапухин

Модернизация в России: выбор между догоняющим и опережающим развитием

Российское государство завершило первое тысячелетие своего существования с неутешительными итогами. Последние два десятилетия «либеральных рыночных реформ» отбросило нашу страну по ключевым показателям социального и народнохозяйственного развития к началу 50-х гг. XX в. Провал того варианта развития, который был выбран в конце восьмидесятых годов прошлого века, стал очевиден не только незаангажированным представителям экспертного сообщества, но и высшему руководству страны. В качестве индикаторов данного запоздалого «прозрения» может расцениваться и знаменитый, фактически инаугурационный, манифест Д. Медведева «Россия, вперёд!», и его же послание Федеральному Собранию в ноябре 2009 года, где стратегической целью развития общества объявлялось создание «умной» экономики, и оценка современной модели экономического развития России как тупиковой, и многое другое.

Сильная зависимость отечественной экономики от экспорта сырья, от складывающейся конъюнктуры на зарубежных фондовых рынках, во многом архаическая структура производства, резко снижающийся уровень образования и здравоохранения, деградация человеческого капитала и т.д. создают серьёзные угрозы для долгосрочного развития страны и требуют поиска путей, ведущих к заметным изменениям в характере национального хозяйства РФ, в образе жизни и быте миллионов её граждан. Такие изменения может обеспечить только подлинная диверсификация экономики, базирующаяся на постиндустриальной основе, включающая как глубинные технико-экономические, так и социо-культурные преобразования в обществе. Всё это, в свою очередь, ставит на первое место в национальной повестке дня задачу модернизации всех сфер жизнедеятельности российского общества, и в первую очередь экономики.

Проведение модернизации объективно чрезвычайно сложная задача (за последние 50 лет полноценную модернизацию смогли

осуществить всего 5-6 стран мира (в основном – в Юго-Восточной Азии), хотя попытались это сделать десятки государств). В наших же условиях её осуществление осложняется ещё и тем, что, хотя модернизация в России стала таким же привычным лозунгом, как некогда перестройка, ясного единого понимания того, что это такое, какова должна быть ее стратегия, по каким критериям оценивать значимость и перспективность модернизационных проектов и т.д. ни у руководства страны, ни у большинства научного сообщества не существует.

Сам термин «модернизация» (франц. *modernisation*, от *moderne* — новейший, современный) стал особенно широко использоваться в общественных науках, начиная с 50-х гг. XX в. для характеристики тех преобразований, которые связаны с превращением доиндустриальных, аграрных и иных отсталых (колониальных, зависимых и др.) обществ в индустриальные. Естественно, что такое понимание модернизации не подходит для обозначения тех изменений, в которых сегодня нуждается Россия. Подобную модернизацию мы прошли ещё в начале XVIII в., отдельные её черты можно было обнаружить в период «александровских реформ» и сталинской индустриализации, но подходить к трансформации нашего современного государства с таким пониманием модернизации было бы несерьёзно. Но что же такое «модернизация» применительно к современным условиям? Практически всеми исследователями признаётся жесткая связка модернизации с инновациями и высокими технологиями. Но дальше многие авторы, пытаясь прикрыть свою неспособность объяснить сущность данного феномена, отделиваются очевидными констатациями, трюизмами и т.д. Так, например, с точки зрения проректора ГУ-ВШЭ Л. Якобсона: "Модернизация — это просто каждодневное усилие найти что-то новое, освоить то, чего не умел, начать производить новую продукцию. Это настрой на конкуренцию. Это и некоторая готовность к риску. Короче говоря, это органичность изменений. Не сюрпризов, которые обрушивает на человека государство, а тех изменений, которые сам человек или предприятие порождают в своих интересах... модернизация — это не столько сочинение программ, сколько повседневная забота об инициативных людях, будь то ученые или бизнесмены"¹, Б. Миронова: «Под ней (модернизацией - П.К.) подразумевают изменения в соответствии с новейшими, современными требованиями и нормами»² и т.д.

Гораздо более перспективно звучит точка зрения, согласно которой модернизация — «это достижение относительно неразвитыми

странами уровня самых передовых» (М. Урнов)³. Но всё-таки при определении модернизации более целесообразно исходить не из стремления сравнивать свою страну с другими, а, прежде всего, из потребностей самой данной страны. Таким образом, суть модернизации состоит в переходе страны или общества от того состояния, которое есть в настоящее время к тому, каким оно должно быть для их успешного и благополучного развития в современном мире. В этой связи цели модернизации в России должны состоять в том, чтобы создать ответственную, а, следовательно, компетентную власть, эффективную экономику, формирующую массовый средний класс и как следствие высокое качество человеческого потенциала на базе современного здравоохранения, образования, науки и культуры.

Но как достичь данных заявленных целей? Существует два основных сценария модернизации страны: догоняющее развитие и опережающее развитие (иначе, опора на собственные силы). Кроме того, встречается сочетание элементов как той, так и другой концепции. Сторонники догоняющего развития указывают на успехи развития послевоенной Германии, Японии, новых индустриальных стран ЮВА, однако у этого пути есть и ряд существенных недостатков: выраженная односторонность индустриального развития, недопотребление населения, отсутствие роста реальной заработной платы, малочисленность среднего класса, преобладание экстенсивных методов развития, масштабный импорт капитала, острая зависимость от поставок комплектующих и технологий, превращение заводов страны в сборочные цехи зарубежных корпораций, зависимость от экспорта своей продукции и мировой конъюнктуры, технологическая, интеллектуальная и культурная зависимость от развитых стран и т.д.

Всё вышеперечисленное указывает на необходимость найти альтернативу догоняющего пути развития. Решение данной задачи видится в создании национальной модели модернизации, в основе которой должна лежать национальная инновационная система, вобравшая в себя как передовой иностранный опыт, так и черты собственной культурно-цивилизационной матрицы. Выбор варианта опережающего развития позволит, не догоняя развитые страны по тем параметрам, по которым они ушли от нас далеко вперед, обогнать их за счет овладения новым шестым технологическим укладом, который сегодня формируется в мировой экономике. В РФ существуют конкурентоспособные отрасли, способные предъявить спрос на продукцию нового технологического уклада: атомная, авиационная, судостроительная, ракетно-космическая, электронная

промышленность, др. Не хватает только активной научно-технической политики государства, критически необходимой на настоящем этапе развития.

В современном мире благополучное и устойчивое развитие могут иметь только сильные страны. Чтобы страна была сильной ей необходимо иметь эффективное государство, конкурентоспособную экономику и развитое гражданское общество, основой которого является материальное, социальное и нравственное благополучие большинства населения. Поскольку всего этого в РФ в настоящее время нет, постольку она является слабой страной. Слабая страна не способна иметь высокий уровень жизни, современное здравоохранение, качественное образование, развитую науку и доступную высокую культуру. Слабая страна не может успешно конкурировать с развитыми странами. Именно поэтому экономика, государственное управление и общество в России нуждаются в модернизации.

¹ См.: Айвазов А. Какая модернизация нужна России сегодня? / А. Айвазов // Завтра. – 2011. – № 10. – (<http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/11/903/21.html>)

² Миронов Б. Может ли Россия успешно модернизироваться? / Б.Миронов. – (http://dgeng.ucoz.ua/news/boris_mironov_mozhet_li_rossija_usheshno_modernizirovatsja/2011-03-07-158)

³ Урнов М. Концепция модернизации в России — пафос демонополизации / М. Урнов. – (<http://www.specletter.com/obcshestvo/2010-10-28/pafos-demonopolizatsii.html>).

**Европейский Союз: кризис и война
(политические процессы в эпоху глобальных
трансформаций)**

В 2011 году, наконец, раскрылись те аспекты глобализации, которые не были особенно видны на ее начальной стадии. Так, лондонская «Таймс» справедливо подчеркивает: не только неравенство по линии Север – Юг в масштабе планеты, но и диспропорции внутри страны часто взрывают ситуацию в нашем взаимосвязанном мире¹. В Великобритании Север получает меньше средств на развитие, хотя работает больше и лучше Юга страны. И массовое недовольство на севере возрастает², выражаясь, среди прочего, в шотландском сепаратизме.

В условиях торжества идей демократии и либерализма, конфликты, лишившись внешнего сдерживающего механизма (как это было в расколотом мире до 1990 года) начинают прорываться на поверхность. Начинается серьезная схватка за новое лидерство в мире. США, отодвинув в начале 1990-х на второй план Японию, в частности, с помощью политики «слабого доллара», решили провести подобную операцию с Европейским Союзом, рассчитывая, что европейский долговой кризис подорвет стабильность единой валюты³. В конечном счете, единая Европа должна, по мысли вашингтонских экономических стратегов, превратиться в символического конкурента, не претендующего на лидерство в мире.

Европейские диспропорции, в свою очередь, превратили амбициозных старых лидеров – Великобританию и Францию – в неких экономических карликов по сравнению с Германией. Старые колониальные державы прибегли к старому и надежному методу – колониализму, прикрытому американскими наработками в области масштабной пропагандистской и виртуальной войны. Несмотря на политическую незначительность, ливийский режим Каддафи в эпоху кризиса выглядит богатым источником качественной нефти и средств. На первых этапах колониальная война не сопровождалась удачами, полугодовое противостояние НАТО и Ливии поставило под вопрос дееспособность военных структур блока. Очевидно, негласное вмешательство европейских специальных войск способствовало поражению ливийской армии, произошел крах режима Каддафи. Однако «виртуальные технологии», запущенные против авторитарных арабских режимов, свергнутых с помощью социальных сетей, ударили

по Европе. «Ультраправый христианский фундаменталист, не проявивший ни малейшего признака раскаяния»⁴ А. Брейвик вел активную политическую пропаганду в Интернете. Он разместил монографию на 1500 страниц, нашел единомышленников в Англии, Дании и Финляндии, а также закупил через «всемирную паутину» компоненты для взрывчатки. Августовские выступления в Лондоне и других британских городах, приведшие к гибели людей, громадному материальному ущербу (150 млн. евро), а также к аресту 1500 участников беспорядков⁵, были организованы через социальные сети. По словам экспертов, были поколеблены сами основы британской государственности. Консерватор Д.Кэмерон пообещал лишить субсидий эмигрантов, ввести в стране осадное положение и привлечь армию к борьбе с погромщиками⁶. Естественно, ответственность за хаос и насилие была возложена на предыдущее лейбористское правительство, которое развратило «новых англичан» незаработанными деньгами в виде социальных вливаний, ныне же люмпенизированные слои требуют дальнейших льгот и привилегий, что и стало причиной волнений.

Финансовый кризис, вызвавший восстановление традиции колониальных войн (пусть и в завуалированном виде), вызвал призрак и возможной мировой войны. Россия и Китай, в целом, не поддерживали Запад в его войне против Ливии, а Китай даже после поражения Каддафи отказался разморозить активы прежнего ливийского руководства. Стало очевидно, что некоторые африканские страны оказывают определенную поддержку ливийскому лидеру и автору «Зеленой книги», несмотря на нынешние обстоятельства. Часть семьи Каддафи была принята в Алжире, а ЮАР вполне может стать его надежным убежищем. Затяжная партизанская война в Ливии не выгодна ни Франции, ни Англии. Западные лидеры делают жесткие непропорционально агрессивные заявления. Так, в запале своей победы над Каддафи Саркози угрожал даже Ирану ядерной войной.

Между тем, общая ситуация в Европе остается нестабильной. Европейский Центральный банк выкупил долги Испании и Италии.⁷ Но канцлер Германии А. Меркель не согласилась на идею выпуска евробонов, которые были бы гарантированы Германией. После августовского биржевого краха в главной экономике Европы господствуют пессимистические настроения, а серия поджогов автомобилей в Берлине (виновники которых так и не найдены, что свидетельствует о хорошей организации этих акций, то ли протеста, то ли социальной войны) накалила общественную ситуацию.

С другой стороны, намерение С.Берлускони частично смягчить кризис роспуском тех органов самоуправления, где, в основном, доминируют левые – явная провокация перед предстоящими выборами, на которых у эпатажного премьера практически нет шансов.

В этой ситуации возникает несколько интерпретаций усиливающегося кризиса. Часть наблюдателей трактует его как неизбежное возвращение к ситуации 2008 года, но в более неблагоприятных условиях. Другая часть, в частности, видный российский дипломат-арабист В.Попов, отмечает, что в мире произошли глобальные тектонические сдвиги, которые в первую очередь затронули арабский мир (но это случайность). Проблема в том, что последовавшие политические изменения очень трудно поддаются четкой интерпретации. Однако сделать предположения о возможных сценариях развития событий вполне допустимо.

Во-первых, речь может идти о возникновении новой биполярности, нового дуализма в противостоянии сверхдержав, на этот раз США и Китая. Германия колеблется между двумя гигантами. В силу этого проамерикански настроенные Англия и Франция через феномен ливийской войны желают склонить чашу весов в пользу США. Администрация Б.Обамы действует в этой обстановке крайне осторожно, стараясь не толкнуть Россию окончательно в объятия Китая (об этом мечтают автохтонные местные коммунисты в России). В частности, в этом смысле важно сообщение о размещении ПРО не в Европе, а в Турции, что, в общем, не затрагивает российские интересы. Следует также обратить внимание на достаточно осторожную политику американцев в отношении Украины, где постепенное охлаждение с восточным соседом относится скорее к проблеме межличностных конфликтов и обязательств, а уже во вторую очередь к противостоянию России и Европейского Союза по проблеме Европейской энергетической хартии и монополизации сырьевых отраслей. Характерно, что открытого противостояния не хочет никто. Не случайно во время своего недавнего визита в Китай вице-президент Д.Байден всячески преуменьшал значение китайско-американских противоречий в экономической сфере.

Второй сценарий предполагает начало всемирной сетевой революции, когда сетевые технологии постмодерна становятся главными фактором и власти, и войны. В этой ситуации европейские элиты, если они приняли эту стратегию развития, конечно, усилили свои позиции на Ближнем Востоке, но при этом развязали внутренние конфликты у себя, позволив оппозиционным силам быстро

перебросить протестный потенциал в реальные городские партизанские войны и погромы, как это имело место летом 2011 года в Великобритании. Однако, приемля эту стратегию, Евросоюз учитывает то, что Европа несравненно более сильна в практическом и технологическом применении этого нового сетевого вида власти и успеет захватить лидирующие позиции в мире до того, как основные конкуренты сумеют подтянуться до европейского уровня. В этой ситуации России следует, прежде всего, защищаться не от европейских, а от псевдоевропейских сил, олицетворением которых являются псевдodemократические режимы типа режима Саакашвили в Грузии, которые используют сетевые технологии в провокационных целях.

Наконец, в-третьих, имеет смысл и весьма распространенный сценарий постепенного ухудшения общей экономической ситуации в мире, когда постепенное, но непрерывное падение показателей роста экономики Запада мягко перерастет в эпоху нового, уже неамериканского лидерства в мире. Как ярко отметил А.Маэстре: «Профессиональные политики продолжают играть краплеными картами партию, которую не могут контролировать. Политику, как и метеорологию, можно рассчитать до тысячных, но она при этом становится все более непредсказуемой».⁸ На Западе усиливается влияние хаотичного и иррационального, как сама жизнь, гражданского общества,⁹ которое заражает хаосом и иррациональностью государство. Возникает обстановка «вечного кризиса». В этой ситуации и получает свой шанс китайская модель, где гражданское общество и государство жестко разделены, а главное, достигнуто общественное согласие относительно устойчивости и неизменности этого разделения.

¹ The Times. – 2011. – August 15. – P. 1,12.

² Ibidem.

³ Colomboni J.-M. La Guerra de las monedas / J.-M. Colomboni // El Pais. – 2011. – 8 de agosto. – P.4.

⁴ Ultima Hora. – 2011. – 15 de agosto. – P. 8.

⁵ El mundo. – 2011. – 12 de agosto. – P. 28.

⁶ Ibidem.

⁷ El Pais. – 2011. – 8 de agosto. – P. 14.

⁸ Maestre A. El vertigo de la democracia. Madrid.1996. – P. 28.

⁹ Ibidem. – P. 37.

Демокрация и лидери в Латинска Америка

Първите години на ХХІ век показват, че е невъзможно да дефинираме категорично областите на политиката и икономиката, независимо от множеството интелектуални теории. Точките на взаимодействие между класическата политика и икономика стават все повече. На международната сцена борбата на интереси вече не е само и не толкова между основните играчи – държавите, а между много нови играчи и преди всичко транснационалните корпорации (ТНК). Глобалното богатство е *сила*, а срещу нея неразвитите държави имат много малко шансове да се съпротивляват. Старите отношения между “меча и плуга” се изместват от нови, често трудноразбираеми за неглобално мислещите хора. Това което е разбираемо и видимо за милионите обедняващи хора в развиващите се държави са негативите от глобалните принципи на преразпределение на глобалните капитали.

Специфичното развитие на държавите в Латинска Америка е много ценен опит за съвременното разбиране на света. Те не изживяват естествения ход на историята си - той е прекъснат от испанските нашественици. Наложеният чужд ред оказва своето травмиращо влияние върху местното население. Държавите не изживяват естествения развой на младите републики в началото на ХІХ век. Икономическият и финансов натиск на развитите страни създава специфична икономическа база за капиталистическите отношения. Преходът към демокрация през ХХ век носи отпечатъка на чужди интервенции, провокирани конфликти и войни, скрити и открити намеси във вътрешните работи. През 70-те години се смята, че националната промишлена буржоазия е “загубила жизненоспособността си” в условията на ТНК и не е в състояние да взема “фундаментални” решения. Борбата на чужди и национални интереси на местните пазари довежда до най-тежките диктатури на континента. Съществуващите десетилетия на репресивни режими унищожават за дълго възможностите да се реализират истински граждански свободи. Годишите на насилие деформират гражданските институти и намаляват да минимум възможностите на обществата да се развиват чрез саморегулиране и самоуправление. В такива условия се формират гражданските нагласи на латиноамериканците, които трябва да направят прехода към демократично общество.

Днес самият спор *диктатура-демокрация* става излишен - отдавна няма нито чиста демокрация, нито чиста диктатура. Всяка политическа система, която се налага в едно общество отговаря на определен набор от човешки потребности, които системата трябва да може да задоволи и на човешки нагласи, които позволяват или не - даден режим. Съвременни каудильо в Латинска Америка вече трудно могат да се появят и да се наложат с репресии. Времето на "тотонмакути", "горили", "леопарди" или "ескадрони на смъртта" отмина, защото новите поколения латиноамериканци имат ново самоосъзнаване, ново достойнство и ново самочувствие. И все по-малко могат да бъдат манипулирани. Уроците на историята започват да се учат много бързо. "Вечните диктатури" остават в учебниците по история.

Демокрацията не може да се изнася. Тя трябва да е естествена потребност за хората в една държава. Само тогава, когато демокрацията бъде отговорност на всеки гражданин, може да е стабилна. Глобализирането "на всяка цена" не се приема от държавите в Латинска Америка. И опитите да се съхранят основните функции на държавата не са "антиглобализъм", а естествена необходимост да се извърви естествения ход на държавата, да се използват нейните функции за трансформация на обществото в гражданско и едва след това да настъпи естественият процес на глобализиране на глобалномислещите граждани.

Реалностите в субрегиона показват обаче как глобалните икономически реалности и финансови потребности на развитите държави, пресоват нестабилните икономики на развиващите се държави, налагат изисквания, претенции и правила, без народите да са готови да защитават ценности, които още не са станали техни. Приемането на ценностите на "представителната демокрация" и на глобалния пазар, за хора извън североамериканските реалности, е по-трудно приемлива цел. Много латиноамерикански държави не са в състояние да защитят основните човешки права на своите граждани: образование, здравеопазване, право на труд, жилище. Липсата на съпричастност и солидарен общ интерес на по-голямата част от нацията, не позволява висока ефективност на политиката. С промяната на потребностите на индивидите се променят и целите, а когато политиката не отговаря на очакванията, се стига до маргинализация на населението и липса на подкрепа. Не може да се очаква народите на континента да прегърнат безусловно "глобалните ценности" на една абстрактна "глобална държава", когато собствените

им държави се маргинализират. Какво показва опитът от близката история?

Неолиберализмът се налага в Централна и Латинска Америка като **обещание** за една жизненоважна среда, в която да се развива истинската демокрация. Изпълнението на неолибералните програми обаче не стабилизира демокрациите в субрегиона, защото увеличава бедността, безработицата, хаоса, недоволството. Демокрацията предполага стабилна икономическа система, за благото на всички поданици или поне на половината. Въпреки че 90-те години минават под знака на масовите **приватизации**, латиноамериканските икономисти констатирали огромните проблеми, последвали процеса. Първо, защото се увеличава безработицата и остават нерешените социални проблеми. Второ - дефицитът в държавния бюджет не намалява, защото при приватизацията, съгласувана с изискванията на МВФ, се продават печелившите предприятия, а губещите остават да тежат на държавата. Анализирайки ситуацията, в-к "Тайм" отбелязва: "В преживяващите трудни моменти икономики, разпродажбата на държавни предприятия стана велика надежда на министрите на финансите от Сан Пауло до София" ¹. Провеждането на кардинални промени в икономиките на развиващите се държави без програми за защита в социалната сфера подкопава сериозно демократичните процеси.

В Чили "чикагският експеримент" е като фюерверк от успехи на фона на днешните проблеми. Правителството експериментира нова стратегия - осигуряване на ръст, паралелно с достатъчна социална справедливост. Този своеобразен опит на чилийската диктатура, за *търсене на социална справедливост в неолиберализма*, показва една различна еволюция в конструктивен дух, макар цената на чилийската шокова терапия да е толкова висока, колкото и в останалите държави. В края на тази авторитарна модернизация над 45 % от чилийците остават в крайна бедност и около две трети от населението продължава да живее под социалния минимум ². Половината от националното богатство на Чили е в ръцете на 10 % от най-богатите й жители. Неолибералната теория на Фридман за свободния пазар довежда до възникване на олигархически модел във всеки сектор на икономиката. Абсурдната ситуация води до това, че цели отрасли, като горите и химическата промишленост, се поделят между две, три фирми. Глобализацията решава проблемите на богатите, а кой ще решава проблемите на бедните?!

Шоковата терапия на правителството на К. Менем е приложена съобразно препоръките на МВФ. Защото, както отбелязва заместник

министърът на финансите на САЩ, Д. Малфорд, само “ако Аржентина се развие към открита икономика, проведе данъчна реформа и осъществи приватизация, тя ще е в числото на кандидатите за получаване на финансова помощ в рамките на “инициативата Брейди”³. Шоковата терапия в Аржентина има широка народна подкрепа в началото заради приетите закони, гарантиращи социалното осигуряване. През 1990 г., при обществено допитване, над 70 % от аржентинците се изказват в подкрепа на този курс. В кампанията по преизбирането на президента най-силният аргумент звучи така: ”Ако аржентинците искат да видят красив футбол, да изберат играта на Диего Марадона, ако избирателите искат да имат ефективно правителство, да гласуват за К. Менем”⁴. Приложена за кратък срок шоковата терапия се оказва ефективна, но безработицата в перспектива остава, а с това и ниският жизнен стандарт.

Срещу приватизационната политика на МВФ, увеличената безработица и липсата на социална защита, на 18 май 1989 г., конфедерацията на трудещите се във Венецуела обявява 12 часова всеобща стачка. В нея участват 98 % от организираните трудещи се. Престъпността в градовете и селата рязко скача. “Гладни” бунтове и манифестации заливат улиците на Каракас. В 16 града стачкуват недоволни и гладни венецуелци. В “умиротворяването” на населението са убити 246 души. Както отбелязва в-к *Трибуна популар*, “това не става в Чили, Парагвай и Хаити, а тук във Венецуела, кичеща се със своята демокрация”⁵. Президентът К. Перес, в писмо до МВФ, обвинява фонда, че наложените “мерките” са задълбочили кризата на народа, който не е отговорен за грешките на правителствата си: “Все едно да се предписва лекарство на болен, игнорирайки особеностите на неговия организъм и възможностите му да се приспособи”⁶, заключава К. Перес.

Въпреки неуспеха си, МВФ не променя условията на програмата си. Резултатите от неговата политика в Колумбия също водят до падане на жизненото равнище. Направени са допълнителни отстъпки на чуждите инвеститори, но преките инвестиции не се увеличават. Според професор Силва Колменарес от Колумбийския университет, новата икономическа политика наложена от фонда е насочена към ограничаване на вътрешното търсене и към производства за износ, това е в интерес на транснационалните банки, а колумбийската икономика се задушават⁷. Реализацията на програмата довежда до падане на жизненото равнище на мнозинството колумбийци. Увеличаването на външния дълг създава нови проблеми пред правителството. По настояване на Световната банка Колумбия взема

курс към “открита икономика” през 1990 г. Правителството на В. Барко обаче губи контрол над ситуацията и страната е въввлечена в поредната дълбока криза.

Еквадор се обръща към МВФ през 1992 г. Партията на Републиканското единство предлага стабилизационен план за страната. На президентския пост е издигнат неоконсерваторът Дуран Балена (1991), а правителствената програма е одобрена от МВФ. Държавният апарат е съкратен със 73 хиляди души⁸, но икономическата криза не е преодоляна. Стачките и вънненията водят към желание за “твърда ръка”. Както отбелязва еквадорският учен С. Парга: “демократията не е с добра репутация при бедните народи”⁹. На практика, незрялата демокрация сама довежда до авторитаризъм.

През 1986 г. правителството на Х. М. Сангинети в Уругвай разработва съвместно със служители на фонда програма за преодоляване финансовите и икономически проблеми на страната по “план Бейкър”¹⁰. Провежданата “шокова терапия” увеличава социалната нестабилност. Срещу исканата от фонда приватизация на железопътната и шосейна мрежа се обявява самото правителство. При широко допитване и консултации с Националния център на трудещите се, синдикатите решително се противопоставят на бъдещата приватизационна програма, разглеждайки я като нарушаване суверенитета на страната. През октомври 1990 г. с тях е сключен социален пакт, който осигурява известна защита на огромната част от населението, но недоволството срещу политиката на МВФ расте. Правителството се решава на референдум, но уругвайците не одобряват приватизацията, особено в енергийния сектор и съобщенията. Неолибералната идея се оказва неприемлива дори в страна като Уругвай - с традиции в работническото законодателство¹¹. Решението на народа става решение на правителството. Президентът признава поражението си и се отказва от неолибералната програма. Уругвай веднага е наречен от емисарите на МВФ “полусоциалистически”.

Монетарната политика е причина за още едно “изгубено” десетилетие на континента. Въпреки промените (Аржентина с “аустрал”, Бразилия с реформата на новата си парична единица “крузадо”, Перу с “инти”) тя не става по-ефективна. Неолибералните проекти представляват успех само за някои местни финасови групировки и ТНК. Мнозинството от латиноамериканците не се считат за благодетелствани.

Затова и лидерите на континента с основание смятат, че неолибералните антиетатистки проекти не отговарят на интересите на

техните държави. Извеждането на стопанска дейност извън държавен контрол води до разпад на социалните ценности. Инфлационните процес могат да се овладяват по-ефективно с държавна намеса, но усиляването на държавните функции се окачествява като „социализъм” или „антидемокрация”.

Сянката на външния дълг прави невъзможно провеждането на дългосрочни икономически програми, които биха стабилизирали страните след време, защото всичко е подчинено на изплащането на задълженията в момента. Дори днес, когато идеологемите са отпаднали, остава фактът, че и пълното подчинение на условията на МВФ не решава проблемите с дълга. Подчинението ограничава избора на страните-длъжници. Преориентацията им към преки инвестиции от ТНК само задълбочава разцеплението на икономическите групировки. Онези от тях, чиито интереси съвпадат с транснационалните интереси не се интересуват от националната политика, за да я подкрепят.

Политическото значение на външната задлъжнялост е в това, че *дългът се превръща в постоянно действащ фактор за задълбочаване на зависимостта*. Мексико, например, изплаща 34 млн. долара във вид на проценти по дълга, който междувременно е нарастнал с 11,6 млн. долара. Плащанията “по плана Брейди” предвиждат опрощаването на част от дълга и покриването на друга негова част с облигации, изкупвани от САЩ. Този подход е приложен в Коста Рика през 1990 г., и после във Венецуела, Уругвай, Боливия и Еквадор. В средата на 90-те години се разбира, че ефектът от подобни операции е незначителен. Тогава САЩ се принуждават да опростят част от външния дълг на Хондурас, Никарагуа, Ямайка и Гвиана от 20 до 25 %¹².

Негативните последици от фондовата политика в социалната област отнемат вярата на хората в икономическата политика на правителството и във възможностите да живеят по-добре. В Мексико хората сами предприемат начини да се спасяват от бедността. Около 4 милиона мексикански семейства съществуват благодарение на доходите, които получават от чужбина. Работещите в САЩ изпращат годишно около 4 билиона долара на своите семейства. Мексиканските изследователи отбелязват, че безразличието на мексиканците към събитията в страната намалява възможностите за реформи, защото няма кой да поддържа тяхното провеждане¹³.

Болезнените трансформации в обществата на латиноамериканските държави показват, че постоянните задължения по дълга **не създават условия** за развитие и укрепване на

демократичния процес. "Това е изключително тежко бреме, заплащашо стабилността на демократичните правителства... защото последните се натъкват на огромното народно недоволство"¹⁴. Резултатите от едно допитване за приватизацията в Мексико, от Института за социално обезпечаване, показват, че болшинството мексиканци не искат да се откажат от системата за социално осигуряване. Тя обаче не може да се поддържа при тотална денационализация и отслабени държавни фондове¹⁵. Социологът Е. Жагуарибе характеризира ситуацията в Мексико, в началото на 90-те години, като своеобразен "дуализъм" от мизерия и богатства.¹⁶ Всяка поредна кризата показва наличието на един процес към обезличаване на националните ценности.

Демократизацията на всяко общество означава и **доверие между власт и поданици, прозрачност и отговорност**. Изграждането на латиноамериканската демокрация е белязано от нестабилност, несигурност, корупция, което означава, че без да се промени основата ѝ няма да има шанс за развитие и усъвършенстване. Глобалният пазар не е само *икономически*, но и **политически въпрос**. Демокрацията трябва да решава както стратегически цели, така и проблемите на деня, да бъде гъвкава и приспособима към бързо сменящите се политически субекти.

Недостатъчна отговорност в управлението и злоупотребите с властта подкопават демократичността на режимите. Преходът към гражданско общество преминава през неукрепналите структури на новото, обявено за демократично, но не станало такова общество. Процесите на нестабилност и неопределеност раждат феномена *обезценяване на политическите лидери и в същото време показват, че ролята на субективния фактор в управлението нараства*.

В античността лидерството е синоним на добродетел. Днес също *добродетелите* определят степента на одобрение от поданиците. Отдалечаването на лидерите от народа обаче, както и неработещата правна система са причина политиките често да не се съобразяват с мнението на масите. В държавата все още се пресичат много външнополитически и вътрешнополитически интереси. Гаранция за надеждното свързване на националните интереси с регионалните интереси на латиноамериканските държави остават *лидерите*. Грешките в политиката на МВФ не освобождават правителствата от отговорност за непрекъснатите кризи. Неуспехите разкриват и неумението да се ръководи компетентно държавата.

Историческият опит през 80-те и началото на 90-те показва, че *неразвити социални отношения* никъде в света не могат да служат за

основа на демокрация и политическа стабилност. Зрелостта на един народ обаче се постига само по пътя на собствения му опит. Корупцията е най-очевидният показател за незрелостта на социалните отношения и неефективното управление и на лявата и на дясната власт.

Във **Венесуела**, носталгията по 70-те години кара избирателите да си припомнят годините на благополучие. Преизбирането на К. А. Перес за президент през 1989 г. не връща финансовия бум от седемдесетте години. Страната, най-големият износител на нефт на континента, не може да развие нужната инфраструктурата и се оказва в криза¹⁷. В ролята на спасители идват *военни с прогресивни убеждения*: ”Не искаме да установяваме военна диктатура, но се стремим да създадем военно-гражданско правителство на националното възраждане”¹⁸. Срещу президента К. А. Перес се изправя и бившият партизански лидер от 60-те години, Дъглас Браво, ръководител на екологичното движение ”Трети път”, който смята, че ”правителството губи легитимността си, а режимът е тираничен”¹⁹. Дали от безсилие да се справи, но президентът решава пове да се облагодетелства от поста си.

В края на 1992 г. К. А. Перес е обвинен в неправомерно изразходвани средства, кражби от хазната и превишени пълномощия. Подава оставка (май 1993) с думите: ”Бих предпочел друга смърт”²⁰. Перес престоява в затворническата килия 69 дни. Процесът е наречен ”процес на века”, защото е осъден не само президент, но и бивш вицепрезидент на Социалистическия Интернационал.

Разочарованието на венецуелците и недоверието в държавните институции нараства, когато през октомври 1995 г. Върховният съд в Каракас издава ордер за задържането на вицепрезидента Алберто Дахик, секретарите му Хуан Марио Креспо и Гладис Мерчан и бившият министър на външните работи Диего Паредес²¹. Постоянно се съобщава за големи злоупотреби на висши чиновници с държавни средства или връзки с мафията. През 1994 г. Цялото ръководство на венецуелската Банка – Латина, втората по значение в страната е обвинено в огромни злоупотреби.

На 12 ноември 1993 г., Алан Гарсия, президент на Перу, е подведен под съдебна отговорност за извършване на престъпление, базиращо се на незаконно обогатяване безотговорно поведение при водене на преговори с международни финансови организации, в подкупи и присвояване на огромни суми, преведени на секретна сметка в Бърклайн банк на Каймановите острови²².

Фамилията на мексиканският президент Карлос Салинас също свързва името си със съда. Братът на президента Раул Салинас е обвинен в убийството на своя шурей, Франсиско Руис Масеу, генерален секретар на Институционно-революционната партия / ПРИ/. Към Раул Салинас са отправени и обвинения в незаконно обогатяване, притежание на фирми-призраци, регистрирани на Каймановите острови и доказани банкови сметки в чужбина на стойност 120 милиона долара²³. Самият президент Карлос Салинас е обвинен в съпричастие към убийството на Луис Доналдо Колосио - кандидат за президент от ПРИ. През февруари 1995 г., без да прави каквито и да било изявления, президентът тайно избягва от Мексико²⁴.

В Колумбия президентът Ернесто Сампиер е обвинен във връзки с най-големия наркокартел "Кали" още на втория ден от избирането му за държавен глава.

През март 1995 г., в отговор на нарастващата корупция, в Каракас се провежда конференция, която определя *нравствените категории задължителни за политиката*²⁵. Тридесет и четири страни-участнички подписват *Международната конвенция по борба с корупцията*. В този документ за първи път **корупцията е определена като престъпление против държавата**. Решено е под съдебна отговорност да се подвеждат не само извършителите, но и всички съдействали на това деяние. Предвидено е онези държави, в чието законодателство няма наказателен закон за корупцията да се ръководят от приетата конвенция. Какво диктува вземането на подобни решения? Най-малкото, осъзнаването, че управлението на обществата е изключително неефективно щом в повечето случаи то излиза извън контрол. Никаква конвенция обаче не може да спре корупцията, **ако лидерите не притежават вътрешно-етични принципи за поведение, ако честността не е тяхно убеждение**.

След всички успехи в управлението, Алберто Фухимори също не устоява на изкушението на парите²⁶. През 1995 г. той побеждава в президентските избори, със завидните 64,42 %, срещу достойната кандидатурата на Хавиер Перес де Куеляр, бивш генерален секретар на ООН. Водещи списания в Латинска Америка и Перу избират Алберто Фухимори за "*Човек на годината*" през 1995 г.²⁷. Няколко месеца след третото му избиране за президент, той е обвинен в корупция и напуска страната. През 2007 г. парламентът на Перу единодушно го обвинява в *престъпления срещу човечеството*: убийства, покушения и отвлечения, извършени срещу бойци от партизанско движение, ръководено от въоръжената организация "Сендеро Луминосо"²⁸. Има мнения, че обвиненията са пресилени -

нужна е поредната жертва, за да се оправдаят неработещите неолиберални програми. Факт е, че днешните неуспехи на Перу се свързват само с А. Фухимори.

Началото на ХХІ век “залива” континента с “лява вълна” от президенти. Това, което наричаме “олевяване” обаче, може да се разглежда не толкова като завръщане към класическия социализъм, колкото *отказ от неолиберализма*, идентифициран от Уго Чавес, Фидел Кастро, Ево Моралес като “империализъм”. Зад пресилената идеологизация стоят реалните, може би не най-правилните, но опити *да се защити правото на достойно, човешко съществуване*. И причината за това е, че налагания модел на неолиберализма не може да го направи през последните 15 години. Идеята за по-хармонично бъдеще, за щастие и благоденствие винаги ще е на дневен ред пред човечеството. Методите за постигането на тези идеи, добри или лоши, са собствен исторически опит. И докато няма истински “трети” модел, *антинеолиберализмът* на бедните ще бъде просто *отказ от познатото “зло”*. Всяко ново поколение, по свой начин, отново и отново ще търси свои варианти за по-добър живот.

Властта в Латинска Америка се персонифицира и лидерите се опитват да си изградят образ, който да съответства на потребностите на развитието. Това е въпрос на естествено развитие, на цивилизационно израстване и докато не стане, демокрацията ще остава само на думи.

През 90-те години на ХХ век в Латинска Америка идват на власт ръководители от нов тип: по-образовани и компетентни, с докторски степени и собствени научни трудове върху проблемите на континента. Те изискват за своите държави по-вече и по-смело, настойчиво отстояват правото на собствените си народи за достоен живот. Това ги поставя в сложни отношения с другите играчи на международната сцена. Кризите, следващи неолибералните програми са причина, много лидери и специалисти да се опитват да коригират неприемливите за тях изисквания, да оспорват методите на МВФ. Затова е трудно да се определи политиката на Уго Чавес във Венесуела – път към демокрация или път към авторитаризъм?! От една страна, фактът че президентът е военен не означава автоматично милитаризация на режима, макар закупуването на оръжие да е достатъчно притеснително. От друга - свидетели сме на една нова *социална функция* на армията от самото начало на управлението, което показва различно политическо мислене.

Критиците на Чавес, като перуанският писател М. Варгас Льоса, са убедени, че президентът се прикрива зад името на Симон Боливар,

за да ”осъществи своите коварни планове да установи “популистска автократия”²⁹. Знаем каква икона е Освободителят не само за венесуелци и затова много наблюдатели смятат, че Чавес налага своя култ чрез С. Боливар. Безспорно ярки личности като У. Чавес налагат своя отпечатък върху режима. Народите винаги са имали склонност да идеализират харизматичните си лидери, особено ако им възлагат големи надежди. В една развиваща се държава култът е още по-лесен. Някои наблюдатели на режима смятат, че “демократизацията на властта” означава “ликвидация на властта”³⁰. В същото време У. Чавес все още има голяма подкрепа заради социалната си политика.

Защитниците му, като латиноамериканския социолог и политолог В. Фигероа, критикуват демократичните режими на континента заради *невъзможността да решават социалните проблеми и да повишават жизненото равнище на народа*. У. Чавес се осмелява да бъде избран с референдум и не загубва поста си, както очаква опозицията. През август 2004 г. именно народната подкрепа го връща отново на поста му, при това с 58.25 % от гласовете на 94.47 % от избирателите. Програмата му “Боливар 2000” има реални успехи, въпреки обвиненията на опозицията, че “безкрупно харчи парите от нефта”³¹. Според В. Фигероа, венесуелският опит представлява “отправна точка в борбата срещу неолиберализма и може да сложи начало на нова демокрация”.³² Това което наблюдаваме последните години във Венесуела е опит да се покаже грижа за обикновените хора, за безработните, за неграмотните. Много политически лидери от миналото не правят нищо в това направление. Имало е президенти, приемливи за Белия дом и услужливи за транснационалните интереси, които обаче са пренебрегвали основните човешки права в страните си. Хората, когато са бедни, придобиват определени *модели на мислене*, които се формират около първичната нужда за оцеляване. Фактът, че огромна част от населението на целия континент живее в мизерия, принуждава всяко правителство, ако не от хуманни цели, то поне за да остане на власт, да не пренебрегва *човешките измерения* на бедността.

Социалните измерения на икономическите реформи във всяко общество са съзнателен и субективен избор. Резултатите от социалната политика в някои азиатски страни доказват това. Според Махатхир Мохамед, министърпредседател на Малайзия през 90-те години и “главен стратег” на Азия, (обявен от сп. Тайм), ***социалната стабилност на държавата е грижа на правителството*** и затова “по-равномерното разпределение на доходите е основен приоритет”. Убеждението, че “всички членове на обществото трябва да вървят заедно” формира икономическите интереси: “първата цел на

икономическата ни политика бе да изкореним бедността сред всички раси” “и да създадем индустрия, осигуряваща заетост на много хора”³³. В азиатските тигри транснационалните интереси обаче минават през държавната политика.

В Латинска Америка, чрез неолибералните програми, националните ресурси стават приоритет на глобалните интереси, а бедността и ниският жизнен стандарт - задача на местните правителства. В тези условия е разбираемо, че много лидери правят опити да съхранят минимум национална идентичност и държавност като последна възможност за решаване на вътрешните проблеми: безработица, бедност, нисък жизнен стандарт.

Демократичните процеси на континента преминават през още един феномен - *разпадането на старите партии мастодонти*. Класическата демокрация в развитите държави е свързана с класическата политика, като изразител на един **общ национален интерес**. Интересите на ТНК в развиващите се държави подчиняват не само икономиката, но и политиката им.

В Перу, А. Фухимори побеждава партията, основана от Айя де ла Торре, през 1923 г., с движението “Промяна 90”³⁴. Съвременните партии трудно отговарят на все по-многобройните интереси на своята разнообразна членска маса и все по-трудно я мотивират в името на някаква *илюзорна обща цел*. Остарялата пропаганда на традиционни идеологически принципи вече не ангажира хората. Хиляди перуанци напускат партиите през 80-те години и се деполитизират. Самият А. Фухимори, след изборите в Перу е убеден, че “демокрацията, основана на партийните структури е приключила”³⁵.

С нова идеология е свързано движението “Конвергенция”, което довежда на власт Рафаел Калдера, преизбран за президент на Венецуела през 1993 г. Той има една съвременна визия върху обществените отношения, която, независимо че не успява да въплъти в живота, разкрива новите модели на мислене. В политическата концепция на християн-демократите е поставен **човекът**. Това е нов момент за управлението след години на терор и обезценяване на човешкия живот. “Нашата концепция, - твърди Р. Калдера, - не се задоволява с материалното, тя въздига духовното като позитивно начало, стимулиращо стремежите на човека към по-добра съдба”³⁶. “Щом възприемаме човека като разумно и свободно създание, ние смятаме, че именно разумът и свободата му придават качества, които го правят неподвластен на закона на числата. Даже 99,9 процента от гражданите на която и да е страна, не би трябвало да имат възможност да санкционират останалия един процент ... За нас основна ценност е

човекът. Ето защо достойнството на човешката личност е в центъра на всички наши грижи”³⁷. В теоретичните разработки на президента е поставен акцент на личния избор и отговорността на политическия лидер, когато управлява милиони хора.

Християндемократическата идея разглежда политиката като “подчинена на нравствените норми”. Тя не приема двойствеността в прагматичната политика, при която “всичко се решава по съображения за целесъобразност, а моралът - норма за извършване на едно или друго по съвест, в тясно личния интимен свят, се възприема като нямащ нищо общо с постъпките на хората в обществения живот”³⁸. Акцентът върху моралните аспекти в политиката е връщане към идеалите на Освободителя и показва промените в масовото и респективно в политическото съзнание. На пиедестала на демокрацията се поставя *уважението и достойнството на човека*. Сама по себе си идеята за добродетелите и достойнството на човешката личност обуславя необходимостта от постоянен диалог и уважение между правителството (избрано от народа) и народа, за когото работи правителството.

Дали У. Чавес продължава тази тенденция във Венесуела или се крие зад по-съвършени популистски лозунги, времето ще покаже. Факт е обаче, че абстрактната демокрация, в която всички са свободни и щастливи **не е** реализирана. В реалността теориите се разминават, защото хората не са идеални. Те са “венец на творението” само в мечтите си. Властта често се упражнява в рамките на познатия **двойствен морал**. Независимо от идеалите, лидерите управляват с личните си достойнства и недостатъци. Корупцията е проблем преди всичко на *личните качества* на лидерите. Затова програмите за изкореняване на кражбите са неефективни - те не могат да задължат индивида да се промени. Историята е доказала, че **външни обстоятелства не могат да заставят хората да променят своя вътрешен морален кодекс, ако решението не е личен избор**.

Моралът винаги ще е регулатор на човешките взаимоотношения, иначе липсата на коректив ще превърне обществото в джунгла. Затова трябва да разбираме и крайностите в протестите на латиноамериканските лидери. Може да не ни харесва недипломатичния език или червената риза на Уго Чавес, но той се осмелява **да се противопостави** на един ред, който за сега не е доказал преимуществата си в Латинска Америка. За Чавес това е “демокрация на елита”, която “се налага с нахлувания, агресия и бомби”³⁹, а едно истинско демократично общество, би трябвало да използва *силата на дипломацията*, вместо силата на оръжието.

Лозунгите за “поход срещу неолиберализма” едва ли са най-добрия начин да се противопостави на “новия световен ред”, но ***те показват позиция, а не роболепие.***

По този повод известният писател Марио Бенедети пише: “Когато стана дезинтеграцията на Съветския съюз всички решиха, че реалният социализъм в Европа търпи поражение. Но когато капитализмът и неолиберализмът претърпяха поражение в “третия свят”, никой не постави под съмнение тяхната ефективност в останалата част на света”⁴⁰. Поради историческите обстоятелства несправедливостта дълго още ще се възприема като диктат на силния. Справедливостта обаче трябва да е решение на мъдрия.

Лидерите имат ***нова роля*** в съвременната история и от тяхното лично присъствие зависят съдбините на много народи. Завръщането на левите в Никарагуа става с шокиращата новина, че Национално-либералната партия (Partido Liberal Nacionalista - PLN) се коалира за президентските избори с Националистическата либерална партия. Тя е оглавявана от Константин Веласкес и обединява привържениците на бившия диктатор Анастасио Сомоса, войната срещу когото отнема над 75 хиляди живота в края на 80-те години. Дали жестоката цена на революциите в страните от Латинска Америка довежда до девалвация на идеалите⁴¹ или е последен опит да се спаси държавата. Според К. Веласкес *Фронтьт Сандино* е “единствената истинска сила, способна да даде тласък на развитието на страната”⁴². Даниел Ортега обяснява решението си за странното обединение “в името на националното съгласие и примирение”. Възможно е това решение да е най-после превес на един ***морален избор*** над партийните пристрастия.

Ситуацията в Никарагуа още веднъж демонстрира ***различните гледни точки*** на “богатите” и “бедните” върху едни и същи ценности – неолибералните. След 16 години неуспешни неолиберални експерименти, Никарагуа продължава да е в дълбока икономическа и социална криза. Въпреки това американският президент Джордж Буш заявява, че ще подкрепи новоизбраният президент само ако се убеди, че “новото правителство се придържа към неолибералните ценности”⁴³. На официалната среща с посланиците в Манагуа, Даниел Ортега споделя в речта си, че не вижда къде са преимуществата и изгодите на неолибералната политика. Никарагуа си остава бедна страна “въпреки пропагандистите на неолибералния модел, който ще победи глада и нищетата, ще даде на всички достъп до образование и здравеопазване и независимо, че правителствата изпълняват всички указания на международните финансови институции”. “Свободният пазар не е справедлив, твърди Д. Ортега, в него царят законите на джунглата,

където побеждава по-силният. Предишните правителства оставиха страната напълно разорена и не бяха нужни нито куршуми, нито танкове, нито самолети⁴⁴. Именно шестнадесетгодишният *неуспех на неолибералния проект в Никарагуа* заставя новото правителство да преразгледа досегашния икономически курс на страната и тя да се кооперира с държави като Боливия, Куба, Венесуела, да подкрепи Боливарианската инициатива (ALBA) и да се противопостави на “свободната инициатива (ALCA), налагана на континента от САЩ⁴⁵”.

Тези различни гледни точки и оценки за неолиберализма в Латинска Америка са акцентът в речта на президента Уго Чавес на VI Сесия на ООН през септември 2005 г. в Ню Йорк. Нелиберализмът, налаган с *Вашингтонската инициатива* увеличава нищетата, неравенството, безкрайните трагедии на народа на този континент⁴⁶. Сложната дилема - “сътрудничеството” или “експлоатацията” на транснационалните и националните капитали продължава да формира различни интереси между развити и развиващи се държави и различни стратегии за тяхното реализиране.

Да припомним, че именно поглъщането на националните икономики от ТНК и невъзможността на правителствата да им се противопоставят икономически, финансово или политически довежда до *национализациите* на местните ресурси през 70-те години, което от своя страна намалява рязко външните инвестиции и срина отново вътрешните пазари. Националистическото революционно движение в Боливия, перонисткото в Аржентина, християн-демократите в Чили, демократичните сили в Уругвай, Венецуела, Перу, Гренада, Коста Рика, Колумбия, Ямайка - всички те правят опити да внедрят “трети път” или “лява” идея, но не “агресивния капитализъм”. Горчивият опит доказва, че абсолютизацията както на социалистическите, така и на неолибералните идеи не са реален път на развитие, който може да повиши жизнения стандарт на населението.

Модернизацията на местните икономики доказва ***необходимостта от държавата*** и повишаване на нейната роля в демократичния процес. В същото време неолибералните програми пропагандират елиминирането на държавните функции. Историческият опит показва, че за да не се гледа на неолибералните програми в развиващите се държави като на пазарен ***тероризъм***, крайно време е ООН да влезе в ***ролята си на координатор и посредник в преразглеждането на методите и формите на сегашния “нов световен ред и в разработването на една нова концепция за “след-демократичния” модел.*** Както отбелязват латиноамериканските икономисти, въпросът за свободния пазар се

състои не в даването на “рибката”, а в даването на “кукичката”. Действащата демокрация трябва да отговаря на въпроса **как и доколко** икономиките на развиващите се държави създават нови и стабилни работни места.

Основният дискурс за *отговорността на богатите* за бедността в развиващите се държави също показва две диаметрално противоположни гледни точки. От една страна, днешните богати не могат да бъдат виновни за политиката на миналите си правителства, а бедните държави “не могат да задължат силните да бъдат справедливи към тях”, още по-малко да ги накарат да променят условията на съществуващия световен ред, за да живеят в сътрудничество или, за да създадат един свят на “социално подпомагане”⁴⁷. Богатите смятат, че благотворителността им към Юга ги оневинява, независимо какви са резултатите от тези помощи; и че “не съществува ефективна световна власт, която да ги накара да изпълнят някакви морални задължения, като ги превърне в политика”⁴⁸. От друга страна, исторически факт е, че *причините* за бедността в новия световен ред **са създадени в Стария световен ред**. Според законите, формиращи свободния пазар, големите печалби винаги ще преливат в джоба на онзи, който има повече. И само неговата **добра воля** може да промени нещата.

Преразпределението на печалбите от глобалния пазар също става **морален избор**, при това не на абстрактни институции, а на конкретни личности. На тяхната добра воля са оставени развиващите се държави – дали да получат или не нови технологии, нови заеми, нови възможности.

Надеждите, възлагани на модернизацията на **Мексико**, на новите договори със САЩ, на МВФ и Световната банка, които в новото хилядолетие, трябва да доведат страната до един нов неолиберален рай търпят крах. Уйлям Клайн, отбелязва в сп. “Економист”, че кризата е причинена от “взривоопасна смес” от бягащи капитали зад граница, капитали от валутния резерв, огромен държавен дълг в ръцете на чужденците, огромен платежен дефицит и фиксиран курс на песото”⁴⁹. Ситуацията в Мексико потвърждава тенденцията за **непредсказуемост** в развитието. Благосъстоянието на мексиканците през 2003 г. се оказва по-ниско от нивото на 1981 г. с 10%. Мексико не развивава новите технологии, а предимно ги консумира. И тази консумация е зависима от САЩ⁵⁰. Бъдещето обаче е на производителите на технологии, а не на консуматорите, от това зависят устойчивите темпове на развитие. От степента на интеграцията в новата среда и собствено производство на технологии зависи бъдещето на Мексико. Понякога, както отбелязва Мишел Сер,

“онези, които притежават технологиите и информацията не виждат изключените от света, а схемите *център-периферия* в един глобален, не водят към ефективни анализи, защото статистиките не могат да се тълкуват като “добри” или “лоши”. Решенията на политиците обаче – могат.

Новото хилядолетие показва, че цели групи развиващи се държави остават *извън* глобалната конкурентна среда; в най-добрия случай те имат достъп до ниши, зони, пазари, области, дадени или разрешени от глобалните гиганти в световната икономика. Глобалното мислене на транснационалните пазарни лъвове не се вписва в мисленето на обикновените хора, не отговаря на техните нужди. Преди *глобалното адаптиране* трябва да се реши първо проблемът с *регионалното оцеляване* на милиони хора. Латиноамериканските лидери настояват тези въпроси да бъдат подложени на всеобща дискусия в ООН. За целта обаче, тази организация “трябва да престане да бъде просто съвещателен орган без никаква сила да влияе на света”⁵¹. Проблемите между световният град и световното село съществуват и стават все по-значими.

В този контекст трябва да се разглеждат исканията на много лидери за *разбиване на еднополюсния модел* на света. Латиноамериканските държави многократно заявяват пред световната общественост желанието си да се преразгледа установената вече *многостепенна система на управление*. Точно заради това те заявяват своята решимост да извоюват достойно място в новия световен ред, да бъдат равноправни субекти в международните отношения, да търсят свои пътища за развитие и да избират сами бъдещите си съюзници. Докато развитите държави сливат националните си интереси с глобалните, латиноамериканските правителства трябва да делят своите между транснационалните, регионалните, глобалните институции.

Наблюдаваме нова, променяща се пространствена концепция за властта – общността не е “съдържимо” в региона, регионът не е “съдържимо” в държавата нация – следователно, както отбелязва Жан Мари Гуно, “малкото решение не произтича от голямото”⁵². Действително националната общност вече не е даденост, а въпрос на избор. Човек се ражда в една държава, работи в друга, живее в трета. Политиката вече не може да ръководи функционално интересите му. Латиноамериканският континент много лесно руши пространствата на отделните нации и това дава изключителни предимства на държавите от субрегиона (не само заради общия език) да се обединяват в икономически съюзи и блокове. На тази база исканията на много

лидери за формирането на субконтинента в *отделен център на икономическа и дори политическа власт* имат своите основания. Регионалните ценности са добра основа на латиноамериканските държави за формиране на общи цели и преживяване на обща съдба и те са много по-реални, отколкото “глобалните” ценности от североамерикански тип.

Класическата политика се гради върху солиден *национален интерес*. Изкуствената уравниловка на интереси не води до ускоряване на демокрацията. *Регионалната политика има много по-големи възможности да защити латиноамериканските интереси, отколкото глобалната*. Затова лидерите на субрегиона търсят свои форми за икономическо сътрудничество. През ноември 2005 г. президентът на Аржентина, Нестор Кирчнер отбелязва, че интеграцията може да стане реалност и държавите предприемат “мерки за ликвидиране на диспропорциите в развитието на латиноамериканските държави”. Страните искат да формират *единно пространство* и вече създават *свой общ пазар*, който да задоволява техните потребности. Бразилия и Аржентина, са заинтересовани от интеграция със страните от Азиатско-Тихоокеанския регион. Централна Америка, особено след победата на Фелипе Калдерон в Мексико, се надява интеграцията на държавите, разположени по крайбрежието на Тихия океан - от Мексико до Чили – да стане факт.

Самостоятелните регионални инициативи са опит за *разграничаване на латиноамериканските от глобалните интереси*, независимо дали начините на защита се смятат за приемливи или неприемливи от развитите държави и преди всичко от Белия дом. Латиноамериканските народи определено предпочитат да изживеят своята история. *Това би им осигурило свой, регионален, достижим жизнен стандарт*. Освен това, когато изпреварващите икономически отношения, неолиберални или глобални, се случват в държави, нямащи демократично мислещи граждани, резултатите са непредвидими. Всеки народ трябва да преживее своя “социализъм” и своя “капитализъм” и на базата на *своя опит* да избира *свое реално бъдеще*.

Съвременната история на Латинска Америка показва, че концепцията за икономически ръст, основан на моделите на *индустриализация и потребление* е в криза. Техническият прогрес през изминалите десетилетия *не се съгласува със социалния прогрес*. Управлението на външният дълг може да стане ефективно едва тогава, когато международните икономически отношения се преустроят,

съобразно **преосмислените ценности на съвременната цивилизация в края на XX век.**

Зад цифрите се намират съдбите на човешки същества и само тяхното благополучие оправдава развитието на обществото. Когато една цивилизация изхвърля зад борда милиони хора пълни с енергия и сила, това развитие **не е цивилизовано**. Глобализацията ни позволява да разберем цивилизацията като **единен** биологичен организъм. Деформациите в една нейна част, неминуемо ще се отразят и на други нейни части. Ако съвременното общество успее да преосмисли интелектуалните си ограничения, може да открие пътя към едно истинско прогресивно развитие. **Само демократично мислеещи хора могат да живеят в демокрация.**

Развиващите се държави нямат възможности да участват с *равни възможности* в глобалния пазар. Те обаче имат възможност, на базата на недоволството от увеличаващата се бедност, кризи и насилие, **да поставят на дневен ред въпроса за характера** на глобалния икономически модел. От отговора дали се **хуманизира или дехуманизира** развитието ни, се определя характерът на днешния етап от развитието на човечеството. Важно е да знаем каква роля играе **факторът разумност** в международните отношения при сблъсъка на различни интереси.

Новите лица в Латинска Америка демонстрират ново отношение и съпричастност към глобалните проблеми на човечеството и показват процеса на нарастване на *субективния фактор* в историята. **От степента на осъзнаване и поемане на отговорност за последствията от действията, зависи бъдещето на собственото ни оцеляване.**

¹ Time. – 1991. – March 8.

² Constable P., Valenzuela A. A Nation of Enemias. Chile under Pinochet / P. Constable, A. Valenzuela. – NY., 1991. – P. 292.

³ Financial Times. – 1987. – July 16. – P. 17. 16.

⁴ Pagina. – 1998. – March 12.

⁵ Tribuna Popular. – 1989. – March 10 – 16. – P. 20.

⁶ La Bohemia. – 1989. – March 6 – 11. – P. 3. 6-11.

⁷ Colmenares Silvia. Deuda Externa. Crisis y Conflictacion. – Bogota, 1988. – P. 150.

⁸ Sanches Parga J. Ecuador en el engranaje neoliberal / J. Sanches Parga Nueva sociedad. – 1993. – No 123. – P. 13.

⁹ Ibid. – P. 17.

¹⁰ Financial Times. – 1990. – October 10.

¹¹ Уругвай е първата страна в Латинска Америка, която още 1915 г. приема законодателство за социалното осигуряване на работниците.

¹² Доклад на Римския клуб // Латинска Америка – противоречия и надежди. - С., 1995. – С. 22.

¹³ Foreign Affairs. 1996. – July – August. – P. 95 – 96.

- ¹⁴ Colmenares J.S. Op.cit. – P. 78.
 - ¹⁵ La Jornada. – 1993. – September 2. – P.13.
 - ¹⁶ Jaguaribe H. Brasil. Reforma on coas / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1990. – P. 17.
 - ¹⁷ El Universal. – 1992. – October 23.
 - ¹⁸ Цит. по: Латинская Америка. – 1993. – № 6. – С. 28.
 - ¹⁹ Там же. – С. 29.
 - ²⁰ El Universal. – 1993. – May 17.
 - ²¹ La Bohemia. – 1995. – October 6 – 11. – P. 5 – 6.
 - ²² La Voz. – 1993. – October 13.
 - ²³ Reforma. – 1993. – May 12.
 - ²⁴ Reforma. – 1994. – September 28.
 - ²⁵ Пред почти два века, Симон Боливар – Освободителят се опитва да създаде силна и морално отговорна власт, като създава **Министерство на морала** и поставя **нравствеността като основа във формулата за успешна власт**.
 - ²⁶ Comercio exterior. – 1995. – No 1. – P. 49.
 - ²⁷ Cuadernos politicos. – 1993. – No 146. – P. 4.
 - ²⁸ (<http://www.segabg.com/online/article>)
 - ²⁹ O Estado de Sao Paulo. – 1999. – August 12.
 - ³⁰ Bulletin of Latin American Research. – 2002. – Vol. 21. – No 2. – P. 267.
 - ³¹ El Universal.a. – 2004. – June 13.
 - ³² Латинская Америка. – 2005. – № 8.
 - ³³ Мохамад М. От джавията до мултимедиите: Холивуд, ислямът и дигиталната ера в Азия / М. Мохамад // Новият световен ред. – С., 1999. – С. 69.
 - ³⁴ Politica. – 1988. – September 14.
 - ³⁵ Латинская Америка. – 1995. – № 6. – С. 30.
 - ³⁶ Калдера Р. *Християн-демократията. Позиция и дееспособност* / Р. Калдера. – С., 1993. – С. 81.
 - ³⁷ Пак там. – С. 82.
 - ³⁸ Пак там. – С. 83.
 - ³⁹ (<http://www.tiwy.com/read>)
 - ⁴⁰ La Epoca. – 1993. – February 19.
- Даниел Ортега дълго олицетворява идеала на нацията в Никарагуа. През 1990 г. той провъзгласява *нов обществен ред*, който "няма да бъде нито кубински, нито костарикански, а ще се придържа към скандинавския модел". Обещанията остават на митингите. Социализмът в Никарагуа на практика се оказва поредния тоталитарен режим. Неуспехът на сандинисткото правителство разрушава последната надежда за месианската роля на революционната идея. Разочарованието, чувството за тотална катастрофа, насилие и хаос, както и двадесетгодишната война, "контрите", въоръжавани от САЩ, предопределят свалянето на Даниел Ортега. Истина е, че Никарагуа не е оставена сама да измине своя исторически преход, но и сандинистките ръководители не се справят с прехода към демокрация.
- ⁴² (<http://www.tiwy.com/leer.phtml?id=3791&mode=print>)
 - ⁴³ (<http://www.tiwy.com/leer.phtml?id=4035&mode=print>)
 - ⁴⁴ Ibid.
 - ⁴⁵ Ibid.
 - ⁴⁶ Речь Президента Республики Венесуэлы, Уго Чавес Фриас на Шестидесетой Общей Ассамблее Организации Объединенных Наций, Нью-Йорк. Четверг, 15 сентября 2005.
 - ⁴⁷ Виж подробно : Доуърти Д.Е., Пфалцграф-младши Р.Л. Теории за международните отношения. – Т. 2. – С. 173 – 178.
 - ⁴⁸ Пак там.
 - ⁴⁹ Foreign Affairs. – 1996. – July – August. – P. 95.
 - ⁵⁰ Виж: Propuesta para el uso y aprovechamiento de las tecnologias de la informacion y las comunicaciones. – (www.oecd.com...../)
 - ⁵¹ (http://www.tiwy.com/read.phtml?Id=983*mode=print)
 - ⁵² Гуно Ж.-М. *Краят на демокрацията* / Ж.-М. Гуно. – София, 1997. – С. 37.

De la indignación falsa a la real

1. Para abrir boca

La bestia embiste en línea recta. No sabe caminar zigzagueando; por el contrario, el ser humano da rodeos, habla y piensa antes de dar una opinión. Deberíamos, pues, imitar al hombre que piensa antes que a la bestia que embiste por derecho. También para analizar un fenómeno social, como el del 15-M, hemos de pensarlo. Antes que embestir con un “sí” o con un “no”, sería bueno pensar a partir de lo que se ha dicho sobre esa ocupación de la Puerta del Sol de Madrid, incluso deberíamos tomar muy en serio a los participantes en esas manifestaciones que fueron retirándose, cambiando su opinión, o combatiendo a medida que pasaba el tiempo de ocupación de un lugar público, e incluso combatiendo la movilización hasta exterminarla. Nacimiento, desarrollo y muerte de un movimiento del que, al final, quizá sólo quede ideología, por desgracia, o una narración decente sobre su devenir para estimular el desarrollo de la democracia.

Hubo gente que, en un primer momento, vio con simpatía a los manifestantes, porque criticaban los fallos del sistema político; pero, cuando vieron que los presentes lesionaban los derechos de los comerciantes de Sol, o impedían que los vecinos de la zona pudiesen transitar libremente por la plaza, dijeron que este movimiento social despreciaba los derechos de las personas. El Movimiento 15-M dejó de ser un símbolo de protesta por los males del sistema político y se convirtió en un mal del sistema, aunque imprescindible para el propio desarrollo del sistema.

Los cabecillas que seguían ocupando ilegalmente la Puerta del Sol mataron la pasión que los movía: la indignación. Los verdaderos indignados pasaron a ser los comerciantes y los transeúntes que eran molestados por los que ocupaban ilegalmente la Puerta del Sol. La pasión de la indignación, esa especie de odio o aversión que la naturaleza ha puesto en el hombre, contra los que hacen algún mal, desaparece, muere, si perdemos de vista al causante concreto de mal. ¿Quién es el causante concreto del mal que padecen los “indignados”? ¿El sistema?

El sistema es, en mi opinión, cualquier cosa excepto algo concreto. Por el contrario, ¿quién fue el causante directo y concreto de que los comerciantes de Sol no pudieran ejercer libremente su trabajo?, ¿quién fue el causante concreto de que los ciudadanos no pudieran pasear tranquilamente por un espacio público? : Los ocupantes de la puerta del sol. Los manifestantes del 15-M pasaron de ser unos sedicentes “indignados”, o

falsos indignados, a ser la causa concreta de la indignación de los comerciantes, que no podían ejercer su actividad, y de los ciudadanos, que no podían utilizar los espacios públicos.

2. Interpretaciones del 15-M

La complejidad de un movimiento social puede ser interpretada de múltiples maneras. Quizá la más tosca de las interpretaciones sea la ideológica; entiendo por ideología el intento de imponer a otros una opinión subjetiva, arbitraria y engañosa haciéndola pasar por objetiva, justa y verdadera. En mi opinión, la “interpretación” ideológica del 15-M es hegemónica en los ámbitos universitarios y en todas las agencias “culturales” que, desde la década de los 60 hasta la caída del Muro de Berlín, hicieron de la defensa del “marxismo occidental” el principal medios de subsistencia de la llamada “izquierda intelectual”.

Naturalmente, ese tipo de interpretación está extendida por todas partes y, especialmente, en España se presenta revestida con el manto de una superioridad “moral” de la que carecerían todos aquellos que no compartieran los motivos de la ocupación, durante meses, de la Puerta del Sol de Madrid. Para que se hagan cargo de la penetración de la ideología de ese tipo de “análisis” en las redes educativas españolas, permítanme que les narre una brevísima historia. Una profesora de Ciencias Sociales de un colegio español, concertado y de ideario católico, le pide a sus alumnos que opinen en su blog sobre el movimiento del 15-M; naturalmente, ella les ha dado su versión afirmativa de la cosa y, además, todos los alumnos tienen que ver un vídeo de José Luis Sampedro a favor del 15-M. La mayoría de los alumnos dan su opinión en el blog de la profesora. Ninguna opinión es censurada, excepto la que escribió un alumno que se negaba a dar su opinión con los argumentos que les cuento a continuación.

No haré la evaluación del movimiento 15-M, decía el alumno censurado en el blog de la profesora, porque carezco de la información necesaria para enjuiciar moral y políticamente esta protesta; además, considero que la información suministrada por la profesora tiene, sin ánimo de ofender, cierto sesgo ideológico, porque sólo se nos han presentado las razones de los que están a favor de la protesta. Sería necesario contar con las opiniones de quienes están en contra. El contenido del video a favor del 15-M del señor Sampedro es presentado por la profesora como un “argumento” de autoridad, independientemente de las razones que tenga este señor a favor de la ocupación de unas plazas públicas sin permisos legales. La introducción al vídeo del señor Sampedro que hace la profesora prejuzga, es decir, orienta ideológicamente, por desgracia, al lector.

No seré yo quien descalifique al profesor Sampedro por su trayectoria intelectual, pero tampoco “santificaré” sus opiniones porque

alguien me diga que “su pensamiento es comprometido”. ¿Qué significa comprometido en esta presentación? Que está a favor de los desposeídos y pobres del mundo o, por el contrario que está a favor de sus propios intereses personales. Por ejemplo, aquí aporto un artículo sobre el profesor Sampedro que dista mucho de la presentación realizada por la profesora del mencionado escritor. La autoría del artículo citado es de César Alonso de los Ríos. Este trabajo fue publicado, en el periódico ABC, el día 8 de agosto de 2011. Quiero hacer una brevísima semblanza de Alonso de los Ríos para que contextualicemos históricamente el texto del autor. César Alonso de los Ríos es un famoso escritor y periodista, autor de una decena de libros, entre los que destacan sus “Conversaciones con Miguel Delibes”, “Si España cae” y “La izquierda y la nación”. Alonso de los Ríos fue subdirector de la revista Triunfo, durante el franquismo, y director de la revista La Calle en la actual época democrática. Fue un luchador por las libertades contra el régimen de Franco y, por eso, sufrió algunos años de prisión. Pues bien, César Alonso de los Ríos hace una interpretación del “intérprete” privilegiado del 15-M, José Luis Sampedro, que es diferente de la versión ofrecida de la profesora de Ciencias Sociales.

Aquí les dejo, seguía argumentando el alumno censurado, el artículo de Alonso de los Ríos sobre Sampedro para que lo contrasten mis compañeros con la presentación de nuestra profesora. Podría ser un interesante tema de debate futuro: “Los indignados y Sampedro”, que es, dicho sea de paso, el título del trabajo de César Alonso de los Ríos. “José Luis Sampedro me ha caído siempre muy bien. A lo largo del franquismo, como catedrático, supo mantener un cierto grado de complicidad con las minorías que estábamos en contra del Régimen. Por supuesto, no participaba en actos críticos y aún menos en manifestaciones, pero consiguió que fuera conocida su independencia de espíritu. En definitiva, no tuvo el papel de Aranguren o de García Calvo en la movilización de la Universidad, pero supo cultivar en su entorno un espacio crítico bien apreciado por sus colaboradores. Biográficamente utilizaba la seducción de un pasado poco convencional basado fundamentalmente en haber tenido que hacer algunos trabajos para pagarse los estudios y en haber escrito una primera novela de tipo sociable nada despreciable. Quizá por todo ello le propuse una entrevista para *Triunfo* a mediados de los sesenta y quizá también por ello entendí que no quisiera atender mi petición. Laboriosamente había conseguido puestos tan codiciados como formar parte de los Consejos de Administración de algunos Bancos. No tenía que coger taxi o el metro para trasladarse del Banco Urquijo o al Exterior de España. Ya jubilado decidió dejarse la barba y volver a la literatura. Con éxito. *La sonrisa etrusca* le colocó en el primer puesto de los novelistas

más vendidos. Con la transición entró en política y se declaró felipista. Fue con Fernando Claudín la atracción principal del mitin con el que se presentó el PSOE ante el mundo de la cultura. Quizá fue su yerno el que le pidió ese esfuerzo. Por aquella época concedió una entrevista a Ricardo Cid Cañaveral para la revista *La Calle*, que le costó a este una rectificación pública: había puesto en boca del entrevistado unas declaraciones sobre Carter hechas off the record. Como director de la publicación di la razón a Sampedro, y mi querido Ricardo escribió unas líneas que nos dejó a todos tan contentos, incluido al embajador norteamericano.

Ahora Sampedro ha puesto el prólogo al respetable panfleto *Indignaos* de Stephane Hessel, con el que el “pensamiento” francés ha vuelto por sus fueros hegemónicos. Sampedro ha querido expresar su solidaridad con la causa que defiende el autor: ha querido hacer saber que también él comprende las razones de los jóvenes para romper la atonía y la pasividad a las que les está llevando en la práctica el sistema democrático. Mi disenso con Sampedro no reside en esa generalización, sino con las declaraciones que hizo, y tal como las hizo, a una emisora de televisión en relación con el ajusticiamiento de Bin Laden: calificó el acto de asesinato y puso el caso como ejemplo de esas cosas insufribles que merecen la indignación de los ciudadanos. Fue en esa ocasión cuando pensé que debía escribir este artículo a pesar de la simpatía que sigo teniendo a José Luis Sampedro.”

3. Algo más que un movimiento de oportunistas. Primera crónica del 15-M

A pesar de las interpretaciones ideológicas de las manifestaciones del 15-M contra el sistema capitalista en general, y la democracia española en particular, nadie saque conclusiones apresuradas sobre mi opinión política de estas movilizaciones que tenían su punto de encuentro real y simbólico en la ocupación de la Puerta del Sol de Madrid (España). Este movimiento de “indignación” social fue, e incluso es, algo más que una protesta liderada por viejos izquierdistas, jóvenes antisistema y viejos oportunistas de antiguas guerras intelectuales para ganar la hegemonía ideológica en el debate político. No me resulta fácil resumir mi opinión sobre este “movimiento” social, aún tengo que repensarla con más detenimiento; mientras llegan esas conclusiones, aquí les dejó las crónicas personales que escribí sobre el 15-M en dos periódicos españoles. Todas tienen fecha y, naturalmente, todas ellas incluyen una opinión política.

***Desfondamiento de la democracia.* L.D. 18.5.2011**

Aunque al principio los manifestantes hubieran estado manipulados por los socialistas, o por cualquier oportunista del viejo troskismo español, el movimiento de protesta social contra el sistema político ya está en

marcha. El Movimiento de los indignados del 15-M existe. Quizá sea sólo un símbolo, dirán los simples de espíritu, pero un símbolo es el comienzo y el final de toda política. Es menester abrir los ojos y no despreciar lo real. Es en el terreno simbólico, precisamente, donde juegan su partido principal quienes se sienten, y de hecho lo están, excluidos del sistema político. Los excluidos siempre han reaccionado, más o menos, como los del 15-M; ante la proscripción y exclusión de la representación política pública, los excluidos se unen y forman asociaciones independientes de todos los manejos institucionales. Y salen a la calle. A lo que salga.

Desconozco cuántos se unirán a las protestas, e incluso soy incapaz de prever si llegarán a ser más de un millón de personas en toda España; tampoco creo que consigan emular a los resistentes de las plazas de Túnez y el Cairo; pero nada de eso importa ahora. Los manifestantes de la Puerta del Sol levantan, sencillamente, acta del presente político. Dejan con las vergüenzas al aire al PSOE, porque es incapaz de crear un discurso que ilusione, y a IU la ridiculiza, porque pueden mostrar que ellos reúnen en un rato a más gente, véase los concentrados el pasado domingo en la Puerta de Sol, que los dirigentes comunistas en sus mítines perfectamente pagados por el erario público.

Muchos periodistas se toman a broma las manifestaciones de los indignados españoles, peor para ellos, porque demuestran una gran estulticia. No quieren oír el grito de estos “desarrapados”, pero es muy sencillo de verbalizar. Los movimientos sociales primarios, y estamos ante uno muy primario, se expresan, sin duda alguna, torpemente, pero con contundencia. Sí, sí, esta gente dice una cosa muy simple y concreta: “Esto no funciona”. “La democracia española está muerta”.

El 15-M, guste o no guste, es ya un símbolo. Quizá sea el primer símbolo de la muerte de un periodo de la política española; quizá sea el primer reflejo importante de que está agotándose el período político que va de la Transición hasta hoy. He ahí el momento en que llegará al poder un hombre, un político profesional del institucionalismo democrático, que sólo se emociona, según dicen, viendo a los ciclistas subir el Tourmalé. Sin embargo, necesitará toda la pasión democrática del mundo para enfrentarse a lo que ha puesto en evidencia el 15-M: España es un Estado fallido, porque el Estado no es capaz de ejercer el monopolio legítimo de la violencia. He ahí el gran trabajo que tienen por hacer quienes se dedican a la política institucional: o hacemos una jerarquía de violencias para plantarle cara o el sistema democrático desaparece.

Es menester adoptar una perspectiva, buscar un lugar o, sencillamente, hacerse un esquema mínimo para acercarnos a las diferentes formas de violencia. El 15-M no es violento, pero ocupa espacios públicos sin ningún

tipo de autolimitación. Está en el límite de la violencia física y ejerce una violencia simbólica en sus formas de plantarle cara al sistema. El 15-M ha venido a visibilizar, a sacar a la luz, las contradicciones de un sistema político que está en peligro. La primera y, seguramente más cruel contradicción, es que el Gobierno no sólo no ha ejercido su primera función, es decir, dar seguridad a todos sus ciudadanos a través del uso legítimo de la violencia física, sino que al haber intentado instrumentalizar el movimiento pudiera terminar abrasado. He ahí otra prueba para empezar hablar en serio de un “Estado fallido”.

¿Jornada de reflexión? LD.20.5.2011

No se preocupen señores políticos por la morralla de Sol. La morrallita, como decía la canción de Carlos Cano, somos todos. También soy yo. A todos nos gustaría estar en Sol, pero, ay, siempre hay un pero... El sistema nos atrapa, incluso a sus críticos más feroces. Y, sin embargo, la movida de Sol sirve para algo. Remueve conciencias. No es poco para quien sigue creyendo en las causas perdidas. Y la actual democracia española, no lo duden, es una causa perdida. Es, sí, una causa moral, o peor, la democracia ha quedado reducida a un asunto moral. A pesar de todo, los ingenuos se preguntan: ¿Se respetará o no la jornada de reflexión del día de las elecciones del 22 de mayo? Inocentes. ***¿Qué es eso de la jornada de reflexión?*** Nada, o peor, una impostura más de algo en lo que nadie cree. El día de reflexión es un adorno ridículo de un sistema político fracasado. A ese sistema le llaman democracia, cuando en verdad es sólo un día para que votemos de forma estabulada. Para los indignados del 15-M las formalidades de la democracia no representa nada, o peor, son otros tantos motivos para manifestarse contra el sistema.

Ahora, unos días antes del 22-M, del día de las elecciones municipales y autonómicas, a los políticos se les llena la boca de algo que desconocen real y sinceramente: la democracia. Ni existen en los partidos políticos ni existe en las instituciones. La mayoría de la casta política está ahí para enriquecerse. Son todos sustituibles. Inservibles. Todo ha quedado reducido a un método para seleccionar a los que previamente han sido nombrados a dedo por el jefe, sirviéndose de una ley electoral injusta y ridícula. Y quizá preconstitucional. ¿Democracia? ¿Qué democracia es esta basura que deja presentarse a los criminales de ETA a las elecciones? ¿Estado de Derecho?: ¿Qué Estado de Derecho es esto que nos impone las directrices sobre cómo tenemos que leer la historia de España y, sobre todo, adoctrina a nuestros hijos en las peores perversidades y manipula sus afectos más íntimos?

Aunque todavía veremos cosas peores, la cosa está tocando fondo. La intervención de un político populista, como Zapatero, ha sido imprescindible para alcanzar los actuales niveles de degradación del

sistema político; naturalmente, sin el acompañamiento de Rajoy, es decir, sin la molicie apolítica del jefe del PP, no habiéramos llegado a tal degradación. En cualquier caso, las cosas son como son y, por supuesto, podrían empeorar, aunque la casta política lo oculte. La representación política, en España, seguirá siendo arbitraria y falsa. Y, por supuesto, el espacio público-político permanecerá secuestrado por los politicastros socialistas, populares y nacionalistas.

¿Qué puede esperarse de un sistema político que permite irse, poco menos que por la puerta grande, al político más cerril y, sobre todo, más totalitario que ha dado este régimen de la Transición? Zapatero se va, sí, y Rajoy ni siquiera ha hecho un amago de moción de censura. El sistema político español toca su fin. Pero, no se preocupe nadie, esto aún durará tiempo. Las elecciones se llevarán a cabo con relativa normalidad. A Esperanza Aguirre, presidenta de la Comunidad de Madrid, a pesar de lo que digan sus cantores, le vendrá bien, muy bien, la concentración que está frente a su despacho. Y aquí paz y después gloria. Tranquilos.

No pasa nada. El 15-M es menos que un movimiento social, sí, es sólo la movida de la Puerta del Sol, una movida madrileña, o sea, un aviso, un alevoso recuerdo a los profesionales de la política, sobre la bajísima calidad de la democracia española.

22-M y las contradicciones de Sol. L.D. 23.5.2011

Las elecciones del 22-M, sí, han sido muy importantes, pero es obtuso, como mínimo, aislarlas de los últimos sucesos de las concentraciones promovidas por grupos de ciudadanos instalados en la Puerta del Sol y otras plazas de España. Quizá el grupo más numeroso de los del 15-M son antiguos votantes socialistas, y, seguramente, después de una semana de plante, el movimiento social ya esté controlado por dirigentes mayoritariamente de extrema izquierda. Pero, de momento, todo eso es un asunto menor, porque lo decisivo de esta protesta, con todas sus contradicciones y manipulaciones, sigue en pie: los españoles no somos borregos, la casta política tiene una gran parte de culpa de todos nuestros problemas y, por supuesto, es menester que el espacio público-político no sea devorado por la clase política. Son necesarias reformas importantes en el sistema político. O hay regeneración democrática o esto muere.

Estas elecciones, nos guste o nos disguste, han estado vinculadas a esta protesta, negarlo es estar ciego o, algo peor, sustituir lo real por la ideología, la mentira, que estos mismos “analistas” tratan de ver y, por supuesto, combatir en aquellos que están concentrados en la Puerta del Sol. Basta, por favor, de imbecilidades e ideologías baratas. La movida de Sol ha puesto nervioso a los partidos políticos, incluido el PSOE; más aún, soy de la opinión de que están desbordados en asuntos fundamentales, por

mucho que algunos insistan en que la indignación está controlada por las covachuelas del gobierno de Zapatero.

Por otro lado, buena parte de los analistas políticos, especialmente los vinculados a los medios de comunicación de la derecha, están fuera de juego, incluso los que juegan a ser los más radicales, esos que, desde hace años, se desgañitan porque la sociedad no se moviliza y el sistema de representación está marchito, ahora, cuando otros que no son de su cuerda lo ponen en evidencia, se asustan y apoyan toda la faramalla sobre la que sustenta la casta política. Esto también es un síntoma del fin de un régimen político que comenzó en la Transición y ya no soporta tanta contradicción.

Por favor, amigos “demócratas”, que estáis esperando un carguito para cuando llegue el PP al machito del poder, tened un poco de respeto por lo real. Al menos, por favor, reconocedme que, ayer por la mañana, día de la elección, muchos dirigentes populares estaban perplejos, e incluso algunos se quejaban amargamente de no haber sacado, el primer día de la concentración de los indignados, un cartelito desde el viejo edificio de Correos que dijera: “Os entendemos”. Por Dios, amigos “demócratas” a la espera de que os nombre algo el PP, cómo no voy a vincular las concentraciones de Sol a las elecciones de ayer y, sobre todo, al futuro del sistema político español. Podéis, naturalmente, negarlo. Allá vosotros, pero estáis haciendo algo peor que el ridículo, negáis vuestra propia identidad de analistas políticos. Si Rajoy, y sus seguidores mediáticos, no se toman en serio la protesta de la Puerta del Sol, puede que su victoria en votos, del 22-M, se torne en comida para hoy y hambre para mañana. Esa movilización será utilizada en el futuro por el PSOE contra los mesogobiernos del PP, primero, y contra el Gobierno que pudiera formar Rajoy si gana las próximas elecciones generales.

De la indignación a la violencia. L.D. 9.6.2011

Una parte de los indignados del 15-M siguen en Sol. Al toque de silbato, o sea, de movilización por las redes sociales, un millar de indignados fueron el miércoles hasta las puertas del Congreso de los Diputados. No es fácil congregarse a un millar de personas, a pesar de que muchos relativicen a este movimiento, para protestar contra la reforma laboral. También se concentraron en otros lugares de España, e incluso hubo cargas policiales y algún herido de cierta gravedad. Sin embargo, todavía hay gente que reduce el asunto a poco menos que nada. Se equivocan. Esto va para largo. La ocupación de la Puerta del Sol va para largo. Y, por supuesto, continuamente estará el movimiento del 15-M en el límite con la violencia.

Por otro lado, es natural que el movimiento derive en violencia y enfrentamientos; pues que no se conoce en la historia de la civilización un

grupo de individuos que trate de funcionar al margen de la sociedad real sin que ello derive en violencia. Eso es exactamente lo que han hecho los acampados en la Puerta del Sol: ellos han funcionado, y así lo han reflejado todos los comentaristas del mundo, en una plaza pública como una “sociedad” al margen de la sociedad... El enfrentamiento entre dos tipos de sociedades tan diferentes es inevitable.

Pero, independientemente de que nos guste más o menos la evolución de este movimiento social, sin duda alguna, surgido de asociaciones de todo tipo vinculadas a la izquierda y a la extrema izquierda política, es menester reconocer su existencia. Hacerle menosprecio, ridiculizarlo y, sobre todo, no enfrentarlo con medios analíticos es la mejor manera de que nos pase factura. Es evidente que hay dos maneras de hacerse cargo del asunto: por un lado, están los medios de la izquierda que dan una gran importancia al movimiento del 15-M; y, por otro lado, encontramos a los de la derecha que lo relativizan.

Hacen mal unos y otros; los primeros, porque no quieren reconocer la instrumentalización y aliento que les da el ministro del Interior, Pérez Rubalcaba; los segundos, porque le dan al ministro todo el protagonismo del 15-M. Se equivocan todos. Es obvio que Pérez Rubalcaba hace uso, instrumentaliza y alienta el movimiento. Forma parte de su trabajo, sobre todo, después del 22-M. Es su modo normal de hacer política en la Oposición: Hay que agitar a las masas contra los vencedores de las urnas. Pérez Rubalcaba se prepara para la nueva etapa que viene a España. Repito las preguntas formuladas en otro contexto: ¿Por qué el PSOE tendría que reprimir el movimiento del 15-M ahora, precisamente, cuando el PP ha conseguido un poder inmenso en casi todas las Autonomías y Ayuntamientos de España?, ¿por qué Pérez Rubalcaba tendría que ejercer la violencia contra quienes pueden darle votos?, ¿por qué Pérez Rubalcaba va a desalojar de los espacios públicos a un movimiento que surge de asociaciones de extrema izquierda con apoyo de millones de indignados contra el mal funcionamiento de la democracia en España?

Los manifestantes de la Puerta del Sol, más allá de que estén o no manipulados por el PSOE o IU, mantienen una inspiración común con todos los grupos humanos que en la historia se han movilizado por su libertad: no quieren que el espacio público muera arruinado por la casta política. Ninguno de los que se manifiesta quiere renunciar a ese espacio que le permite participar en la resolución de los diversos conflictos sociales. También este grupo de manifestantes, seguramente de origen izquierdista, que puede ser distinto y hasta contrario a otros que han surgido en los últimos años contra las leyes ideológicas de Zapatero, se movilizan por otro tipo de sociedad, que está lejos de una formulación

política clara y distinta, pero que, al menos, se movilizan porque todos los ciudadanos tengan acceso a lo público con el mínimo de cortapisas posibles. En otros términos, creen que la democracia no empieza ni acaba con la mera elección. Esta protesta de la Puerta del Sol, como otras que han surgido contra los políticos profesionales, es otro aviso, o mejor, un recuerdo sencillo: la sociedad civil podría ser capaz de gobernarse a sí misma sin necesidad de parásitos del institucionalismo político.

La democracia real versus la realidad democrática. Expansión, 11.6.2011

Las concentraciones del 15-M han dejado tocados y, a veces, fuera de juego a los políticos y a los periodistas. Y, por supuesto, a los grandes ejecutivos de las principales corporaciones españolas. Este movimiento es demasiado importante para no comentarlo con detenimiento. Quienes desprecian su importancia, en mi opinión, niegan lo real. Caen en la ideología que tratan de combatir en los manifestantes. Más aún, este movimiento social irá, por supuesto, cambiando también en función de los análisis y teorizaciones que de él se hagan. No nos engañemos. Prestemos atención a lo que dicen y hacen. Y, por supuesto, leamos con detenimiento las interpretaciones. De momento, y no es poco, resulta un movimiento pacífico de primera magnitud, que ha conseguido abrir las elecciones del 22-M a una nueva interpretación. Los resultados electorales, cómo no reconocerlo, también han estado influidos por los movimientos del 15-M, que influirán sin duda alguna en la política futura de España.

Pero, antes de analizar los resultados electorales en función de las concentraciones de Sol, es menester resaltar que resulta triste constatar, que la reacción de la prensa y los medios en general ante las concentraciones de este mayo electoral ha estado por lo general tan ideologizada como el resto de la vida española. En esta perspectiva ideológica, hay que reconocer que el socialismo que nos gobierna ha hecho un buen trabajo de zapa en la mentalidad de los españoles de ambos sexos, hasta reducir al mínimo las posibilidades de entendernos en un lenguaje común. Falso sería, sin embargo, no admitir que el PSOE ha estado muy bien acompañado por el PP en este camino de ideologización y de mentiras, por ejemplo, ¿conoce alguien las propuestas de regeneración política y democrática del PP? La oposición en materia democrática del PP al PSOE dista de ser calificada de eficaz e inteligente en esta materia.

Esa ideologización extrema de la vida política española es una evidencia más de la imposibilidad de entenderse que nos sale al paso a la hora de sacar alguna lección de lo que pasa en la calle, en la Puerta del Sol y otras plazas de España, y lo que dice la gente en estos días a propósito de aquello que empezó a ocurrir en el centro del centro de España. En lo que a

los medios de comunicación se refiere, es curioso contrastar ambos lados del frente ideológico vigente, para ver cómo dicen lo mismo para esconder lo que ocurre y jugar cada uno al juego en el que cree poder ganar. En la trinchera de la izquierda domina un tono descriptivo que roza la neutralidad, tal vez porque están convencidos de que toda agitación social les pertenece de pleno derecho, de modo que no hay porqué gastar salvas en reivindicar lo que todo el mundo debe ver con evidencia, a saber, que la contestación social sólo tiene un curso posible que es el de volver al redil de los partidos de la zona del espectro que naturalmente tiene el cometido guiar estos movimientos.

El gesto paternal de Zapatero ante el movimiento 15-M es normal y, por otro lado, es lo que cabe esperar de sus entendederas políticas, limitadas, como se sabe, pero de gran eficacia ideológica. Estamos ante un populista en horas bajas. Pero, curiosamente, desde enfrente responden medios y oposición con la misma afirmación de la naturaleza izquierdista del movimiento, con el solo añadido, que ellos creen fundamental, de que se trata de una manipulación completamente inadmisible que pone en cuestión el estado y toda su maquinaria legal. Realmente no hace falta. El estado y su maquinaria están ya en cuestión hace tiempo. No es el ánimo de mediar lo que nos lleva a escribir estas líneas, sino el de disentir de estas maneras tan pobres de ver las cosas, que nos parecen de una ceguera culpable en un asunto de tanta gravedad.

Querer apropiarse de un movimiento así por motivos estético-ideológicos como pretende el PSOE o pasarlo por un ejército de antidisturbios aplicando una legislación que está lejos de ser clara al respecto nos parece la misma barbaridad, cómplice de un sistema político que lleva un país a la bancarrota. Las responsabilidades de uno y otro bando no son ciertamente las mismas: son infinitamente más graves las de un gobierno que ha hecho de la mentira y la ideología *guerracivilista* un arma letal de desintegración política de la que es posible que España no se recupere. Pero no podemos olvidar las responsabilidades de una oposición que no ha dejado claro, entre otros asuntos, que en sus filas no puede haber ni la más remota sospecha de corrupción, que ha dejado pasar ocasiones importantes para plantar cara al gobierno y que ha abandonado prácticamente la nación a las Autonomías y sus derivas nacionalistas más extremas y ridículas. Pero esto es otra historia. De lo que aquí se trata es de afinar el juicio sobre los acontecimientos en cuestión tal como está sucediendo, de los que afirmamos, de entrada, su indeterminación y sus posibilidades abiertas.

Hay, en efecto, algo que está todavía por expresar para que demos de manera firme nuestro apoyo a esa iniciativa que hasta ahora permanece en

una incertidumbre que desafía a quien quiera mirar con atención y sin prejuicio. Esa indeterminación nos lleva más allá de los orígenes del movimiento, tal vez fraguado en las covachas de unos pintorescos personajes de nula representatividad política. No es importante. Lo cierto es que lo que hay ahora en la Puerta del Sol no coincide con ninguna configuración ideológica conocida, es decir, ha saltado los límites que los nostálgicos izquierdistas de salón preveían para su mayo revolucionario. Y es aquí donde queremos poner el dedo para señalar las insuficiencias democráticas graves que observamos en esta gente que se define como *demócrata real*. Nos preguntamos si esa democracia que reivindican no tiene algo de imaginario, en la medida en que no se hace cargo de aquello que le puede dar justamente más realidad. Nos preguntamos cómo es posible que se obvie, o peor, que se oculte, justamente la condición de españoles de ambos sexos, de la ciudadanía española que comparten, en virtud de la cual tienen sentido sus reivindicaciones, pueden exigir a gritos y con razón sus derechos, reclamar su representación, denunciar abusos y corrupciones. En fin, nos preguntamos cómo es posible que se exhiban artículos de una Constitución sin reconocer que es justamente la de un país concreto, con una historia triste y única de odios civiles como recuerda Payne, que se la dio en un acto soberano para encauzar una reconciliación que superara las diferencias asesinas en un régimen de derechos y libertades sólido y duradero. ¿Por qué ocultan los indignados del 15-M que España es un Estado-nación? ¿Por qué no dejan estar con ellos a las personas que se manifiestan con la bandera de España y sin con la bandera contra constitucional de la Segunda República que trajo la Guerra Civil?

Sin España carecen de sentido las expectativas de prosperidad libre y protegida por leyes; en efecto, sin España desaparece la esperanza de transformar estas mismas leyes en el sentido de promover la legítima aspiración a participar en esa libre igualdad; sin la ciudadanía española no habrá sentido para los gritos y protestas que escuchamos en las plazas de España. Sobre todo cuando es una pésima gestión del Estado lo que ha llevado a tanta ruina y desesperación. De otro modo, es cuestión de preguntarse por qué no hacen esas protestas delante del edificio de la ONU o cualquier otro organismo de pretensiones o competencias cosmopolitas. Así pues, he ahí el primer déficit de democracia en los *enrages* de Sol. Un déficit de patriotismo que, de no ser por la triste manipulación ideológica del lenguaje que hace que en español “republica” se identifique no con un régimen de libertades, sino con un triste momento de la historia española, llamaríamos con gusto “patriotismo republicano”.

Y ya puestos a preocuparse por la salud de la democracia o su realidad como quieren reclamar, no es difícil encontrar un segundo y terrible déficit.

Parecen olvidarse estos indignados, entre los que nos sorprende algunos oportunistas con sus firmas, que en este país hay ciudadanos de ambos sexos que no pueden vivir con la libertad que tan fieramente solicitan en Sol con apoyo mediático quizá desproporcionado a su número. La gente asesinada por ETA por el simple y sencillo delito de ser ciudadanos españoles no parece inquietar a nadie de los que están reunidos en Sol; las víctimas del terrorismo de ETA no aparecen en sus reivindicaciones, donde por lo demás figuran tonterías de rango planetario como las que conciernen a la Iglesia. Si se repararan estas deficiencias, sin necesidad de grandes exhibiciones patrióticas ni manifestaciones plañideras, sino por los sencillos medios simbólicos disponibles, estamos seguros de que la solidaridad de los indignados crecería y su clamor ya no podría ser obviado por los partidos de turno.

Bastaría con resaltar que la ciudadanía es española o no es, junto al recuerdo de los asesinados por ETA sólo por ser españoles, para que millones se sumasen a estas protestas.

Meditación sobre Sol. L.D.1.6.11

Los indignados del 15-M llevan quince días ocupando la Puerta del Sol. ¿Qué decir de su indignación? Ahí va mi meditación: Nunca ha sido fácil hacer un buen uso de las pasiones, especialmente si pertenecen al género de las llamadas pasiones políticas. He ahí el ejemplo de la movida española de los indignados del 15-M, que ha pasado de ser una fuente de inspiración de protesta democrática, sensata y verosímil contra un régimen político mortecino, a una mascarada ideológica para esconder vicios mentales de una vieja y vulgarísima extrema “izquierda” llena de estulticia intelectual y carente de mediaciones democráticas para participar en el sistema democráticos con algún viso de éxito. Por fortuna, los mejores que había en Sol ya se marcharon. Sólo queda la espuma. Permanece una pequeña muchedumbre que hace mal, mucho mal, como diría Descartes, por poseer un bien que no merecen.

La indignación, la ira y la rabia son pasiones valiosas en la medida que están fundamentadas sobre una opinión política, sensata y ajustada a la realidad, unos argumentos sólidos, capaces de enfrentarse a la injusticia de modo proporcionado con el mal causado, y un juicio político, basado en el contraste de muchos pareceres. La pasión de la indignación, esa especie de odio o aversión que la naturaleza ha puesto en cada uno de nosotros con mayor o menor abundancia, contra los que hacen algún mal, sea del tipo que sea, desaparece, si perdemos de vista al causante concreto de mal. Eso es, exactamente, lo que ha sucedido en la movida de Sol.

Quienes se han plantado en Sol, sin otro “fundamento” que reclamar una justicia universal contra todos los males de la humanidad, son unos

impostores, o peor, gente que se auto-engañan cobardemente. Son, sí, criminales de una de las principales pasiones del ser humano: la indignación, rabia, ira u odio que sentimos por naturaleza contra los que hacen algún mal. Eso es, repito, lo que yo siento ante los concentrados de la Puerta del Sol: indignación. Me siento indignado con ellos porque poseen un bien que no han merecido, a saber, participar en el proceso político de creación de bienes en común sin ninguna limitación, o sea, sin atender que su ocupación de un espacio público era simbólica o se convertía, directamente, en una agresión al resto de ciudadanos que viven en ese lugar.

Mis amigos de Sol, sí, los kiosqueros, los pasteleros, los camareros, los joyeros, los loteros y otros tantos profesionales del sector servicio, se sienten maltratados. Los “indignados” del 15-M han machacado sus negocios. En fin, mientras que la indignación de los comerciantes y ciudadanos de Sol está justificada, entre otras razones, porque el causante del mal está bien delimitado, la indignación de los acampados allí es pura filfa. En efecto, la indignación fundamentada sobre una abstracción, por ejemplo, sobre un sentimiento de injusticia universal, es, en verdad, un engaño. Una manera de asesinar una de las grandes pasiones políticas de todos los tiempos.

Cuando los del 15-M salieron a la calle indignados por la corrupción, o por la falta de representatividad democrática de nuestro sistema político, fueron vistos con simpatías por millones de ciudadanos que compartían esa pasión. La ocupación de un espacio público para convertirlo en un foro político de carácter simbólico fue bien visto por la inmensa mayoría de los ciudadanos. Sin embargo, la ocupación material e ininterrumpida de ese ámbito público por unos cuantos individuos, que incluso reconocen no representarse a sí mismos, tiene que ser vista como una agresión. ¿Qué hacer ante el agresor? Defenderse. O sea, o el ministro del Interior, Pérez Rubalcaba, los desaloja o diremos que está colaborando con los delincuentes.

Lo dicho, querido lector, cuando la indignación no es concreta es mera simulación. Quizá acabe en eso el 15-M. Quizá se convierta en una mera caricatura de una protesta que tuvo un origen genuinamente democrático. Seguiremos.

Латинская Америка в ускоряющемся потоке перемен

Начало XXI века и нового тысячелетия не принесли человечеству ожидавшихся благоприятных сдвигов. К известным причинам вселенских бед, наоборот, добавились те, которые, казалось, давно уже должны были быть похоронены в глубине прошлых столетий: религиозные и межнациональные распри, иррациональные протестные движения и радикальное политическое мессианство.

Неожиданное для многих окончание биполярного противостояния сделало Соединенные Штаты Америки единственной мировой сверхдержавой. Однако их лидерство не принесло миру тех дивидендов, на которые уповали приверженцы «благожелательного гегемонизма». Роль, которую США прямо или косвенно играют в раскручивании нового витка гонки вооружений, в ухудшении климатической ситуации, нарастании волны терроризма, наркоторговли и преступности в конечном счете подрывает доверие к идеалам свободы и демократии, защитниками которых сами же США себя и объявляют. Глобальный экономический и финансовый кризис заставляет людей задуматься об их роли как форпоста мировой экономики и финансов. Можно предвидеть, что по мере развития деструктивных тенденций в глобальной экономике и политике, будут усиливаться позиции держав, способных в ближайшие десятилетия, вместе или порознь, составить конкуренцию государствам «коллективного Запада» – Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР (БРИКС), Мексики, Ирана, Индонезии. Будут оформляться блоки и союзы развивающихся стран, основанные на «цивилизационных» - этно-культурных и/или религиозных предпочтениях – исламский, южноазиатский, восточно-азиатский и латиноамериканский. Находящаяся в процессе становления «латиноамериканская цивилизация», неформально возглавляемая страной-гигантом - Бразилией, способна адекватно вписаться в грядущий миропорядок и, при условии сохранения и приумножения присущих ей специфических характеристик, усилить надежду на то, что он, в отличие от всех предыдущих, окажется все же не столь жестоким для человека.

Процесс глобализации кроме многих новых *проблем* открыл для человечества и новые, огромные по своим масштабам *дополнительные возможности*. Это, в первую очередь, – *ускорение*

всех форм социальной коммуникации в мире, что делает реальным процесс формирования единого *глобального гражданского общества*. Это и идущий параллельно *процесс объективного экономического и культурно - психологического сближения между народами*, который заставляет их искать новые формы социального бытия, создавая нечто вроде свода общей «глобальной культуры», основывающегося на фундаменте из национальных культур. Оба этих процесса предполагают поиск нового *политического мироустройства*, не умаляющего, но *приумножающего* достоинства национальных моделей.

Ускоряющийся в условиях интенсификации экономических, валютно-финансовых, информационных, культурных и др. связей *поток реального времени* оставляет человечеству все меньше возможностей для отвлечения на тупиковые пути развития. Развитие материального прогресса, основанного на безграничном (подчас «вмененном») потреблении, «выталкивает» людей на внесение конструктивных начал в стихийные процессы. В повестке дня БРИКС перестройка основ мировой экономики и политики. Как встраиваются в нее государства Латинской Америки?

Латино-карибский регион представляет из себя конгломерат 33-х различных в плане территории, населения, экономики и политического устройства государств: от гигантской Бразилии (пятое место в мире по территории и населению, 7 -е по объему ВВП) до мини- островов Карибского бассейна. Там проживают около 550 млн. человек. Суммарный ВВП стран Латинской Америки составляет внушительную сумму в 3 млрд. трлн. долл., но с даже вместе они пока не могут сравниться ни с США (12,4 трлн. долл.), ни со странами ЕС (13,2 трлн. долл.) и Японией (4 трлн. долл.). Ни одно из государств Латинской Америки не обладает ядерным или другим оружием массового уничтожения. Нет там и крупных, технически-оснащенных современных армий. Географическая удаленность, делавшая страны этого региона весь XX век сторонними наблюдателями политических и военных бурь, которые потрясали Европу и Азию, наложила на него ауру «периферийности», не до конца еще изжитую даже в наше время.

Но приведенные выше выкладки - есть дань ушедшей эпохе и ее уходящим предпочтениям. Новое неизбежно вторгается в нашу жизнь, заставляя отказываться от старых стереотипов и в ином свете оценивать нереализованные возможности. С этой точки зрения возьмем на себя смелость квалифицировать государства латиноамериканского региона как *нерастраченный резервуар* -

хранилище природных, энергетических и других естественных ресурсов человечества, а также депозитарий таких важных гуманитарных ценностей, которые способны стать добротным строительным материалом для нового глобального миропорядка.

Ресурсный потенциал латиноамериканских государств позволяет им с уверенностью заглядывать в XXI век. И дело тут не только в уже открытых и осваиваемых запасах нефти и газа, сколько в перспективах освоения новых природных богатств с расчетом на неизбежное ускорение научно-технического прогресса. Так, например, бассейн р. Амазонка, занимающий гигантскую площадь в 5,2 млн. кв. км, является неисчерпаемым кладом как невозобновляемых, так и возобновляемых источников энергии, использование которых – дело уже не столь отдаленного будущего.

Основным дефицитом на Земле, как предполагают ученые, начиная с середины нынешнего столетия, станут не нефть и газ, а пресная вода, при том что Амазонка с ее притоками содержит от 11 до 13% всех ее мировых запасов. Без совершенствования биотехнологий нельзя представить развития современной медицины, фармацевтики и многого другого. Амазония – это 33% всей площади тропических лесов на нашей планете, сосредоточивших в себе до 30% всех известных на Земле образцов флоры и фауны. А еще необходимо учитывать перспективы использования гидроэнергии, энергии ветра, солнца и биомассы: здесь резервы Латинской Америки поистине неисчерпаемы. Благоприятный климат делает этот регион одним из крупнейших в мире производителей и экспортеров сельскохозяйственной продукции, причем одна Бразилия, согласно подсчетам специалистов ФАО, способна прокормить свыше 1 млрд. человек.

Но дело не только и даже не столько в природных ресурсах. Важное значение имеет сегодня то, какими путями будет развиваться латиноамериканская цивилизация, насколько придаваемые ей формы будут соответствовать особой специфике латиноамериканца, которая отличает его от «стопроцентного англосакса», и о которой с известной долей симпатии писал еще в 50-е гг. XX в. патриарх американской дипломатии Дж. Кеннан¹.

Что за процессы идут сегодня на огромном пространстве латиноамериканского региона от Мексики до Огненной Земли? Почему к январю 2005 г вместо «Всеамериканской зоны свободной торговли» - *АЛКА*, где, как планировалось, навсегда были бы похоронены все причины для противоречий между США и Латинской Америкой, получилось чуть ли не второе издание

«континентальной революции»? Ведь, несмотря ни на какие прогнозы, в Венесуэле продолжал занимать президентский пост харизматичный Уго Чавес, а в Никарагуа - Даниэль Ортега. В 2002 и 2006 гг. на президентских выборах в Бразилии уверенно побеждал «умеренно левый» Лула, а в 2011 г. своего «супер-успешного» предшественника на этом посту сменила его соратница по Партии Трудящихся Дилма Руссефф. В Боливии, Эквадоре, Перу и Парагвае к власти пришли «левые» режимы с сильной индейской составляющей, а в Мексике новых «левых» от победы на выборах отделяло совсем немного...

Пример «левого поворота» заставляет задумываться, однако, не о «классовой борьбе» а об обострении различий, основанных на неприменимости «универсальной» (американской) модели свободы-демократии к традиционным обществам с собственной цивилизационной спецификой. Эти различия, которые напрямую отражались на уровнях развития и политической стабильности латиноамериканских государств, наталкивают на вывод о том, что 200 лет независимого существования им оказалось *недостаточно*, чтобы достичь социально-экономических показателей США, и что никакие «уроки демократии», преподаваемые им с Севера, не возымеют действия, теперь уже можно смело сказать, «никогда». *Если только в них не будет учитываться этой самой цивилизационной специфики.*

В основе перемен, которые переживает сегодня регион, лежит *конструктивный национализм*, продиктованный стремлением найти утерянную где-то в XIX веке, собственную, отвечающую исторической и культурно-этнической специфике его народов модель развития, и обеспечить свободную от внутренних и внешних ограничителей возможность ее беспрепятственного претворения в жизнь. Процесс этот можно было бы назвать *«цивилизационный подъем»*. Он начался примерно с середины 50-х гг. XX века и стал продолжением общемировой волны, которая почти одновременно накрыла все колониальные и полу-колониальные страны после окончания второй мировой войны. Это китайская, иранская, индонезийская и египетская революции 50-х годов, корейская, алжирская и вьетнамские войны, события в Конго и бурно развивавшийся все 60-е годы процесс деколонизации Африки, Иранская революция конца 70-х. Продолжением этого процесса в Латинской Америке стала гватемальская и кубинская революции, события в Доминиканской республике, приход к власти в Чили правительства С. Альенде, череда военных переворотов, большинство

которых также проходило под националистическими лозунгами, революция в Никарагуа, «левый поворот».

Сегодня страны латиноамериканского региона, может быть не всегда уверенно, методом «проб и ошибок», возвращаются на путь национального духовного возрождения. Перед глазами у них – опыт Японии, Южной Кореи, «азиатских тигров» и КНР, которые сумели в кратчайшие исторические сроки добиться экономических успехов и справиться с бедностью не путем копирования чужих экономических моделей, а методом *сочетания* международного опыта с собственными национально-культурными приоритетами.

Вся середина 90-х гг. и начало XXI столетия в Западном полушарии прошли под знаком дистанцирования двух Америк по таким важным вопросам, как стратегия экономического развития и безопасности, проблемы глобализации и интеграции, войны и мира, борьбы с терроризмом и наркотрафиком, мировой торговли, миграции и защиты окружающей среды, энергетики, реформы ООН и международного права. Этот список можно было бы продолжить, но лучше обобщить. В основу подхода ведущих латиноамериканских стран к основным проблемам глобального закладывается *гуманитарное* начало, которое не позволяет им согласиться с политикой, которую США проводит на международной арене.

С исторической точки зрения *падение престижа и влияния США* в этом регионе – это объективный процесс, который стал результатом долгих лет вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела стран Латинской Америки, игнорирования ими их законных нужд и интересов, попыток навязывания своей модели экономического, политического и культурного развития и т.д. Он стал также следствием экономического развития латиноамериканских стран в 70-е – 80-е гг, поиска и нахождения многими из них собственной модели с определяющим участием государства в решении наиболее неотложных социальных проблем. Дополнительным фактором в 2000-е гг. стал мощный рост экономик стран Юго-Восточной Азии, в первую очередь – Китая, который обеспечил странам Латинской Америки возможность опоры на альтернативные рынки.

Началом конца «сферы влияния», стали осуждение латиноамериканскими странами военной акции США и НАТО в Югославии в 1999 г., отказ ведущих государств поддержать вторжение войск США в Ирак в 2003 г. и провал планов США по созданию «Всеамериканской зоны свободной торговли» (АЛКА) в 2005 году. Провал АЛКА явился еще одним подтверждением утери

Соединенными Штатами перспективного видения многих новых процессов в постбиполярном мире и следствием их необоснованной уверенности в том, что только военная мощь и экономический нажим способны решать любые проблемы. Эта уверенность привела, в частности, к тому, что «домашнее» латиноамериканское направление его внешней политики в 2000-е гг. осталось, по сути дела, неприкрытым.

Особой напряженностью в этот период отличались *американо-бразильские отношения*. Возглавляя с ноября 2002 г. переговорный процесс по созданию АЛКА, США и Бразилия так и не смогли выработать к концу 2005 г. договор, который устраивал бы всех потенциальных участников планировавшейся ЗСТ. Параллельно выявилась масса других неурегулированных проблем в отношениях двух крупнейших стран и двух крупнейших экономик Западного полушария. Бразилия, как и остальные государства-члены Меркосур, выступали против субсидирования Соединенными Штатами своего сельского хозяйства, введению различных нетарифных ограничений на свою продукцию. Оставались неурегулированными вопросы патентной политики, госзаказа, обеспечения социальных прав трудящихся и т.д. Высокие пошлины на бразильский этанол на рынке США сделали невозможным заключение между двумя странами так называемого «этанолового альянса»^{*}.

Меры, предпринятые США для того, чтобы «отыграть» свои позиции в странах к югу от Рио-Гранде, оказались неэффективными. Ими так и не были решены наиболее острые вопросы в отношениях со странами этого региона, которыми являлись *проблема незаконной миграции* из Мексики, стран Центральной Америки и Карибского субрегиона и *борьба с наркотиками*, все в больших количествах поступающих на рынок США из Мексики, Колумбии, Боливии и Перу. Усиление военного присутствия в Колумбии под предлогом борьбы с наркоторговлей и незаконными вооруженными формированиями, с созданием там военных баз, вызвало негативную реакцию большинства латиноамериканских стран. Оно стало одной из причин *беспрецедентного обострения региональной ситуации в марте 2009 года*, и чуть было не спровоцировало вооруженный конфликт между

^{*} В 2009 г. Бразилия занимала первое место в мире по экспорту этанола (горючего, производимого из органических материалов), а Соединенные Штаты – по его производству. Однако бразильский этанол, получаемый из переработки маниоки и сахарного тростника, был более дешев, что повышало его конкурентоспособность на мировых рынках (подробнее.: Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М., «Наука», 2008, Гл. 11).

Колумбией, с одной стороны, и Эквадором, поддержанным правительством Уго Чавеса, – с другой («кризис в Ангостуре»).

Пытаясь отойти от силового курса Дж. Буша-младшего, Б. Обама вновь как бы «не заметил» важных политических новаций, произошедших в регионе. Все внимание президента США к странам Латинской Америки свелось к призывам «открывать новые экономические и социальные возможности», «гарантировать совместимые с экологией цели экономического развития», «укреплять эффективные демократические системы» и т.д. Как отмечали латиноамериканские обозреватели, эти *чисто внутренние* вопросы не могли быть предметом «рекомендаций» со стороны зарубежного политика, который избегает адресовать такие же, например, народам Азии или Европы. Важным пунктом противоречий оставалась антикубинская политика Вашингтона. Накопившиеся противоречия между США и ведущими государствами региона позволили известному американскому латиноамериканисту П. Хакиму предвидеть неизбежное *обострение в ближайшие годы всего комплекса отношений между США и странами ЛАКБ, и, в первую очередь – американо-бразильских отношений*¹.

События происшедшие в Западном полушарии в период 2000 – 2011 гг. позволяли судить о том, что сохранение понятия «сфера влияния США» в отношении основного массива *южноамериканских государств*, можно считать эфемерным. Что касается государств Северной (Мексика) и Центральной Америки, Колумбии и стран Карибского бассейна, то и там, учитывая растущую диверсификацию их международных политических и торгово-экономических связей, это понятие начинало все больше терять свою привычную смысловую нагрузку. К началу второго десятилетия нового века в Западном полушарии можно было выделить два формирующихся «центра притяжения»: *северный*, (НАФТА+ Центральная Америка и Карибы и, возможно, Колумбия), где сильно влияние США и *южный* (Меркосур + Унасур), где усиливаются лидерские позиции Бразилии.

Развитие Меркосур конца 90-х годов, солидарная позиция его стран-членов в отношении АЛКА и перспективы его «переформатирования» в более широкие структуры доказали возможность существования в Южной Америке самостоятельного геополитического и «цивилизационного» блока. Следует отметить также создание южноамериканскими государствами в более «широком» составе в 2006 г. «*Союза южноамериканских государств*» - УНАСУР с двумя «несущими» опорами - *Южноамериканским советом обороны (ЮАСО)* и *Инициативой по развитию*

южноамериканской региональной интеграции в области инфраструктуры (IIRSA).

Появляются и новые возможности *российско-латиноамериканского сотрудничества*. Рост товарооборота РФ с регионом, несмотря на последствия глобального экономического кризиса, в 2011г. достиг 11,5 млрд. долларов. К концу 2010 г. Российская Федерация поддерживала дипломатические отношения со всеми 33 государствами ЛАКБ, имея посольства в 18 странах, в 15 странах - посольства по совместительству, и 3 генеральных консульства. С 1992 по 2010 годы между РФ и государствами ЛАКБ были подписаны более 150 двусторонних договоров и соглашений, которые касались политических, торгово-экономических и информационно-культурных связей, научно-технической политики, сотрудничества в сфере безопасности и борьбы с «новыми угрозами». Все эти годы действовали «Комиссии высокого уровня» с Бразилией и Венесуэлой и межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Аргентиной, Бразилией, Кубой, Мексикой и Чили, использовались механизмы контактов по линии ОАГ и «Группы Рио», консультации РФ – Меркосур, регулярные встречи во время Генассамблеи ООН и саммитов АТЭС, которые, начиная с 2006г., дополнились новыми форматами: в частности, с Бразилией по линии БРИКС, и с другими ведущими государствами региона в формате «Г-20». «Россию и страны Латинской Америки и Карибского бассейна, - отмечал министр иностранных дел РФ С. Лавров, - объективно сближают твердая приверженность примату международного права, центральной роли Организации Объединенных Наций, укреплению многосторонних механизмов регулирования международных отношений». Министр отметил, что «наработанный опыт регионального сотрудничества позволяет им выступать с коллективных позиций по ключевым международным проблемам», таким, как контроль над вооружениями и нераспространение оружия массового поражения, укрепление координирующей роли ООН, контроль за незаконным производством и оборотом легкого стрелкового оружия, взрывчатых и наркотических веществ». Развитие латиноамериканской интеграции, по словам С. Лаврова, «может стать важным фактором глобальной стабильности, если она не замкнется в себе, особенно в торгово-экономической области и будет строиться на принципах «открытого регионализма»¹.

«Лицо» мира существенно меняется. В Бразилии уже давно считают необходимым многократно усилить глобальное

сотрудничество «стран-гигантов», среди которых неизменно фигурирует и Россия. Но для того, чтобы эти прогнозы стали реальностью мы должны открыть для себя «новую» Латинскую Америку – производителя самолетов и лекарств, автомобилей и биотехнологий, продовольствия и ноу-хау. Сегодня страны этого региона постепенно начинают видеть в России не только важного политического партнера, но новый и перспективный источник капиталовложений. В интересах России развивать эти связи.

¹ Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. - М., 2002. - С. 381.

¹ <http://www.infolatam.com/2010/11/25/la-politica-de-obama-hacia-america-latina-tras...>

¹ Латинская Америка. – 2006. – №1.

Россия и США на историческом рубеже

Начало XXI в. было ознаменовано ухудшением российско-американских отношений по ряду причин. Ведущей причиной такого положения стало стремление России проводить независимый, активный внешнеполитический курс без оглядки на позиции США. «Москва стремится утвердиться в мире и часто делает это непоследовательно, создавая угрозу американским интересам»², – писала будущий госсекретарь США К. Райс. Этот курс во многих своих аспектах не совпадал, а порой входил в явное противоречие с политикой Вашингтона. К этим проблемам относились: американская агрессия в Ираке, разногласия по отношению к ядерным проектам Ирана, размещению системы ПРО в Центральной Европе, открытая поддержка Вашингтоном антироссийских режимов в Украине в период президентства В. Ющенко и М. Саакашвили в Грузии, вмешательство во внутренние дела Ливии, Сирии, других арабских стран и др.

Белый дом за 1990-е гг. после крушения СССР и мировой системы социализма привык к тому, что его внешнеполитические декларации-указания должны безоговорочно выполняться, независимо от того, отвечают они национальным государственным интересам той или иной страны. Москва же, начиная с 2000-х гг., стала демонстрировать отход от принципов однополярного мироустройства, более того, аргументировано и обоснованно критиковала многие амбициозные военно-политические решения Вашингтона.

В качестве ответных шагов президент Дж. Буш-мл. проводил курс на игнорирование России как стратегического партнера, стремился вытеснить нашу страну из ряда важных стратегических регионов (Центральная Азия, Южный Кавказ), окружить Россию кольцом враждебных государств, лояльных Вашингтону. Визит президента США в Москву состоялся в 2002 г., после чего Дж. Буш-мл. в России не появлялся, тем самым демонстрируя свое негативное отношение к российской политике. Не без участия Пентагона была развязана и прямая военная агрессия Грузии против Южной Осетии в августе 2008 г., поставившая под угрозу безопасность южных рубежей России.

Другой причиной обострения российско-американских отношений стали серьезные провалы во внешнеполитическом курсе Вашингтона, особенно в связи с войной в Афганистане и Ираке.

Внешнеполитическая идеология администрации Дж. Буша-мл. основывалась на смеси неоконсерватизма, неолиберализма и американской исключительности. «Во внешней политике американцы постоянно разрывались между наследием твердолобого реализма и идеалистической верой в миссию Америки способствовать укреплению демократии и свободы личности...»³ – отмечала К. Райс.

Фундаментальным тезисом американских неоконсерваторов стала идея распространения в мире демократии американского образца силовыми путями. Насилие рассматривалось как некий абсолют, система универсального действия, часто независимо от конкретной ситуации. На практике игнорировались национальное своеобразие стран, религиозные, культурные особенности, исторические традиции. Неоконсерваторы по своей идейной сути и по образу действия представляли радикалами. В политической практике образовалось сложно формулируемое словосочетание – радикальный консерватизм, в котором произошло смыкание противоположных доктринальных положений. Этот симбиоз во многих своих проявлениях являл неприкрытую форму политического экстремизма, реализуемого на государственном уровне в планетарных масштабах.

Идея навязывания демократии определенного образца несостоятельна сама по себе. Во-первых, нет идеального общества, общественного устройства без изъянов. Во-вторых, в многообразном мире не может быть единого шаблона, даже если он во многом превосходит другие образцы общественного устройства. В-третьих, доктрина, основанная на силе, на абсолютизации насилия в качестве универсального действия, никогда не приводила к конструктивным решениям, напротив, чаще всего вызывала отторжение и неприятие. Все это в полной мере проявилось в процессе военно-политических усилий администрации Дж. Буша-мл. в Афганистане и Ираке.

В 2003 г., вскоре после вторжения в Ирак, Дж. Буш-мл. заявил: «Освобожденный Ирак может продемонстрировать господство свободы, чтобы произвести перемены в этом жизненно важном регионе, принести надежду и прогресс в жизнь миллионов»⁴. Идея содействия продвижению демократии из-за границы стала доминирующей в мышлении неоконсерватизма еще в период второго президентского срока Р. Рейгана⁵. Эта идея была заимствована администрацией Буша-мл.

Легкой прогулки по горам Афганистана и пустыням Ирака у американских солдат не получилось. Соответственно оказались несостоятельными доктрины Буша-мл. о демократическом переустройстве государств по американской модели. Россия, как и

некоторые западноевропейские страны, отказалась участвовать в сомнительной военной аванюре, что вызвало раздражение в Белом доме. Неудачи и просчеты во внешней политике привели к тому, что США стали терять влияние во многих сферах международной жизни. Авторитет Вашингтона пошатнулся, когда он попытался с помощью силы навязать миру свои гегемонистские устремления, собственную систему ценностей. Эпоха однополярного мира вступила в завершающую фазу, которую известный американский политолог Ф. Закария назвал «постамериканским миром»⁶.

Особой остроты напряжение в российско-американских отношениях достигло после пятидневной войны на Кавказе в августе 2008 г. В те дни потерпела полный крах агрессия Грузии против Южной Осетии и пришедшей к ней на помощь России. За спиной грузинской авантюры стоял Белый дом: американские военные советники готовили грузинскую армию к развязыванию войны на Кавказе. Мир оказался в состоянии близком к «холодной войне». Запад осудил действия России по принуждению агрессора к миру за непропорциональные военные действия со стороны российской армии.

Не надо быть военным специалистом, чтобы определить, что отражение агрессии не предполагает пропорциональных действий. Да и измерить пропорциональность в ходе боевых действий достаточно сложно. Закономерен вопрос: являлись ли пропорциональными варварские бомбардировки американской и натовской авиацией мирных объектов на территории суверенного государства Югославии весной 1999 г., когда днем и ночью наносились бомбовые удары по школам, больницам, жилым домам, другим гражданским объектам. Российское государственное руководство тогда отмолчалось, оставив сербский народ наедине с агрессором. Является пропорциональной и вообще оправданной агрессия США и их союзников в Афганистане и Ираке?

Вашингтон, тем не менее, выразил крайнее недовольство самостоятельными, принципиальными действиями Москвы, что, в свою очередь, не замедлило сказаться на состоянии российско-американских отношений и в целом сотрудничества России и Запада. Хороших личных контактов на уровне глав государств оказалось недостаточно для налаживания постоянного конструктивного диалога, его углубления и расширения. При первой встрече Дж. Буша-мл. с В. В. Путиным в 2001 г. американский президент заявил: «Я посмотрел в глаза этому человеку и понял, что это – откровенный и правдивый человек... Я почувствовал его душу»⁷.

Приход к руководству государствами новых лидеров России и США обозначил настоятельную необходимость перехода от политики конфронтации к конструктивному сотрудничеству. Отношения Москвы и Вашингтона имеют стратегическое значение для судеб всего мира, для формирования нового, более безопасного миропорядка. Появилась надежда на встречные шаги и, как следствие, в политический лексикон вошли новые термины, обозначающие содержание этого движения. Термин «reset», впервые примененный вице-президентом США Джо Байденом в феврале 2009 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, весьма точно обозначил «перезагрузку» отношений между нашими странами. Позже этот термин применяли и лидеры государств Д. А. Медведев и Б. Обама. Правда, американский президент употреблял и термин «reboot» (дословно – «переобуть»). Термин также вполне приемлем, исходит из необходимости провести позитивные перемены в российско-американском сотрудничестве.

Исследователи приступили к анализу процесса перехода от новой политической лексики к новому практическому качеству российско-американских отношений⁸.

Ответственность России и США за состояние дел в мире, за нормализацию двусторонних отношений выходит далеко за рамки обычного межгосударственного сотрудничества и носит глобальный характер. От отношений ведущих ядерных держав зависит очень много в мировой политике, да и в жизни человечества в целом.

Вашингтон и Москва стремились показать на практике, что новые политические термины должны подкрепляться реальными шагами, наполняться конкретным содержанием. И, прежде всего, речь идет о восстановлении практики постоянного конструктивного диалога, чтобы за правильными словами следовали реальные дела.

Первым шагом в направлении «перезагрузки» стал визит в Москву президента Б. Обамы в июле 2009 г. В своем первом интервью российским СМИ – «Российской газете» – Б. Обама подчеркнул: «Россия – великая страна с экстраординарной культурой, традициями. Она остается одной из самых могущественных держав мира. На мой взгляд, у нее колоссальный потенциал в качестве силы поддержания стабильности и процветания международного сообщества. Думаю, в последние несколько лет был период, когда российско-американские отношения оставляли желать лучшего. Придя на свой пост, я заявил, что хочу нажать “кнопку перезагрузки” в отношениях между США и Россией»⁹.

В интервью «Новой газете» Б. Обама подчеркнул: «В XXI веке все мы – американцы, россияне и жители других стран – заинтересованы в мировом экономическом росте, который делает лучше жизнь каждого из нас. Нам следует тратить меньше времени на раздумья о том, кто виноват, и уделять больше времени совместной работе над тем, чтобы заставить наши экономики двигаться в правильном направлении»¹⁰.

Б. Обама, в отличие от Р. Рейгана и Дж. Буша-мл., претендовавших в своей политике на роль безоговорочных лидеров западного мира, западной модели демократии, объявил себя выразителем глобальных интересов всего человечества, Запада и Востока, объединяющего все нации, все культуры, согласные принять роль Америки как координатора мировой политики. Вашингтон хотел бы стать лидером мира в союзе с другими влиятельными странами, в том числе и с Россией. Многие западные политики поддерживают эту позицию. Но есть и такие, кто хотел бы конфронтации, противостояния с Россией по самым насущным вопросам современности.

Новому лидеру США от его предшественника досталось тяжелое наследство: провалы в Афганистане и Ираке, затяжной, нерегулируемый кризис на Ближнем Востоке, проблемы Ирана и Северной Кореи – далеко не полный список этого наследства. Б. Обама вынужден учитывать новые факторы, заставившие его изменить вектор внешнеполитического курса. Это, прежде всего, изменение характера современных войн, в которых армиям США и их союзников приходится сражаться не с регулярной армией противника в полномасштабной войне (на этом поле американской военной мощи трудно противостоять), а с повстанческими отрядами, применяющими партизанские методы войны, а также с террористами. Кроме того, многолетнее участие американских войск в войне показало невозможность разрешить проблемы силой оружия даже для такой мощной державы, как США. На повестке дня высветились политические и дипломатические методы решения. Уже в ходе предвыборной президентской кампании Б. Обама сделал основной упор на тезисе о прекращении войны в Афганистане и Ираке.

26 мая 2010 г. была опубликована «Стратегия национальной безопасности США», которая в своих принципиальных подходах отличалась от ранее принимавшихся подобных документов. В новом внешнеполитическом курсе администрация Б. Обамы основывается на неолиберальных подходах, связанных с признанием возрастания роли влиятельных акторов мировой политики (некоторые региональные державы, международные корпорации, организации гражданского

общества, отдельные лидеры государств). Акцент делается не на силовые, а дипломатические способы разрешения международных конфликтов. Стратегия-2010 исходит из признания множественности центров силы, поддержки либеральных реформ в других странах, активизации международных организаций, повышении политической роли развивающихся государств в мировой политике.

Принципиален отказ от односторонних превентивных силовых акций, характерных для прежней администрации. При этом подчеркивается необходимость совместных усилий союзников Вашингтона в рамках международного права. Этот подход на практике демонстрируется в Ливии. Ставка делается на привлечение международных организаций в решении сложных мировых проблем. Авторитет США должен основываться на силе примера, а не на силовом навязывании преимуществ собственной системы ценностей.

Правда, в этом документе остались некоторые рецидивы «новой холодной войны»: решимость США отстаивать «суверенитет и территориальную целостность соседей России» (смысл послышки вполне очевиден), требование к России принять более активное участие в борьбе с экстремизмом в Афганистане.

Цель стратегии внешней политики Б. Обамы – провести национальное обновление для восстановления американского глобального лидерства. При этом основной упор делается на методы «мягкой силы» – дипломатию, сотрудничество, международно-правовое регулирование и др. США исходят из необходимости переосмысления своих задач на мировой арене, переоценки имеющихся ресурсов, выработки новой стратегии по поддержанию мирового порядка, расширения влияния в исламском мире, продвижения американских интересов в АТР.

В русле новой стратегии национальной безопасности Вашингтон строит свои отношения с Москвой, вкладывает в содержание процесса «перезагрузки» сотрудничества с Россией возврат к дружественным, партнерским отношениям, стремление к поиску компромиссов в решении узловых проблем международных отношений. Вашингтон исходит из необходимости удовлетворения потребностей России в иностранных инвестициях для продолжения экономических реформ, углубления двусторонних торгово-экономических связей, содействия вступлению России в ВТО, а также обеспечения успешных преобразований на постсоветском пространстве. В конечном счете, США нужна сильная Россия, способная ответить на вызовы и угрозы современности, однако не настолько сильная, чтобы бросить вызов Америке.

Представитель американского фонда Маршалла Дэвид Кремер отмечает четыре главных предмета разногласий в российско-американском сотрудничестве в обозримом будущем: политика в отношении соседей России; ПРО; стратегические вызовы, такие, как Иран; развитие внутренних процессов в России¹¹.

В свою очередь Москва с позиции «перезагрузки» стремится определить свое место в современном мире, отвечающее национальным интересам России, строить равноправные партнерские отношения во всех сферах сотрудничества.

Президент США Б. Обама приступил к реализации новой внешнеполитической стратегии, начав с наиболее туго завязанных узлов – Афганистана и Ирака. «Операция “Свобода Ирака” подошла к завершению 19 августа 2010 года, когда последняя бригада американских военных за двенадцать дней пересекла границу Кувейта, согласно крайнему сроку, заявленному президентом Обамой годом ранее, отметив тем самым окончание семилетней военной операции. Вывод войск отразил настроения времени и решительно контрастировал с событиями и понятиями 2003 года»¹².

Из 140 тыс. американских военнослужащих из Ирака выведено 90 тыс. Одни подразделения перебазировались в Кувейт и на военноморские базы в Персидском заливе, другие возвратились в Америку. В Ираке осталось 50 тыс. военных, которые с 31 августа 2010 г. получили статус «советников», а операция «Свобода Ирака» была переименована в «Новый рассвет». Б. Обама передал функции американских войск от Пентагона госдепартаменту. Несмотря на принятые меры, США и в дальнейшем останутся в Ираке влиятельной военно-политической силой. Б. Обама заявил, что «США несут ответственность за Ирак после семи лет войны»¹³.

Иракская авантюра обошлась Вашингтону в 4400 жизней американских солдат и 150000 жителей Ирака. Она обходилась военному бюджету США в 1 трлн. долл. ежегодно. Два миллиона иракцев стали беженцами, 40 тыс. американских солдат были ранены¹⁴. На 2012 год Конгресс США запросил свыше 7 млрд. долл. в связи с выводом войск из Ирака и расширением статуса присутствия. В Ираке во всех крупных городах сохранится минимум 15 американских представительств. В них будут работать более 17 тыс. дипломатов, военных, сотрудников экономических миссий. В Багдаде будут находиться 8 тыс. сотрудников¹⁵.

Позитивные процессы в духе времени коснулись и Афганистана. К концу 2012 г. территорию Афганистана должны покинуть 33–35 тыс. солдат армии США из 97 тыс. находящихся там, а в 2014 г. страну

должен покинуть последний американский солдат. Вывод войск начнется уже в 2011 г.: к концу года на родину должны вернуться 10 тыс. солдат из вспомогательных подразделений. В Афганистане Вашингтон намерен сохранить 25 тыс. солдат¹⁶. За время афганской войны с конца 2001 г. американские потери составили более 1600 человек убитыми и свыше 11,6 тыс. ранеными¹⁷.

Москва в 2009 г. подписала с Вашингтоном важное в практическом плане соглашение о военном транзите в Афганистан. Согласно договоренности, Пентагон может использовать российское воздушное пространство для транспортировки в Афганистан военных грузов и военнослужащих. Соглашение разрешает до 4,5 тыс. рейсов в год, что сэкономит американской казне до 133 млн. долл. в год только за отказ России взимать навигационные сборы, обычно выплачиваемые коммерческими авиакомпаниями за использование воздушного пространства нашей страны.

На пути «перезагрузки» немало различного рода трудностей, противоречий, барьеров. Слабость российско-американских хозяйственных связей препятствует улучшению политических отношений. Немногие политики, как в России, так и в США, заинтересованы в создании конструктивной атмосферы для сотрудничества. Плохой политический климат сдерживает развитие торговли, научно-технического сотрудничества. Американский бизнес, начиная с дела ЮКОС, пугает непредсказуемость российских законов, коррумпированность чиновников. В свою очередь, США, несмотря на многочисленные обещания, до сих пор не отменили пресловутую поправку Джэксона-Вэника, ставящую препятствия в развитии торгово-экономических связей. Остаются трудности по проблеме размещения американских систем ПРО в Европе.

Однако «перезагрузка», преодолевая трудности, продвигается вперед. Во время визита министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в Вашингтон в июле 2011 г. достигнута договоренность, облегчающая въезд и выезд в Россию и США. Туристические и бизнес-визы будут выдаваться сроком на три года с правом многократного въезда. Для госслужащих будут выдаваться годовые многократные визы. Госсекретарь Х. Клинтон уверена, что «уже к Рождеству можно будет ездить в США по новым визам».

Подписано важное соглашение об усыновлении. Приемные родители из Америки, желающие усыновить российского ребенка, обязаны будут пройти тестирование на предмет психического здоровья. Взять ребенка в семью можно будет только через специальное американское агентство. Российское гражданство

сохранится за российским ребенком до его совершеннолетия, а представители российского посольства получают возможность связаться с ребенком в США.

Вашингтон поддерживает вступление Москвы в ВТО, против которого выступает союзник США на Южном Кавказе Тбилиси. Углубляется сотрудничество в Арктике и Антарктике. Принято принципиальное решение развивать сотрудничество между Чукоткой и Аляской через Берингов пролив. Планируется безвизовый режим между этими территориями не только для коренных народов, но и всех жителей этого края.

Движение вперед в российско-американском сотрудничестве, безусловно, есть, пусть незначительное. Но главное, что присутствует и решимость государственных лидеров наших стран двигаться в направлении «перезагрузки», что важно само по себе.

¹ Rice C. Promoting the National Interests / C. Rice // Foreign Affairs. – Vol. 79. – January/February 2000. – P. 57.

³ Цит. по: Голдгейер Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» : пер. с англ. / Дж. Голдгейер, М. Макфол. – М. : Международные отношения, 2009. – С. 17.

⁴ Цит. по: Dodge T. The ideological roots of failure : the application of kinetic neo-liberalism to Iraq / T. Dodge // International Affairs. – Vol. 86. – No. 6. – November 2010. – P. 1273.

⁵ Ibidem. – P. 1274.

⁶ Zakaria F. Post-American World / F. Zakaria. – N. Y., 2008.

⁷ Цит. по: Голдгейер Дж. Указ. соч. – С. 377–378.

⁸ См.: Федоров Ю. Смысл и бессмыслица «перезагрузки» / Ю. Федоров // Европейская безопасность : события, оценки, прогнозы. – 2009. – № 17. – С. 2–5; Kramer D. Resetting U. S. – Russian Relations : It Takes Two / D. Kramer // The Washington Quarterly. – January 2010. – Vol. 33. – No. 1. – P. 61–69; Рудов Г. А. «Перезагрузка» по-американски или попытки возврата к «новому мышлению» по-горбачевски? / Г. А. Рудов // Мир и политика. – 2010. – № 2. – С. 70–78; Кременюк В. А. «Перезагрузка» и дальше: перспективы российско-американских отношений / В. А. Кременюк // США–Канада : экономика, политика, культура. – 2010. – № 11. – С. 5–18 и др.

⁹ Российская газета. – 2009. – 7 июля.

¹⁰ Новая газета. – 2009. – № 71.

¹¹ См.: Kramer D. Op. cit. – P. 62.

¹² Stansfield G. The political parameters of post-withdrawal Iraq / G. Stansfield // International Affairs. – Vol. 86. – No. 6. – November 2010. – P. 1261.

¹³ Цит. по: Dunne T. America after Iraq / T. Dunne, K. Mulaj // International Affairs. – Vol. 86. – No. 6. – November 2010. – P. 1287.

¹⁴ Известия. – 2010. – 1 сентября.

¹⁵ Известия. – 2011. – 24 июня.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Известия. – 2011. – 23 июня.

Что стоит за арабскими революциями 2010 – 2011 годов?

Происходящие в последнее время события на Ближнем и Среднем Востоке¹ являются подтверждением того, что революционный процесс, представляющий собой не только целенаправленную деятельность по изменению социально-экономического и политического строя с привлечением широких народных масс, но и использование в политическом процессе революционной фразеологии и некоторых революционных практик, – обретает новое дыхание². Кроме общих признаков революционных процессов и наличия революционной ситуации (наличия протестующих и нежелающих так больше жить «низов», неспособных к эффективному управлению «верхов», организованных сил, способных к осуществлению революции и условий, способствующих успеху этой революции) у революций на БСВ есть ряд особенностей, обусловленных как внутренней спецификой региона, так и цивилизационным развитием современного мира. Но об этом по порядку.

А для начала попытаемся понять какие причины вызвали революционные процессы в данном макрорегионе, где проживают сотни миллионов человек, объединяющем не только арабский мир, но также Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, Израиль...

С точки зрения общего анализа политических процессов на БСВ, там за довольно короткий срок (с декабря 2010г.) во многих государствах этого региона, где правят авторитарные режимы, и существует значительная социальная поляризация между народными массами и элитами, произошли массовые беспорядки, которые получили название «жасминовых революций»³. Правда, результаты этих «революций» были различными. В Тунисе и Египте революции привели к свержению правящих там авторитарных режимов. В Ливии массовые беспорядки привели к широкомасштабной гражданской войне и вмешательству международных сил. В Иране они были подавлены властями. В странах Персидского залива, Иордании и Сирии под влиянием массовых протестов власти обещали осуществить демократические реформы, но если в Бахрейне и в Иордании оппозиция под давлением США и других союзных стран (например, Саудовской Аравии, которая направила военную помощь властям Бахрейна) была принуждена к «конструктивному диалогу» с

властями, то на руководство Сирии, которое не отличается любовью к Западу и к Израилю, было оказано международное давление, и только позиция России и Китая в Совете Безопасности ООН не позволила направить ситуацию в этой стране по ливийскому сценарию. Йемен – одна из беднейших арабских стран, где существуют серьезные межконфессиональные и межплеменные противоречия и не преодолена угроза сепаратизма – оказался перед угрозой гражданской войны. Что касается других стран региона, то революционные протесты там если и были, но не привели к значительным политическим изменениям...

В качестве *причин этих революций* выделяют самые разные: и внутренние, и внешние, и сочетание как внутренних, так и внешних факторов.

На *внутренних причинах* этих событий настаивает официальный Запад, большинство западных СМИ и большинство оппозиционеров в странах БСВ, характеризуя происходящее там как «народные революции», которые совершили народы этих стран, уставшие терпеть авторитарные коррумпированные режимы и захотевшие демократических перемен. Действительно, политические режимы в странах БСВ, где произошли массовые беспорядки, были далеки от демократии – как либеральной (с акцентом на правах человека), так и коллективистской (с акцентом на социальном равенстве и всеобщем политическом участии граждан). Однако долгое время демократические идеалы там не были востребованы. Во-первых, потому что Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, Иордания, Ливия, Сирия, Иран и другие страны БСВ, где в 2010-2011гг. произошли массовые беспорядки, относятся к странам исламской цивилизации, которой не свойственен антропоцентризм, положенный в основу современной демократии. Во-вторых, эти страны, освободившись от колониальной зависимости после первой или второй мировых войн, в условиях слабого развития институтов гражданского общества, которое в большинстве случаев подменялось институтами традиционного общества в виде этноконфессиональных структур, и, испытывая потребность в индустриализации, пошли по пути авторитарной модернизации, которую осуществляли авторитарные режимы с прогрессистской или, как Саудовская Аравия и Иран после 1978г., – с фундаменталистской идеологией.

На этапе перехода к индустриальному обществу, когда шло создание современной промышленности, осуществлялась модернизация сельского хозяйства, создавалась современная транспортная инфраструктура, улучшались социально-бытовые

условия жизни людей, стремительно росло количество людей, получивших образование, страны БСВ вполне удовлетворяли однопартийные политические режимы с идеологией, либо представляющей собой своеобразный синтез арабского социализма и национализма, которая в условиях противоборства капиталистического и социалистического миров трансформировалась то влево, то вправо под влиянием меняющейся геополитической конъюнктуры, либо реформированный исламизм, который даже в фундаменталистском варианте не отрицал ценности научно-технического прогресса.

Позитивными результатами десятилетий правления ближневосточных режимов стало двукратное увеличение населения их стран, многократный рост их ВВП и среднедушевого дохода, рост общего количества образованных людей⁴.

Но были и негативные черты. По мере отхода от идеалов революций (египетской 1952г., ливийской 1969г., иранской 1978-1979гг.) революционные элиты, интегрируясь в мировую капиталистическую систему, отказывались от революционного аскетизма ради роскошных дворцов, яхт и лимузинов. Эти изменения в системе ценностей передались и чиновничеству, которое, опираясь на богатые традиции восточного мздоимства и используя возможности неолиберальной модели экономики (экономики, ориентирующей на обогащение любыми средствами, неподконтрольной государству, которое минимизирует свою социальную функцию и приватизируется олигархами и чиновниками), устремилось к коррупционному обогащению, придав коррупции системный характер. Вышеуказанные тенденции вели к значительной социальной поляризации, когда находящиеся на вершине социальной пирамиды олигархи буквально утопали в роскоши, а значительная часть населения жила на 1-2 доллара в день. В силу сырьевого и сервисного характера экономик стран БСВ темпы экономического роста были намного ниже роста населения, что привело к массовой безработице, особенно среди молодежи (до 49%), которая, даже получив высшее образование, зачастую довольствовалась базарной торговлей⁵. Оставалась довольно сложной и этноконфессиональная обстановка, когда существовали статусные противоречия между религиозными общинами, различными племенами и кланами. Что в условиях перенаселения (так большинство египтян живут на узкой полоске земли вдоль Нила, которая составляет чуть больше 3% территории страны, в других странах макрорегиона ситуация лучше, но ненамного) и роста мировых цен на продовольствие вызвало

массовое недовольство граждан политическими режимами своих государств. Тем более, что СМИ и Интернет, которым в условиях информационного общества принадлежит огромная роль в формировании массового сознания, говорили о возможностях другой жизни – сытой, обеспеченной и свободной – «как на Западе», еще больше подогревая протестные настроения народных масс.

И хотя каждая революция в каждой из ближневосточных стран имеет свои яркие индивидуальные черты: где-то на первом плане оказываются «продвинутые» средние классы, борющиеся против засилья несменяемой верхушки (Тунис, Египет, Иран), где-то – племенные отличия (Ливия), где-то – межконфессиональные противоречия (Йемен, Бахрейн, Сирия), – по мнению ряда экспертов⁶, – ни один из этих факторов сам по себе не мог вызвать такого мощного революционного взрыва, который мы наблюдаем. А та быстрота, с которой «пламя революционного пожара» распространялось по макрорегиону, в условиях отсутствия дееспособной легальной оппозиции и, учитывая важность геополитического и геоэкономического положения БСВ, – являются немаловажными аргументами в пользу того, чтобы видеть главную причину ближневосточного «революционного взрыва», прежде всего, в действии внешнего фактора. При этом большинство политологов (причем не только сторонников конспирологической теории), делающих акцент на *внешних факторах «ближневосточных революций»*, в качестве их «главного действующего субъекта» или «заказчика» видят страны Запада и прежде всего США.

В качестве аргументов приводятся следующие факты:

1. Со времен «холодной войны» Запад во главе с США, уделяя значительное внимание идеологической и психологической войне, усилиями своих спецслужб и неправительственных организаций, активно обращался к свержению неугодных режимов, в том числе и через организацию массовых беспорядков в странах, власти которых, проводили политику, идущую вразрез с интересами «свободного мира»⁷. Вначале данные цели достигались через организацию военных переворотов (Иран – 1953, Гватемала – 1954, Чили – 1973) – для «сдерживания коммунизма», затем с целью «поддержки демократии» и ее «экспорта» оказывается техническая и политическая поддержка организованным выступлениям оппозиции против тоталитарных (т.н. «бархатные революции») и авторитарных режимов (т.н. «цветные революции»). Когда данные методы не давали результата, США и их союзники могли пойти и на военную интервенцию: в Корею (1950-

1953), во Вьетнаме (1965-1973), в Гренаде (1983), в Ираке (1991; с 2003г.), в Афганистане (с 2001г.).

2. Приводятся данные о наличии подобных устремлений со стороны США в отношении Ближнего и Среднего Востока («Большого Ближнего Востока»). Еще в годы нахождения у власти Буша-младшего была разработана концепция «Большого Ближнего Востока», авторами которой были Г. Киссенджер, Г. Допрет, Д. Рамсфельд, Д. Чейни, Р. Перл, П.Вулфовиц, М. Гросман и ряд других американских политологов и членов политического руководства. Согласно данной концепции, на Ближнем и Среднем Востоке должно быть создано такое общество, которое бы «полностью отвечало интересам США и было бы «созвучно» камертону американской идеологии»⁸. 6 ноября 2003г. Дж. Бушем в Национальном фонде в поддержку демократии, созданного с целью «защиты и продвижения демократии в странах мира» был озвучен план «реконструкции» Ближнего Востока, согласно которому, оккупация Ирака должна была стать лишь первым этапом длительной борьбы за победу демократии на Ближнем Востоке. План, в который постоянно вносились корректировки, предполагал увеличение штата гуманитарных служб американских посольств, открытие офисов международных неправительственных организаций типа «Freedom House» и «National Endowment for Democracy», организацию обучающих семинаров и поездок арабских журналистов, государственных и общественных деятелей в США для «обучения демократии», приоритетное внимание США к развитию «демократии» и «гражданского общества» в странах ББВ, включая создание ориентированных на молодежь НПО, укрепление частного сектора, поощрение малого и среднего бизнеса, передачу региональных банковских и финансовых дел в международные институты, «де-факто подотчетные Вашингтону»⁹. Конечной целью данного плана, по утверждению американского политолога В. Ясманны, была ««демократизация» авторитарных режимов в обширном регионе от Афганистана до Алжира и от Пакистана до Йемена путем замены их демократически избранными правительствами»¹⁰. Это не понравилось Египту, Саудовской Аравии и Сирии, которые в противовес американской инициативе выдвинули собственную, где заявлялось о том, что демократизация арабских обществ должна осуществляться не под диктовку США, а на основании собственных традиций. Ответом стала публикация в 2006 году в американском журнале «Armed Forces Journal» карты «справедливых» с точки зрения США границ Большого Ближнего Востока с расчлененными Турцией, Сирией, Саудовской Аравией,

Ираком, Ираном, Пакистаном, на месте которых предполагалось создать ряд новых государственных образований, жизнеспособность которых нуждалась бы во внешних ресурсах¹¹. И как отмечает другой американский политолог У. Энгдаль: «Если мы составим список стран региона, которые переживают народные движения протеста с начала тунисских и египетских событий, и наложим их на [эту] карту, мы обнаружим почти идеальное совпадение протестующих сегодня стран и оригинальной карты вашингтонского Большого Ближнего Востока, которая была впервые представлена Джорджем Бушем-младшим»¹².

При «демократах» политика США в регионе если и изменилась, то только в сторону большей поддержки различных сетевых структур, созданных с целью мобилизации протестных энергий образованных слоев населения, главным образом молодежи, в интересах «сетевых администраторов»¹³, и тех, кто за ними стоит. Во многом это происходит благодаря тому, что в политике произошла не просто смена поколений, но смена технологических эпох, когда «цивилизацию Книги» сменяет «ИКТ-цивилизация» с Интернетом, виртуальным пространством, социальными сетями, он-лайн-коммуникациями, «клиповым», «оцифрованным» сознанием... Администрация Б. Обамы, которого называют «сетевым президентом»¹⁴, вместе с ведущими в вопросах «экспорта демократии» НПО организовали серию международных обучающих семинаров для активистов неправительственных организаций, где наряду с венесуэльцами, колумбийцами, бирманцами обучались и представители НПО из стран БСВ (в т.ч. «Движение 6 апреля», «Кефайя» и другие организации, организованные по «сетевому» принципу, принявшие активное участие в «жасминовых революциях»). На этих семинарах значительное внимание кроме политического маркетинга, PR, основ рекрутинга уделялось именно обучению навыкам работы с информационно-коммуникационными технологиями и с социальными сетями типа «Facebook», «Twitter» и др. И все это – в контексте общей линии Госдепа США по активному развитию ИКТ для осуществления «экспорта демократии»¹⁵. Как заявила госсекретарь США Х. Клинтон 15.02.2011г., несмотря на сокращение финансирования ряда международных программ США должны выделить дополнительные средства на «поддержку технических экспертов и активистов, старающихся действовать в обход ограничений, устанавливаемых правительствами в отношении доступа к Интернету». Г-жа Клинтон сообщила также, что в этом году Госдепартамент США откроет микроблоги на сайте Twitter на китайском, русском языках и хинди, что даст возможность в режиме

реального времени установить двусторонний диалог с людьми, используя такие каналы связи, которые правительства (этих стран) не блокируют. При этом «жасминовые революции», где тон задавала образованная молодежь, мобилизуемая и управляемая через Интернет, мобильную связь и социальные сети, получили поддержку не только официального Запада и его крупнейших медиаимперий, но таких антисистемных сил как WikiLeaks, чьи компроматы на лидеров ближневосточных режимов распространялись через средства Интернет, мобильную связь и социальные сети. И хотя официальная позиция стран Запада и «глобального гражданского общества»¹⁶ по поддержке ближневосточных революций была озвучена как «поддержка демократических перемен», но реальные причины здесь другие. Как пишет У. Энгдаль в своей статье «Египетская революция: «творческое разрушение» для Большого Ближнего Востока?», за фасадом возгласов о демократических реформах на территории ББВ реализуется план по расширению американского военного контроля и «взлома» государственных экономик мусульманских государств – от Марокко до границ Китая и России. Для Вашингтона и защитников Нового мирового порядка, в котором будут доминировать США, очевидной является повестка дня на «создание Большого Ближнего Востока под устойчивой американской властью, которая держит в своих руках основной контроль будущих движений капитала и будущих энергетических потоков Китая, России и Европейского союза». Иначе эти страны однажды смогут помечтать об отказе от американских правил игры – считает американский политолог.

Если данные цели не достигаются мирным путем – через «цветные революции», успех которых базируется на следующих четырех принципах: 1) экспрессивный и молниеносный характер действий, организованных с использованием новых технологий (Интернет, телефония, социальные сети) и мобильных групп людей; 2) объединение усилий всех оппозиционных сил против политического режима и олицетворяющего его лидера (Бен Али, Мубарак, Каддафи); 3) целенаправленный поиск «агентов перемен» (или «агентов влияния»), в первую очередь, в силовых структурах; 4) создание с использованием технологий «сетевого маркетинга», «безлидерских движений», гигантских «народных големов», охватывающих значительное число недовольных всех спектров, которые могут быть разбужены в час «X» при появлении необходимости вывести народ на улицы для проведения массовых акций гражданского неповиновения и ликвидированы по достижении целей переворота¹⁷, - применяется

военная интервенция (как, например, в Ливии). Если же политический процесс начинает выходить из-под контроля, то давление может оказываться не только на лидеров сопротивляющегося режима (Тунис, Египет, Сирия, Ливия), но и на лидеров оппозиции, «зашедших слишком далеко» в своих требованиях (Бахрейн, Йемен).

И хотя оппозиция, ряд политологов и многие СМИ ругают официальный Вашингтон за то, что «арабские революции», свергнувшие дружественные США режимы, застали американскую администрацию врасплох, это не соответствует действительности. Согласно статье Марка Лендлера в газете «The New York Times» от 17.02.2011 «Тайный доклад, заказанный Обамой, выявлял потенциальные очаги восстания»: «Президент Обама в августе прошлого года [2010г. – прим. В.С.] поручил советникам написать секретный доклад о нестабильности в арабском мире, и те пришли к заключению, что, в отсутствие всеобъемлющих политических изменений, страны от Бахрейна до Йемена готовы к народному бунту». Поэтому, опираясь на выводы данного доклада, Администрация Обамы решила совершить «обход слева» – перейти от поддержки авторитарных режимов, которые пытались сочетать политику стратегического партнерства с США с защитой национальных интересов собственных стран, к системной трансформации ББВ на основе применения теории «управляемого хаоса», к числу авторов которой можно отнести З. Бжезинского, Д. Шарпа и С. Манна, и суть которой определяют следующие положения:

- объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, выступающих против существующего законного правительства;

- подрыв уверенности лидеров страны в своих силах и в лояльности силовых структур;

- прямая дестабилизация обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением криминальных элементов с целью посеять панику и недоверие к правительству;

- организация смены власти путем военного мятежа, «демократических» выборов или другим путем¹⁸.

Данная стратегия ведет, с одной стороны, к деконструкции государствоцентричного порядка на ББВ и передаче ресурсов региона с вновь образованными failed states транснациональным корпорациям, поддерживаемых международными силами, а с другой стороны – дает установку на перехват инициативы у возможных геополитических противников Запада (прежде всего, Ирана и «сетевых» исламистских

структур) возглавить протестное движение против «проамериканских режимов». Факт активного участия в ближневосточных революциях исламистов типа «Братьев-мусульман» пугает лишь правое крыло американского истеблишмента и Израиль¹⁹. Более прагматичные политики и политологи же считают, что в условиях, когда США являются ведущим иностранным игроком в регионе, к которому апеллируют все участники ближневосточной драмы, и когда у исламистов очень мало сторонников среди властных элит, в армии и спецслужбах, вряд ли возможно продолжение исламской революции подобной иранской. Они полагают, что Иран, превратившись в авторитарное государство, утратил свой революционный потенциал, «Аль Кайеда» после гибели Бен Ладена резко снизила боевую активность, и если привести в ближневосточных странах к власти демократические силы – тогда «экспорт стагнации, недовольства и насилия» (Дж. Буш) с Большого Ближнего Востока исчерпает возможности.

Однако далеко не все обстоит так гладко. *Кроме США на события в ближневосточных странах активно воздействуют «вторые» и «третьи» государства.* Шиитский Иран, к примеру, активно действует в Бахрейне, где шиитское большинство управляется суннитским меньшинством. Активизация шиитских повстанцев в Йемене и возможное падение президента Салеха провоцируют волнения в соседнем Омане, особенно в приграничной с Южным Йеменом провинции Дофар, а оттуда может перекинуться на восточные провинции Саудовской Аравии, где преобладают шииты, что может привести к распаду как этого королевства, так и султаната Оман, чей правитель Кабус Бен-Саид не имеет преемника. Как считает Президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский, хотя государственный строй Ирана трансформируется из революционного в имперский, основанный на персидском национализме, интересы Тегерана охватывают значительную часть исламского мира, включая такие суннитские радикальные движения, как ХАМАС, и столь отдаленные страны, как Мавритания, откуда Иран вытеснил Израиль. При этом главной мишенью Ирана по-прежнему является Израиль, война с которым, несмотря на дестабилизацию региона и явное нежелание конфликта с Ираном США, достаточно вероятна²⁰.

Ослаблением позиций Египта и Ливии, считает Е.Я. Сатановский, попытается воспользоваться Турция, где после

победы на выборах Партии справедливости и развития усиливаются позиции исламистов, начинается постепенное преодоление кемализма с его насильственной светскостью и господством военных и поворот к османизму, под которым понимается преодоление раболопного отношения к европейской цивилизационной модели. Во внешней политике это означает выход на новые стратегические ориентиры, которые всё яснее формулируются самыми разными политическими лагерями Турции: отказ от роли форпоста НАТО и США на Ближнем Востоке, переход к союзническим отношениям с Ираном, Китаем и Россией, восстановление отношений с Сирией, Иорданией и Ливаном, отказ от стратегического партнерства с Израилем²¹, который терпит в регионе одно дипломатическое поражение за другим.

Не стоит списывать со счетов также влияние Саудовской Аравии и Катара, у которых имеется свой проект будущего ББВ – «религиозно-финансовый» (в мире растет влияние спутникового канала «аль Джазира», а саудовские деньги являются важнейшим источником финансирования значительной части исламистских террористических организаций и бандформирований и поддерживающих их НПО), альтернативный как американскому, так и имперскому, который пытаются создать Иран и Турция²². Да и про Китай, имеющий свой геополитический интерес в регионе, также не стоит забывать. То есть, возможны разные варианты...

Однако ни один даже самый мощный внешний фактор не сможет решительно повлиять на ситуацию – если не будет связи с соответствующими внутренними факторами. Поэтому автору данной статьи импонирует комплексный подход, позволяющий всесторонне проанализировать причины ближневосточных революций, суть которого наглядно отражает *метафора «идеального шторма»* – когда несколько разрушительных сил сходятся в одной точке. Используя данную метафору для объяснения причин социального взрыва, потрясшего Ближний и Средний Восток и способного поразить другие регионы, обозреватель журнала «Международная жизнь» С. Филатов в качестве его основных мотивов кроме социально-психологического состояния общества и иностранного влияния указывает на мировой экономический кризис²³. Данный кризис, причиной которого стала накачка мировой экономики ничем не обеспеченными деньгами, которые, попав на нефтяные и продовольственные биржи, вызвали резкий рост цен на энергоресурсы и на продовольствие, с одной стороны обострил социальные противоречия в регионе, который хотя и богат нефтью, но вследствие

резкого роста населения и значительного социального расслоения испытывает трудности с продовольствием. Рост мировых цен на нефть обогащал, главным образом, элиты, которые получали ренту от ее продаж. Сырьевая зависимость экономики региона не могла обеспечить работой его растущее население, которое не найдя применения своему образованию и испытывая «демонстрационный эффект глобализации», желало перемен, ведущих к лучшей жизни. А в условиях роста мировых цен на продовольствие (с июня по ноябрь 2010г. чикагские фьючерсы на пшеницу выросли на 74%) недовольство населения резко возросло. Чем не преминули воспользоваться США, которые для обеспечения своих геополитических и геоэкономических интересов уже давно используют разного рода «цветные революции». Но если раньше эти «революции» как-то были приурочены к выборам, легитимность которых ставилась под сомнение, на улицу выводились толпы людей с требованиями пересчета голосов, приглашения западных наблюдателей и проведения новых выборов, то теперь достаточно просто вывести протестующее население на улицу, найдя для этого какой-либо весомый повод. Как отмечает политолог И. Лебедева, здесь применяются политические технологии «перманентной революции», но выхолащивается социальный протест²⁴. Тем более, что в рядах демонстрантов и не только в странах ББВ не так много обездоленных, их участниками в основном являются образованная молодежь, представители среднего класса и этноконфессиональные группы – те, кто совершает «революцию притязаний», которая, согласно А. де Токвилю, происходит, когда власть, не способная удовлетворить растущие потребности населения, также не в состоянии эффективно воспрепятствовать консолидации протестных сил.

Многие политики и политологи обсуждают возможность того, что пламя ближневосточного «революционного пожара» может перекинуться на государства СНГ²⁵, где, особенно у государств Центральной Азии и Кавказа, много общего с ближневосточными режимами. Та же клановость, коррупция, безработица. Ухудшение экономического положения на фоне роста цен на продовольствие и товары характерно для всех стран региона; даже в относительно благополучном Казахстане растут протестные настроения. Киргизия, начиная с 2005г. пережила уже две революции, которые были далеко не «цветными», а переход от президентско-парламентской республики к парламентской при отсутствии развитой общенациональной партийной системы в условиях этнических и клановых противоречий

не защищает от возможности возникновения третьей киргизской революции, которая может начаться уже после ближайших президентских выборов. Да и США, не думая отказываться от политики «экспорта демократии», ради реализации своих геополитических интересов, вполне могут «посодействовать» постсоветским странам в их «демократизации». Поэтому опыт «арабских революций» там изучается, как власть предрежащими (пытающимися сохранить свое господствующее положение не только через контроль над оппозицией, но и через социальные реформы), так и оппозицией, стремящейся к власти.

Что же касается России, то 15 февраля 2011г. на сайте «Голос Америки» появился материал «Египет и Россия: найти тринадцать отличий». В нем на основе использования данных известных исследовательских центров сопоставляются рейтинги России и Египта по следующим показателям: качество жизни; продолжительность жизни; уровень свободы; свобода прессы; уровень экономической свободы; уровень коррупции; простота ведения бизнеса; миролюбие общества и государства; уровень демократии в стране. По большинству этих показателей Россия имеет или сходные, или худшие рейтинги, чем Египет. Этим сравнением нас подталкивают к выводу: революция в России имеет большие шансы. К тому же уровень компьютерной грамотности и развития социальных сетей в России выше, чем в странах БСВ, что при общей либерализации режима, которая следует из медведевской модернизации, вполне может быть использовано при осуществлении революционного сценария в нашей стране. Ибо либерализация в условиях неразвитости демократической политической культуры и неэффективности системы государственного управления может закончиться трагически – и Россия начала XXI века может повторить судьбу России начала XX века, или СССР эпохи перестройки. Чтобы этого не произошло, властвующая элита страны должна осуществить реальную модернизацию страны, которая бы не ослабляла государство, как это рекомендуют сделать «либералы» из ИНСОРа, но обеспечивала социально-экономическое развитие страны на основе внедрения технологий новых поколений, социальной справедливости и эффективного управления. А контрэлиты должны более взвешенно относиться к возможности прихода к власти через революции, которые часто принимают кровавый характер.

¹ Данная статья была написана в июне 2011 г. От ее написания до публикации произошел ряд событий: гибель М. Каддафи, покинул свой пост президент Йемена – А. А. Салех, в России оппозиция, недовольная результатами парламентских выборов вывела на улице десятки тысяч людей, в Казахстане начались массовые беспорядки, а в Египте площадь Тахрир вновь заполнилась людьми, требующих перемен – на этот раз отстранения от власти военных... Однако все эти события вполне вписались в тренды данной статьи, да так, что не пришлось ничего в ней менять кроме этого примечания.

² Ближний и Средний Восток (БСВ), Большой Ближний Восток (ББВ), «Расширенный Ближний Восток» - термины, обозначающие макрорегион, объединяющий Средний Восток (Иран, Афганистан, Турция), «классический» Ближний Восток (Сирия, Ирак, Израиль, Палестинская Автономия, Иордания, Ливан, Египет), ареал Персидского залива (ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Оман) и район Магриба (Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Мавритания). Появление данного понятия обусловлено возрастанием геополитического и геоэкономического значения данного макрорегиона в последние десятилетия в условиях глобализации и «столкновения цивилизаций».

³ «Жасминовые революции» («Арабская весна», Панарабская революция, Великая Арабская революция) – волнения в странах Ближнего и Среднего Востока в 2010-2011 гг., которые начавшись в Тунисе, охватили затем Египет, Алжир, Иорданию, Йемен, Сирию, Иран, Бахрейн, Ливию и имеют тенденцию к распространению на другие страны БСВ.

⁴ См.: Овчинский В. «Мистерии арабских взрывов...» / В. Овчинский. – (<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/11/902/41.html>).

⁵ Своеобразным «запалом» «жасминовой революции» в Тунисе стало самосожжение 17 декабря 2010 г. уличного торговца овощами с университетским образованием Мохаммеда Буазиди, у которого полицейские конфисковали передвижной киоск с фруктами. После этого самосожжения еще несколько человек – торговцы, студенты, пенсионеры, – покончили с собой, что вызвало возмущение народных масс, закончившееся свержением Бен Али.

⁶ См.: Новое «цветное» поколение (беседа с И. Добаевым) / Д. Ремезов. – (<http://www.rosbalt.ru/2011/03/11/827601.html>); Овчинский В. «Мистерии арабских взрывов...» / В. Овчинский. – (<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/11/902/41.html>); Пономарева Е. Вирус революции и законы Токвиля / Е. Пономарева. – (<http://www.imperiya.by/club4-9238.html>); Филатов С. Ближний Восток : «идеальный шторм» / С. Филатов // Международная жизнь. – 2011. - №3. – С.62-84 и др.

⁷ См.: Американский экспансионизм: Новейшее время : Сб. ст. / [отв. ред. Г.Н. Севастьянов]. – М.: Наука, 1986. – 610 с.; Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин [и др.]. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 525 с.; Оранжевые сети : от Белграда до Бишкека / [отв. ред. Н.А. Нарочницкая]. – СПб.: Алетея, 2008. – 208 с. и др.

⁸ См.: Филатов С. Ближний Восток: «идеальный шторм» / С. Филатов // Международная жизнь. – 2011. - №3. – С.79.

⁹ Там же. – С. 79.

¹⁰ Ясманн В. Ближний Восток – кто выиграет от смены парадигм? / В. Ясманн. – (<http://www.regnum.ru/news/1382779.html>).

¹¹ Peters R. Blood borders : How a better Middle East would look / R. Peters. – (<http://www.armedforcesjournal.com/2006/06/1833899>). Саму карту См. на: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/55860/>

¹² Энгдаль У. Египетская революция: «творческое разрушение» для Большого Ближнего Востока? / У. Энгдаль. – (<http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/vprint/55198/>).

¹³ Под «сетевыми администраторами» автор здесь понимает тех, кто организует функционирование различных сетевых структур – в том числе и социальных. Это не только технический персонал, отвечающий за успешное функционирование компьютерных и мобильных сетей, но и различные координаторы, руководители обучающих семинаров, создатели практических пособий и рекомендаций, - те, кто обеспечивает синхронизацию действий членов «сети», где по определению доминируют не вертикальные, но горизонтальные отношения.

¹⁴ См.: Овчинский В. «Мистерии арабских взрывов...» / В. Овчинский. – (<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/11/902/41.html>).

¹⁵ См. «Международную стратегию по интернет-пространству». – (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf).

¹⁶ Под «глобальным гражданским обществом» здесь понимается система международных НПО, социальных движений и гражданских инициатив, формирующих социокультурную и социоэкономическую среду глобализации. Через систему «политических сетей» субъекты ГГО

могут воздействовать на политические элиты разного уровня, способствуя единению их взглядов и согласованию их действий.

¹⁷ См.: Пономарева Е. Вирус революции и законы Токвиля / Е. Пономарева. – (<http://www.imperiya.by/club4-9238.html>).

¹⁸ См.: Арабские революции и теория управляемого хаоса. – (<http://www.iarex.ru/print/13055.html>).

¹⁹ См.: Ясманн В. Ближний Восток – кто выиграет от смены парадигм? / В. Ясманн. – (<http://www.regnum.ru/news/1382779.html>).

²⁰ См.: Сатановский Е. Смута от Атлантики до Индийского Океана / Е. Сатановский. – (<http://vpk-news.ru/issues/374>).

²¹ См.: Бахревский Е. Турция становится османской державой / Е. Бахревский. – (<http://www.peoples-rights.info/2010/04/turciya-stanovitsya-osmanskoj-derzhavoj/>).

²² См.: Сатановский Е. Исламистский Коминтерн плюс мусульманское великодержавие / Е. Сатановский. – (<http://vpk-news.ru/issues/382>).

²³ См.: Филатов С. Ближний Восток : «идеальный шторм» / С. Филатов // Международная жизнь. – 2011. - №3. – С.62-84.

²⁴ См.: Лебедева И. Революции, которых не было / И. Лебедева. – (<http://www.fondsk.ru/news/2011/02/14/revoljucii-kotoryh-ne-bylo.html>).

²⁵ См., напр.,: Эхо арабских революций. События в Северной Африке и остальной мир глазами политологов стран СНГ / Н.И. Петров // Азия и Африка сегодня. – 2011. - №5. – С.2-5.

НАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ И ЭТНИЧНОСТЬ В ПОСТНАЦИОНАЛЬНОМ МИРЕ

В.А. Тонких

Консервативные тенденции в российском постимперском сознании

Распад Советского Союза стал крушением последней империи XX столетия. Ранее прекратили свое существование Британская и Французская колониальные империи. Империя или по терминологии прошедшего века сверхдержава строилась в России в течение нескольких столетий и к началу XX века представляла собой державу, простиравшуюся от Балтийского моря и Карпат до Тихого океана и Аляски.

Отечественные и зарубежные обществоведы неоднократно исследовали историю империй, причины их распада и его последствия для мировой цивилизации¹.

Драматические события рубежа XX-XXI веков способствовали росту научного интереса к имперской проблематике в рамках либерального и консервативного подходов. Категории «империя» и «консерватизма» имеют общую историческую обусловленность – в большинстве случаев имперское сознание опиралось на консервативную идеологию, а модернистское, либеральное сознание расшатывало имперские государственные устои.

В справочно-энциклопедической литературе термины «империя», «имперство» трактуются как государственная политика и идеология, направленные на решение национально-государственных задач путем расширения территорий, захвата новых земель, насаждения на этих землях порядков, господствующих в метрополии. Россия на пути к империи постепенно трансформировалась из княжества в царство, а затем в империю. Эти изменения сопровождались не только расширением территориальных владений, но и усилением имперского идейного влияния на население вновь присоединенных земель.

Российская империя в идеологическом плане основывалась на началах консерватизма, истоки которого уходили в теоретическое наследие М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, С.С. Уварова. Именно рубеж XVIII-XIX столетий стал временем рассвета и укрепления Российской империи, блистательных побед над внешними врагами. Концепция С.С. Уварова «православие-самодержавие-народность»

стала идеологической основой развития российской государственности в течение почти целого столетия. Да и в современных условиях она не утратила своего содержательного значения.

Советский Союз во времена Сталина продолжил имперскую политику царской России: и после Гражданской войны, и накануне Великой Отечественной войны, и после Победы над германским фашизмом Москва продолжала расширение территорий, до этого составлявших пространство Российской империи. Наряду с расширением территорий происходило мощное пропагандистское воздействие в духе имперского консерватизма, объединяющей роли великого русского народа в семье братских советских народов.

После завершения Великой Отечественной войны, из которой СССР вышел победителем с колоссальными человеческими и материальными потерями, советское политическое руководство стремилось к диктату в социалистической системе, включившей ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Тоталитарная модель политического устройства СССР была механически перенесена на центрально-европейские государства. Видный деятель Пражской весны Чеслав Цисарж писал: «Во всех государствах советского блока постепенно утвердилась модель «социализма по Сталину», и именно это стало катастрофической ошибкой кремлевских правителей. Не только потому, что в этой модели генетически были заложены будущие противоречия и кризисы, но и потому, что после крушения всей системы произошла дискредитация позитивного содержания идеи социализма. Напомню, что оказались утраченными результаты гигантских усилий и решающего вклада Советского Союза в разгром нацистского вермахта, превративших СССР во вторую мировую державу и обеспечивших ей притягательность и авторитет в глазах огромной части человечества»¹.

Действительно, не существует единой модели экономического и политического устройства, образцово подходящих для других стран. Во всех странах имеются собственные национальные специфические особенности исторического и культурного развития. Но советское политическое руководство, исходившее изначально из идеи мировой пролетарской революции, стремилось под копирку устраивать судьбы иных стран и народов, не считаясь с национальной спецификой. Эта политика обернулась трагедией для венгерского народа в 1956 году, для Чехословакии в 1968 году, для Польши в начале 1980-х годов. И это только примеры открытого неприятия тоталитарной модели советского типа народами Центральной Европы. А сколько

человеческих судеб было исковеркано в процессе советизации европейских народов в послевоенное время.

Советское политическое руководство стремилось соединить консервативную идею сверхдержавности СССР, в большей мере ориентированную на внешнее потребление, с коммунистической идеей социальной справедливости и равенства. Эта идея срабатывала в течение определенного периода, когда государство развивалось в рамках тоталитаризма.

Ко второй половине 1980-х годов на волне перестройки М. Горбачева тоталитарная система, основанная на мобилизационном типе организации общественной жизни, исчерпала собственные социально-экономические ресурсы. С 1989 года начался распад СССР. Одновременно с этим произошли «бархатные» революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Почти все они прошли бескровно. Да и в СССР в августе 1991 года во время путча не наблюдалось массовых форм поддержки сторонников ГКЧП и КПСС. Народы Европы, как и советский народ, устали от гнета тоталитарной системы власти, от тотального контроля за общественной и личной жизнью, лжи и закрытости от внешнего мира.

Одним из факторов распада СССР в декабре 1991 года стало то, что советская система, в основе своей остававшаяся даже при Горбачеве тоталитарной, не выдержала испытания свободой и демократией. Социальная система прекратила существование не в результате злого умысла лидеров трех славянских республик и козней Запада, а в результате объективных процессов, коренившихся в самой социальной системе сталинской модели общественного устройства. Эта система была не только не готова воспринять новые явления и тенденции, но и оказалась не приспособленной к функционированию в прежних политических рамках.

Падение последней империи XX века привело к образованию на территории СССР целого ряда суверенных государств, в том числе Российской Федерации. России пришлось отодвинуть свои государственные границы на север и восток, а западные границы РФ замкнулись в пространстве XVI столетия, когда Смоленск и Брянск были пограничными территориями.

Сам факт крушения последней империи XX столетия ученые оценивает не однозначно. Да и не может быть одномерного подхода к данному широкомасштабному событию. С одной стороны, рухнул политический режим максимальной закрытости, основанный на феодальных византийских имперских традициях. Прекратила существование сталинская диктаторская модель социализма.

Реформировать ее было невозможно, она не была жизнеспособной. Это можно воспринять как положительный итог. С другой стороны, распад СССР нарушил ранее единое социально-экономическое пространство, в котором в течение двух и более столетий нарастали центростремительные тенденции, в котором сложился общий для всех советских народов образ жизни, сформировались нравственные ценности и идеалы. Особую озабоченность вызывал распад славянского единства на постсоветском пространстве – братских русского, украинского и белорусского народов.

Последовавшие за распадом СССР спонтанные социально-экономические и политические реформы, проводившиеся государственным руководством России без четкого плана, ясной стратегии вызвали гигантские перемены в жизни российского народа, привели к негативным последствиям во всех сферах общества. Произошло резкое падение производства, и как следствие снижение уровня жизни большинства населения, рост безработицы, инфляция, отказ от системы социальных гарантий и т.п. Резкий переход от социальной системы под названием «социализм» к системе «капитализм», названный официально «шоковой терапией», породил катастрофичность общественного сознания большинства населения, не сумевшего приспособиться к новым явлениям. Мы назвали данный феномен социальной катастрофой. В отличие от природной катастрофы социальная ее модель не так быстротечна во времени, может длиться десятилетиями. Но социальная катастрофа наносит не меньший ущерб не только экономике, но и всем другим сторонам жизни общества, включая духовность и нравственность, деградацию личности. Содержание современной социальной катастрофы, последовавшей за распадом СССР, определяется в первую очередь не внешними, а внутренними причинами. Современная российская социальная катастрофа приобрела структурный, многоуровневый, масштабный характер.

В российской обществоведческой литературе принято называть данный феномен переходным периодом без пояснения, от какого социального строя к какому осуществляется этот переход. Более того, нередко затушевывается истинное содержание российского капитализма как строя олигархического, дикого, нецивилизованного.

Относительно признаков социальной катастрофы, назовем некоторые из них. Во-первых, российская социальная катастрофа связана с депопуляцией русского этноса, с возникновением условий, ведущих к его физическому и духовно-нравственному исчезновению. Численность населения РФ с 1992 по 1996 год сократилась с 148,3

млн. человек до 147,1 млн., в том числе в возрасте моложе трудоспособного с 35,2 до 32,3 млн. Естественная убыль населения составила в 1994 году 893,2 тыс. человек, в 1995 году – 840 тыс., в 1996 году – 786,3 тыс. человек. Среднегодовая численность занятых в экономике за этот период сократилась с 72,1 млн. до 66 млн. человек. Общая численность безработных возросла с 3 594 тыс. до 6 788 тыс. человек³.

Во-вторых, проявлением социальной катастрофы является экологическая катастрофа, одним из аспектов которой стала перекачка российских материальных ценностей в виде природных ресурсов в другие страны и регионы. В то же время Россия превращается в хранилище вредных производств и отходов индустриально развитых стран. Другой аспект экологической ситуации – последствия от аварии на Чернобыльской АЭС.

В-третьих, к одному из факторов катастрофичности следует отнести и разорение российской деревни, которая на протяжении столетий была носителем трудовых и духовно-нравственных традиций народа. Как следствие – увеличение доли импортного продовольствия в крупных городах страны.

В-четвертых, к общенациональной катастрофе относится алкоголизация и наркотизация российского населения. На душу населения приходится около более 18 литров чистого спирта в год. Особенно опасно потребление спиртного среди подростков и молодежи. Не снижается уровень наркомании и токсикомании, курения. Пропаганда и внедрение здорового образа жизни среди населения пока не дают ощутимых результатов.

В-пятых, свидетельством социальной катастрофы 1990-х годов стало резкое обнищание большей части российского общества. В СССР государство поддерживало определенный уровень жизни благодаря социальным гарантиям – бесплатное распределение жилья, бесплатное образование на всех уровнях, медицинское обслуживание, пользование достижениями культуры и др. Социальная политика государства предоставляла равные стартовые возможности населению независимо от имущественного и социального состояния. Рыночная система свела социальную поддержку со стороны государства до минимума, за которым зияет пропасть нищеты.

В-шестых, катастрофичность поразила, прежде всего, наименее защищенный социальный организм – семью, на состоянии которой последствия катастрофы сказались самым негативным образом. Резко увеличилось число разводов – с 639,2 тыс. в 1992 году до 665,9 тыс. в 1995 году. В 1996 году распадалось почти 65 % браков. В то же время

снизилось число браков с 1053,7 тыс. в 1992 году до 866,4 тыс. в 1996 году. Значительная часть российского населения оказалась не готовой к резкому изменению социально-экономической ситуации и не могла приспособиться к ней. Как следствие, в первую очередь пострадали дети². В 1997 году из 37,6 млн. российских детей в возрасте до 18 лет 533 тыс. были сиротами (в годы Великой Отечественной войны в СССР насчитывалось 687 тыс. сирот)³. В последующие годы данная цифра либо оставалась на прежнем уровне, либо возрастала.

Провозглашение лозунгов свободы и демократии, не наполненных реальным содержанием, оказалось недостаточно для преодоления состояния социальной катастрофы. Для стран и народов Центральной Европы переходный период от социализма к капитализму в целом оказался менее болезненным, чем в СССР, по целому ряду причин. Политический режим в этих странах не был столь жестким, как в Советском Союзе, особенно в период сталинской диктатуры. После окончания Второй мировой войны эти страны захватили только небольшой исторический отрезок сталинизма – конец 1940-х – начало 1950- годов. Сказывались исторические национальные социальные, религиозные и культурные традиции, оказывавшие влияние на характер и образ жизни населения.

России в начале XXI века удалось преодолеть многие негативные последствия социальной катастрофы, сложившейся после распада СССР. Однако не удалось сократить углубляющийся разрыв в доходах между самой богатой и самой бедной частями общества. 1,5 % населения РФ владеют 50 % национального богатства⁴. В 2011 году Москва заняла первое место в мире по количеству проживавших в ней долларовых миллиардеров.

В России до сих пор весьма живуч синдром послеимперского сознания, породивший глубокое противоречие между реальным состоянием российского общества и желанием ряда политических и военных деятелей по-прежнему видеть Россию империей (сверхдержавой). Все империи с трудом приспособлялись к коренным переменам в своем положении. В последние годы появился термин «энергетическая сверхдержава».

Время от времени часть российской элиты потрясает оружием и произносит агрессивные речи с угрозами реальному или воображаемому противнику. Не дают покоя рецидивы имперского сознания. К ним можно отнести создание Евразийского межгосударственного пространства, включающего Россию, Казахстан и Белоруссию. В этом стремлении проявляется попытка верхов вернуть страну на путь имперского состояния. Одновременно

учитываются определенные настроения низов, дезориентированных социально-экономической ситуацией, вернуться назад в СССР, в идеализируемое советское прошлое.

Стратегическим направлением российской политики должна стать не ностальгия по прошлым имперским временам, а выстраивание такого политического курса, который был бы привлекателен как для абсолютного большинства россиян, так и для соседей и союзников. Для этого необходимо сильное государство, крепкая вера, духовно-нравственные основы, базирующиеся на национальных традициях, высокий уровень жизни народа и его уверенность в будущем. Это курс равноправного, взаимовыгодного партнерства со всеми государствами, заинтересованными в укреплении мира и сотрудничества. Особенно важно конструктивное взаимодействие со славянскими народами Европы, у которых с Россией много общего в исторических и культурных судьбах.

¹ См.: Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств: пер. с англ. / А. Мотыль.- М.: Моск. школа полит. исслед., 2004; Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России / Е.Т. Гайдар.- М.: РОССПЭН, 2006; Никонов А.П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй / А.П. Никонов.- М.: ЭНАС, 2006; Зиновьев А.А. Русская трагедия / А.А. Зиновьев.- М.: Алгоритм, 2007; Ванюков Д.А. Имперские проекты / Д.А. Ванюков, И.И. Кузнецов, Д.В. Самсонов.- М.: Книж. Клуб Книговек, 2010; Россия в многообразии цивилизаций / Н.П. Шмелев и др.- М.: Весь мир, 2011; Munkler H. Empires: the Logic of World Domination from Ancient Rome to the U.S.A./ H. Munkler.- Cambr.: Polity Press, 2007; Hart J. Empires and Colonies / J. Hart.- Cambr.: Polity Press, 2008; Bowden B. The Empire of Civilization: The Evolution of Imperial Idea / B. Bowden.- Chicago: Univ. of Chicago Press, 2009; Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830-1970 / J. Darwin.- Cambr. Univ. Press, 2009; Empire Development and Colonialism: the Past in the Present (ed. by Duffield M. a. Hewitt W.).- Woodbridge: James Currey, 2009; Nye J. The Future of American Power: Dominance and Decline in Perspective / J. Nye // Foreign Affairs.- Nov./ Dec. 2010, а о.

² См.: Россия в цифрах: Крат. стат. сборник.- М.: Росстат, 1997.- С.8.

³ См.: Континент.- 1998.- № 2.- С.198.

⁴ См.: Аргументы недели.- 2009.- № 49.

Политически мотивированное насилие в ФРГ в контексте трансформации правого и левого радикального лагеря

Возрастание числа правонарушений, обусловленных право- или левоориентированными политическими мотивами, стало серьезным вызовом для демократических государств Европы. В их числе оказалась Федеративная республика Германия. Некогда разделенная страна столкнулась после процесса воссоединения сразу с несколькими волнами насилия как со стороны правых, так и со стороны левых радикалов. Количественное преобладание правых экстремистов по сравнению с левыми, постоянное освещение СМИ правонарушений ультраправых, сам факт наличия в стране, пережившей фашизм, склонных к насилию правых экстремистских групп, сформировали стереотип о большей опасности для демократического строя политически мотивированного насилия правого толка. Этот стереотип господствовал, по крайней мере, до 2009 года.

Между тем в радикальном лагере ФРГ стали очевидными значительные трансформации, заставляющие по-новому взглянуть на опасность применения насилия со стороны экстремистских группировок, обосновывающих его политическими мотивами.

Для того чтобы выявить степень опасности использования насилия, необходимо, во-первых, определить, весь ли ультраправый и ультралевый лагерь способен на него. Во-вторых, следует выяснить, какую роль играет насилие в процессе становления и идентификации радикалов.

Первый вопрос неотделим от понимания того, что экстремизм правого и левого толка не представляет и никогда не представлял собой единого целого. Речь идет о наличии в обоих лагерях гетерогенной смеси радикальных концепций, различных представлениях о том, как можно достичь политических целей, о группах, нередко конкурирующих друг с другом, о различном числе симпатизирующих им. В этом плане понятия «правый» или «левый» экстремизм не позволяют дифференцировать внутреннюю неоднородность каждого лагеря, исходя из выбранных агрессивных форм действия.

Левый экстремистский лагерь включает в себя несколько групп¹, далеко не каждая из которых реально готова применить насилие. Среди них следует назвать, прежде всего, автономных радикалов,

проповедующих свободную жизнь в свободном пространстве и не имеющих четких программных ориентиров («Черный блок», антифашистские группы). Из общей численности 6000 человек около 5000 склонны к насилию (особенно на демонстрациях)².

Не однозначны позиции партии «Левые». Дело в том, что внутри самой партии ведутся споры, следует ли ее относить к левоэкстремистскому спектру. С одной стороны, большинство ее участников (70 000) являются членами не радикальной левой партии, имея представителей в бундестаге. Они однозначно отклоняют даже саму возможность применения насилия. В то же время есть радикальное маргинализированное крыло около 1000 человек, но даже из него не все поддерживают идею применения насилия.

Не имеющие четко фиксированной численности левоэкстремистские антиглобалисты («Революционный Антисоюз – 68») избегают каких-либо теоретических концепций и в определенной ситуации могут применить насилие.

К левому лагерю относятся также революционно-марксистские группы общей численностью около 25 000 человек (например, «Красная помощь»), разделяющие концепцию классовой борьбы и занимающие антиимпериалистические позиции.

Сложно подсчитать точное число анархистов (Свободный союз рабочих, анархокоммунисты), но это небольшие группы, не пользующиеся политическим влиянием и выступающие за пропаганду действием.

Левоориентированные троцкисты (Социалистическая альтернатива) идеологически разделяют позиции всех троцкистов, активно включаясь в антикапиталистический протест. Насчитывается около 1500 активистов данного лагеря.

Как мы видим, насилие и возможность его применения зачастую оспариваются внутри самого лагеря. Признает насилие и настаивает на нем небольшая часть. Другие же не отрицают возможность применения насилия, но не считают, что таким способом можно решить все проблемы. Насилие левых зачастую является делом случая или внезапной эскалации конфликта. Как правило, экстремисты оправдывают насилие в рамках демонстраций в качестве ответа на аналогичное насилие со стороны правых, как насилие против системы, насилие против полицейского произвола, как средство мобилизации. Отсюда дефиниции экстремистского восприятия: «хорошее–плохое насилие», «оправданное–неоправданное».

За последние годы общая численность левых экстремистов увеличивалась незначительными темпами. Добавьте к этому

отсутствие четкой политической платформы, включающей в себя разрозненную мозаику таких позиций, как антимилитаризм, противодействие НАТО, экономической экспансии США, критика глобализации, акции против государства, воспринимаемого в качестве репрессивного, антифашизм, трактуемый как насилие против маршей неонацистов. Для мобилизации своих активистов и симпатизирующих им необходимы были громкие акции (протесты против саммита G8 в Хайлигендамме, против всемирного экономического форума).

Таким образом, зачастую левозэкстремистское насилие призвано компенсировать базисную слабость левых. Насилие рассматривается левыми как необходимость: пацифизмом революцию не выиграть. Парочка мирно шествующих на демонстрации активистов никого не интересует.

То есть, насилие преподносится как способ самоидентификации, мобилизирующий фактор, связующее звено для левых, которое дает власть, пусть и на короткий срок. В то же время неприятие насилия отдельными левыми также рассматривается как интегративный базис для борьбы с правыми.

Вопрос о том, насколько привлекательны, особенно в молодежной среде, левозэкстремистские лозунги, является спорным. Ведь зачастую попытки любым способом оправдать насилие вызывают в качестве ответной реакции не понимание, на которое рассчитывают, а, напротив, отчуждение, в том числе в рядах самих левых.

Между тем на фоне дробления и неоднозначности отношения к насилию внутри левозэкстремистского лагеря, число насильственных действий, совершаемых левыми, резко возросло. С 2008 по 2009 год оно увеличилось на 40 %, достигнув своего максимума в 1115 преступлений³.

Между восприятием насилия группировками правого и левого толка лежит существенная пропасть. Прежде чем анализировать ее, следует признать неоднородность не только левого, но и правого лагеря. В последний входят аполитичные протестные субкультуры, не разделяющие идеи применения насилия, такие как Oi-скины или выступающие против расистских предрассудков и стремящиеся максимально дистанцироваться от ярлыка правых экстремистов Sharp-скины; правозэкстремистские скинхеды, напротив, сделавшие ставку на насилие; неонацисты, в том числе автономные националисты, зачастую не исключают насилие.

У каждой из указанных групп насилие играет свою роль. У правозэкстремистских скинхедов оно занимает ключевые позиции,

являясь показателем мужественности. В связи с этим скинами зачастую распространяется миф о битвах «один на один», явно не соответствующий реальности. Некоторые, впрочем, признают, что насилие совершается ими зачастую просто ради удовольствия⁴. 77% насильственных действий совершают скинхеды моложе 27 лет, 55% – моложе 24 лет. В основном насилие совершает мужской пол – до 90,5%⁵. Со стороны женщин речь может идти только о представительницах субкультур.

Автономными националистами насилие осуществляется осознанно и целенаправленно. Чаще всего объектом нападения выступают члены «Антифа». Воспринимая насилие как реакцию в ответ на государственный террор, национал-социалисты утверждают, что «там, где произвол против националистов становится практикой⁶, полиция и политические оппоненты должны рассчитывать на сопротивление»⁷. А вот еще один далеко не безобидный лозунг: «Кто нас ударит по правой щеке, получит, в конце концов, сам и по правой, и по левой». Как отметил гамбургский радикал Кристиан Ворх, автономные националисты радикальнее и решительнее старых неонацистов. Они соединили в себе два фронта: тех, кто выступает за единство и строгую дисциплину, и тех, для кого на первом месте ответственность и самостоятельные действия⁸.

Таким образом, и у правых, и у левых экстремистов объединительным мотивом выступает «эстетическое» восприятие насилие, зачастую выражающееся в культивировании героики уличных борцов. При этом борьба ассоциируется с внутренним переживанием, стремлением «переделать мир» под свое понимание «благодати». О том, чтобы задуматься, почему общественность отвергает подобные насильственные методы, речь не идет. Общей тревожной тенденцией становится тот факт, что насилие молодеет, оправдывается не столько высокими лозунгами, сколько скрывается за повседневностью.

Различия можно проследить по нескольким критериям. Если обратиться к динамике актов насилия, то обнаружится, что в 2001–2005 гг. политически мотивированное насилие со стороны левых радикалов возросло, затем стабилизировалось. В 2007–2008 гг. – число преступлений, совершаемых левыми, возросло, но собственно число актов насилия уменьшилось. С 2009 г., как уже было отмечено, начался резкий рост насильственных акций со стороны левых.

Динамика преступлений правых экстремистов в объединенной Германии характеризовалась скачкообразным ростом (пики которого

приходились на 1992–1993, 2000, 2004 гг.) и затем стабилизацией примерно на одном уровне с 2005 г.

Различия можно проследить и исходя из объектов насилия. Насилие левых системно ориентировано: на институты или людей как сотрудников институтов (например, полицию), против монополии государства на насилие и т.д. Насилие правых, напротив, индивидуализировано: против левых, против персональных врагов (иностранцы, неформальные молодежные группировки и т.д.)

У правых выбор жертв обычно осуществляется спонтанно, под влиянием алкоголя. Как правило, это иностранцы – 62,5 %, политическая оппозиция левого спектра – 12,5 %⁹. Не случаен только выбор жертв из политической оппозиции. Левые действуют целенаправленно, сознательно сводя к минимуму степень риска.

Не всегда совпадают способы насильственных действий. Для левых характерны групповые акты насилия. Правые же, пропагандируя одиночные столкновения, на практике давно отошли от подобной «героики».

Несложно проследить различия в географии насилия: левые, как правило, не совершают преступлений на территории своей дислокации, в отличие от правых, действующих в районах скопления своих групп. Больше всего преступлений левых за последние годы отмечено в Бранденбурге, Саксонии-Анхальт, Мекленбурге-Передней Померании; правых – в Северной Вестфалии, Нижней Саксонии, Саксонии, Бранденбурге¹⁰.

Следующим критерием выступает реакция СМИ на совершаемые акты насилия. Следует признать, что внимание СМИ, равно как и общественности было приковано к насилию правого толка. Именно оно подробно комментировалось средствами массовой информации, позиционируясь как одна из главных угроз демократическому миропорядку. Достаточно отметить, что только за период 2000 по 2001 год по германскому телевидению прошло 4688 передач, посвященных проблеме активизации правого экстремизма, что соответствует 354 часам эфирного времени. Причем, летом 2000 года интенсивность программ составила 225 передач за неделю¹¹.

По численности политически мотивированных преступлений правых больше. Для сравнения: в 2008 г. правыми было совершено всего 19 894 преступлений, в 2009 г. – 18 750; в 2008 г. левыми было совершено 3 124 преступления, в 2009 г. – 4734. Однако если из общего числа преступлений выделить насильственные акты, то картина изменится. Правыми насильственных действий было

совершено в 2008 г. – 1042, в 2009 г. – 891; левыми совершены 701 акт насилия в 2008 г., 1115 – в 2009 г.¹²

Политически мотивированное насилие левых по структуре более гетерогенно, чем правое. Оно включает в себя помимо телесных повреждений ущерб имуществу, поджоги автомобилей, нарушения мирного порядка, оказание сопротивления, разбойные нападения¹³. Среди преступлений насильственного характера, совершаемых правыми, преобладают телесные повреждения различной тяжести¹⁴.

Примечательно, что больше насильственных действий левых против правых, чем правых против левых. Так, в 2008 г. было зафиксировано 358, а в 2009 г. – 300 актов насилия правых против левых экстремистов или принятых за таковых¹⁵. В то же время, как отмечает Служба Конституционной защиты Германии, левыми против правых было совершено 342 актов насилия в 2008 г., 468 – в 2009 г.¹⁶

В настоящее время мы вынуждены признать переход насилия в «новое качество», объединившее «новый» количественный рост и «старую» тенденцию: насильственные действия активизируются там, где опасность их распространения недооценивается. Нет смысла спорить о том, что более опасно для общества: непрекращающееся правое насилие или резко возросшее насилие левых. С точки зрения демократического устройства, насилие остается насилием, какими бы аргументами правого или левого толка оно не пыталось оправдаться.

¹ Подробнее о лагере левых см.: Imbusch P. Militanz in Theorie und Praxis: die radikale Linke zwischen ritualisierter Randal und revolutionärem Konzept / P. Imbusch // Gewaltbereiter Extremismus und Terrorismus im Zeichen der Wirtschaftskrise. Eine Gefahr für die Demokratie? Vorträge auf dem 8. Symposium des Bundesamtes für Verfassungsschutz am 20. November 2009 / [hg. Bundesamt für Verfassungsschutz]. – Köln, 2009. – S.17–37.

² Статистические сведения о численности левых группировок см.: Verfassungsschutzbericht – 2009 / [hg. Bundesministerium des Innern]. – Berlin, 2009. – S. 151–192.

³ Zahlen und Fakten zum Linksextremismus in Deutschland: Linksextremistisches Personenpotenzial (Gesamtübersicht) // Bundesamt für Verfassungsschutz. – URL: http://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af_linksextremismus/zahlen_und_fakten_linksextremismus/zafali_1_personenpotenzial.html

⁴ Zit. nach: Moeller K. Hässlich, kahl und hundsgemein. Männlichkeits- und Weiblichkeitsinszenierungen in der Skinheadszone / K. Moeller // Die Skins. Mythos und Realität / hg. K. Farin. – Berlin, 1997. – S. 124

⁵ Rechtsextremistische Skinheads / [hg. Senatsverwaltung für Inneres, Abteilung Verfassungsschutz]. – Berlin, 2003. – S. 13

⁶ Наличие произвола определяется субъективным восприятием самих автономных националистов.

⁷ Подробнее об автономных националистах см.: „Autonome Nationalisten“ – Rechtsextremistische Militanz / [hg. Bundesamt für Verfassungsschutz]. – Köln, 2009. – 9 S.

⁸ Ibidem. – S. 7

⁹ Rechtsextremistische Skinheads ... S. 13

¹⁰ Verfassungsschutzbericht – 2009 / [hg. Bundesministerium des Innern]. – Berlin, 2009. – S. 42–43.

¹¹ Schellenberg B. Rechtsextremismus und Medien / B. Schellenberg // APuZ. – 2005. – №42. – S. 41

¹² Verfassungsschutzbericht – 2009 ... S. 38,45

¹³ Подробнее о структуре преступлений левозэкстремистского характера из области «политически мотивированный криминал левого толка» см.: Verfassungsschutzbericht – 2009... S. 45

¹⁴ Подробнее о структуре преступлений правозэкстремистского характера из области «политически мотивированный криминал правого толка» см.: Verfassungsschutzbericht – 2009...S. 38

¹⁵ Ibidem. – S. 39.

¹⁶ Ibidem. – S. 46

Политический экстремизм в молодежной среде (на примере Воронежской области)

Федеральный закон от 25.07.2002 №114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дается определение экстремизма, которое определяет данное явление как «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; »¹.

Мы видим, что данное определение довольно обширно. И зачастую, к экстремизму могут приписывать действия совершенно разного характера, ссылаясь на то, что под существующее определение можно подвести практически любые действия. Данное мнение, конечно же, является ошибочным и складывается больше от незнания законодательства. Однако, проблема обширности определения действительно существует и признается на высоком уровне. К примеру, даже российский МИД перед лицом Еврокомиссии согласился с тем, что определение экстремизма в российском законодательстве «слишком широко»².

Если рассматривать объективную сторону данного закона, то на сегодняшний день уже существует перечень организаций, которые были признаны экстремистскими и были запрещены. В данном списке находится 21 организация. Из них деятельность только восьми организаций можно отнести к разряду «политического экстремизма» и «разжигания расовой и иного вида ненависти и дискриминации». В их число входят межрегиональная общественная организация «Национал- большевистская партия»(НБП), международное

общественное объединение «Национал- социалистическое общество» (НСО, НС), межрегиональное общественное движение «Славянский союз» и другие³.

Совершенно очевидным является тот факт, что по возрастному составу данные группы и организации являются молодежными. И связано это, прежде всего с тем, что в ситуации социальной нестабильности и неопределенности молодежный максимализм может перетекать в довольно радикальные проявления, нередко переходящие в форму экстремизма. Зачастую, данные радикальные проявления становятся предметом манипуляций со стороны различных политических и иных сил. Но главная опасность данных движений заключается в их стихийности и непредсказуемости.

Но всегда ли молодежь полностью отдает себе отчет в том, каким видом деятельности они занимаются и насколько они готовы к совершению экстремистских действий по идеологическим мотивам? Возможным ответом на данный вопрос могут стать результаты социологических исследований, проведенных в 2006- 2007 годах Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в рамках проекта «Экстремизм в российской молодежной среде» под руководством члена- корреспондента РАН М. К. Горшкова и доктора социологических наук Ю. А. Зубок. Как показали результаты исследования, в группе с высоким уровнем экстремистских настроений менее половины (41,2%) молодых людей ответили уверенно, что знают, что такое экстремизм. Практически половина (47,1%) проявил уверенность в том, что правильно понимает данное понятие. Каждый десятый (11,8%) признался, что не знает, что это такое⁴.

Чтобы более полно понять ситуацию с распространением экстремизма в молодежной среде, необходимо изучить конкретные примеры. Нам хотелось бы рассмотреть ситуацию в Воронежской области. Примерно с 2000 года Воронеж приобрел печальную известность одного из центров экстремизма и агрессивного национализма на территории Российской Федерации. Конечно же Воронежская область не является единственным регионом, где достаточно остро стоит данная проблема, однако масштаб проблемы пугает.

По результатам опроса, проведенным институтом общественного мнения «Квалитас» в городе Воронеже в 2006 году, большинство жителей Воронежа (65%) считают определение города центром национализма и ксенофобии ошибочным и несправедливым. В то же время почти каждый третий готов согласиться с ним. В то же время

11% опрошенных воронежцев ответили, что им лично приходилось за последний год видеть проявления расовой неприязни и национального экстремизма. Среди молодежи с этим сталкивался уже каждый четвертый⁵.

В докладе генерального прокурора РФ Юрия Чайки в рамках «парламентского часа» в Государственной Думе РФ в списке регионов, где наиболее часто возбуждались дела по преступлениям связанным с проявлением экстремизма наряду с такими регионами как Московская, Ленинградская, Свердловская, Самарская, Тверская области, республиках Татарстан, Дагестан и Башкортостан так же фигурирует и Воронежская область⁶.

По данным информационно-аналитического центра «Сова» на период с начала текущего года до марта в результате расистских и неонацистских нападениях пострадало не менее 32 человек, из которых 9 человек погибли в семи регионах (Москва, Санкт-Петербург, Астраханская, Воронежская, Рязанская и Самарская области, Республика Коми)⁷. Наблюдая данную тенденцию можно отметить, что Воронеж остается в данном печальном списке регионов с высоким уровнем экстремистских настроений.

На сегодняшний день на территории области действует несколько организаций экстремистского толка. ДПНИ-Воронеж (Движение Против Нелегальной Иммиграции) – молодая по составу и по времени существования организация. По собственным заявлениям, имеет численность 60 человек, по мнению независимых наблюдателей 10-15. С регулярностью примерно раз в месяц проводят малочисленные пикеты. Отличительной чертой является наличие в рядах организации членов СКМ и КПРФ. Данная организация является наиболее активной на территории Воронежа. В частности, на улицах города можно увидеть многочисленные граффити. В том числе и с угрозами антифашистам. В области так же действуют такие организации как Национал-социалистическое общество, партия «Народный союз», воронежское региональное отделение, Союз русского народа, Русский Национал-Большевистский Фронт, Формат-18.

Если конкретно выделять особо сложные моменты, то нельзя не отметить ситуацию с безопасностью иностранных студентов. По данным мониторинга ксенофобии, проводимого Московской Хельсинской Группой, только на территории города Воронежа в 2008-2009 годах обучалось 970 иностранных студентов из 63 стран дальнего зарубежья и более 400 из стран ближнего зарубежья⁸. Опыт общения с иностранными студентами неоценим, но к сожалению, не

всегда студентов из других стран в Воронеже встречают гостеприимно.

Наиболее известными стали два случая убийства иностранных студентов в 2004 и 2005 годах. В 2004 был убит Амару Антониу Лима, приехавший из Гвинеи–Бисау, а в 2005 – Анхелес Уртадо Энрике из Перу. Оба убийства были совершены днем в центре города. Крайне важным является тот факт, что оба преступления были признаны судом, как совершенными на почве расовой и национальной ненависти.

Так же широко известны многочисленные нападения на студентов из стран Закавказья и Средней Азии, но иностранцы из стран дальнего зарубежья считаются более уязвимой группой, так как они менее приспособлены к жизни в России и их меньше по численности. Еще одним фактором является плохое владение русским языком, особенно на начальном этапе проживания на территории РФ.

В ответ на данные события среди органов власти и различных общественных организаций активизировалось обсуждение вопроса обеспечения безопасности иностранных студентов. На сегодняшний день можно выделить несколько направлений деятельности по данному вопросу. Во-первых, информационное, к которому относится выпуск тематических материалов, организация круглых столов и других дискуссионных мероприятий. Во-вторых, проводятся профилактические меры по проверке мест проживания студентов, их обучения и так далее. В-третьих, проведение просветительских мероприятий, в которые в первую очередь входят проведение межкультурных мероприятий.

На сегодняшний момент так же активно ведется работа с лидерами различных диаспор. Можно отметить организацию дискуссионных мероприятий, межкультурных концертов с участием представителей диаспор и студенчества города. Во время такого рода встреч всегда происходит бурное обсуждение вопроса безопасности иностранных студентов и учащихся из других регионов России.

Общемировая тенденция показывает о превалировании правых настроений, особенно в Европе. Такой вывод можно сделать по результатам выборов в ряде европейских стран⁹. Еще одним сигналом служат участвовавшие высказывания о крахе теории мультикультурализма в ЕС. Об этом открыто заявляют лидеры ведущих стран Союза. Такая печальная тенденция наблюдается и на территории России. И многим из прошлого поколения она не вполне понятна. В нашем государстве существует яркий пример мирного сосуществования разных народов, без проявлений какой-либо

нетерпимости. Конечно же это СССР. На сегодняшний день нам необходимо использовать весь положительный опыт истории нашего государства и направлять на его укрепление и консолидацию.

На наш взгляд, важно не только своевременно реагировать на случаи проявления различного рода экстремизма в молодежной среде, но и важно попытаться предотвратить повторение данных случаев через проведение профилактических мер. К ним можно отнести работу по школам, ВУзам, училищам и техникумам. Важно разъяснить меру ответственности за данные деяния и направить энергию молодых в полезное для государства русло работы. Проведение уроков толерантности и знакомство с культурами других стран и народов является важным шагом к предотвращению межнациональной и межрасовой ненависти. Более того, нельзя забывать об экономической выгоде от приезда иностранных студентов и улучшении общего имиджа страны, что несомненно важно в период сегодняшней эпохи глобализации и этот факт так же не стоит упускать при проведении данных работ.

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 №114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».- (<http://bestprav.ru/fed2002/data01/tex10001.htm>)

² Представитель Центра «СОВА» выступил на слушаниях в Европарламенте // Центр «СОВА». 2010. 1 декабря (www.sova-center.ru/misuse/publications/2010/12/d20411/).

³ Официальный сайт Министерства Юстиций РФ. Перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».- (<http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/perechen/>)

⁴ Зубок А. Ю. Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма.- (http://www.isras.ru/files/File/Socis/2009-01/Zubok_Chuprov.pdf)

⁵ Козлов А. Ю. Страх и ненависть в Воронеже. Обзор ситуации с ксенофобией в Воронежской области за пять лет (2004-2008).-Воронеж, Издательство Профсоюза Литераторов, 2009.- С.29

⁶ Доклад Ю. Я. Чайки в рамках «парламентского часа» в Государственной думе РФ.- (<http://www.genproc.gov.ru/wap/management/appearances/document-483/>)

⁷ Информационно- аналитический центр «Сова». Март 2011года. Итоги месяца. (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/04/d21296/>)

⁸ Назарова А. Иностранные студенты в России: основные подходы к решению проблем безопасности (на примере Воронежской области)./А. Назарова/ Сборник статей «Ксенофобия в молодежной среде: региональный аспект».- МПД.- Воронеж 2009.- С. 9

⁹ Неменский О. Крайне правые в Центральной Европе: новое пробуждение.- (<http://www.apn.ru/publications/article10409.htm>)

**Между «историей Чувашии» и «чйваш хутлăх»:
три формы постсоветского историонаписания**

Признание наличие кризиса или его определенных элементов в исторической науке стало общим местом значительной части современных исследований. Историографическая ситуация в России характеризуется значительной неопределенностью. Распад СССР, кризис советской модели исторического знания не привели к радикальным изменениям в рамках исторического знания в постсоветской России. После 1991 года некогда единое советское историческое / историографическое пространство перестало существовать. На смену советской исторической науке пришли национальные исторические науки, в том числе – и российская. В отличие от большинства историографий постсоветских республик и тем более постсоциалистических государств российская историческая наука оказалась не в состоянии воспользоваться шансом и радикально трансформироваться, изменив как структуру организации науки, так и содержание исторических исследований.

Развитие исторических исследований в России и в бывших советских республиках и социалистических государствах на протяжении транзитного периода 1990 – 2000-х годов шло совершенно различными путями: историография Украины, государств Балтии, бывших республик Югославии и других государств пошла по пути не только приобщения к западным исследовательским и научным практикам, но и постепенной национализации. Исторические исследования были соединены с национализмом, а историческое знание стало одним из факторов развития национальной идентичности. Государства Восточной Европы, осознавая важность истории в процесс национального строительства, развития и продвижения демократических ценностей, к середине 2000-х годов пришли к пониманию того, что необходимо проводить особую историческую политику, направленную не только на изучение, но и форматирование, редактирование и проработку прошлого.

В такой ситуации в Польше и в Украине были созданы специализированные институты, призванные заниматься изучением и развитием исторической памяти. В данном контексте историческая память тождественна национальной. Историческая наука в современной России в значительной степени развивается не так как в

Восточной и Центральной Европе. Функционирование историографии в России инерционно, используя тот потенциал, который унаследован о советской версии исторического знания. Попытки властей Российской Федерации восстановить советские методы управления исторической наукой и искусственно создать условия для развития исторических исследований в форме учреждения Комиссии, призванной бороться с «фальсификациями истории в ущерб интересам России» или поддержка методологически аморфных, но политически склонных к крайнему национализму фондов типа «Исторической памяти» А. Дюкова выглядят неуместно и на фоне центрально и восточноевропейского опыта исторических дискуссий ущербно.

Проблема современной российской историографии состоит в том, что рано или поздно этот потенциал будет, с одной стороны, исчерпан, а, с другой, на протяжении 1990 – 2000-х годов попытки выработки новой модели исторического знания и новых схем написания / описания истории неизбежно наталкивались на противодействие со стороны консервативного большинства историков, которые составляют основу т.н. нормативной историографии¹. В центре авторского внимания в настоящей статье несколько проблем, связанных с историческими исследованиями в современной России, а именно: связь истории как знания с развитием национальной идентичности и национализмом и проблемы соотнесения истории России как большого нарратива с национальными историями наций, проживающих на территории Российской Федерации. В качестве объекта изучения в статье присутствует чувашский национализм и историческое воображение чувашских интеллектуалов. На месте чувашских интерпретаций прошлого могут быть и удмуртские², и мордовские, и марийские, и татарские историографические практики. Автор анализирует именно чувашскую версию исторического воображения по той причине, что чувашский национализм уже пребывал в центре его внимания в предыдущих исследованиях³.

Историческое воображение чувашского национализма в значительной степени фрагментировано. Наряду с официальной, несоветской преимущественно социально-экономической интерпретацией истории сосуществуют этноцентричная версия чувашской истории, связанная с фольк-хистори, а также альтернативные концепции, которые в большей степени опираются на часто игнорируемые российским историческим сообществом западные формы исторического знания. Анализируя чувашский

национализм, во внимание следует принимать и то, что и В.Д. Димитриев, А.В. Изоркин, и А. Хузангай (о концепциях которых речь пойдет ниже) относятся к числу респектабельных фигур, чья репутация как ученых в принципе не вызывает сомнения. Изменения 1990-х годов привели к значительной политизации истории и деградации исторического знания, которое начало утрачивать академическую замкнутость, соединяясь с этноцентристскими интерпретациями дилетантов, массово заявивших о себе после распада Советского Союза. Подобная ситуация универсальна для транзитных обществ. Рассматривая проблемы связи исторических исследований и развития национализма, во внимание следует принимать то, что «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты»⁴.

Комментируя трансформации исторического знания, немецкий историк Р. Линднер подчеркивает, что «история переместилась в центр исторических дебатов»⁵. Важнейшими течениями, которые сложились в результате фрагментации исследовательского пространства, стали нормативное несоветское, этноцентристское (чувакская версия фольк-хистори) и национальное, в наибольшей степени связанное с западными научными практиками. Ведущим теоретиком чувашской фольк-хистори, основанной на этноцентристской интерпретации прошлого, является Антей Илитвер (Л.М. Иванов). Бывший инженер Л. Иванов, начиная со второй половины 1990-х годов, является одним из наиболее последовательных популяризаторов этнизированной версии чувашской истории. Для А. Илитвера, как и для других националистов, которые являются историками-дилетантами, характерно стремление в максимальной степени удревнить историю чувашей.

Концепция сторонников этнизированной версии чувашской истории, которая фактически представляет собой региональную чувашскую версию фольк-хистори, отличается эклектичностью. В 1962 году британский исследователь Д. Томпсон подчеркивал, что «в эпоху национальных государств история обречена быть националистической». Подобная склонность со стороны интеллектуалов культивировать национально ориентированные версии истории стимулируется процессами политического транзита.

Именно переходный характер оказывает значительное влияние на то, что «в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы»⁶. Поэтому А. Илитвер пытается синтезировать идею об особой древности чувашской истории с идеями избранности чувашей, акцентированием внимание на негативной роли нечувашей в чувашской истории.

В том случае если история пишется / конструируется в этнической системе координат, националисты нередко стремятся не только в максимальной степени использовать шанс, связанный с тем, что после распада СССР исчезла «достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией»⁷, но и распространить современные им идентичности на те группы, которые таковыми не обладали. В этноцентричных версиях чувашской истории чуваша фигурируют наряду с народами Древнего Мира – с вавилонянами, хурритами, шумерами. В подобной ситуации древние предки чувашей позиционируются как «наследники шумерской культуры»⁸. Появление подобных интерпретаций истории ведет к неизбежному разрушению академического канона, размыванию его границ, что связано с новыми изменениями истории, ставшей не наукой, но «важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности»⁹.

В истории, написанной в этнической системе координат, чуваша предстают потомками неких ассиров, предков ассирийцев, положивших начало тюркам¹⁰. Американский исследователь Дж. Фридмэн подчеркивает, что «история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент»¹¹. В условиях ренессанса концепта чувашскости в этноцентричной историографии доминируют примордиальные интерпретации истории, а сама усилиями чувашских националистов история древности наделяется чувашскими характеристиками, а самим «древним чувашам» приписывается мессианская и культуртрегерская роль. Носителями чувашской миссии в мировой истории А. Алитвером объявлены гунны, а сами древние проточуваши позиционируются как предки индоевропейцев¹². Комментируя подобные методологические приемы националистов, В.А. Шнирельман полагает, что «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности»¹³.

В рамках подобной этнизированной версии истории прошлое индоевропейцев деградирует до одного из боковых ответвлений чувашской истории. Крах советского коммунизма имел не только политические, но и историографические последствия. По мнению американских историков В. Аутуэйта и Л. Рэя, распад старой системы спровоцировал «дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов»¹⁴. В подобной ситуации исчезли идеологические табу, и интеллектуалы-националисты получили возможность свободно писать о том, что до 1991 года пребыло под жестким идеологическим запретом. Именно поэтому особую роль в этнизированной версии чувашской истории играют нарративы, связанные с культурным расизмом. Для этнизированной версии чувашской истории среди ее главных антигероев – универсальные Другие.

Усилиями А. Илитвера культивируется неаттрактивный образ китайцев как Других. По мнению А. Илитвера, китайцы были «отгорожены от ближневосточной цивилизации» и поэтому «даже не предполагали, что на свете могут быть люди, отличающиеся своей внешностью от китайцев». Китайская проблематика не дает покоя современным чувашским создателям работ в стиле фолк-хистори: усилиями А. Илитвера древние проточувашские племена, которые «вторглись на исторические земли китайцев», превратились в едва ли не создателей китайской государственности: «во главе высокорослых и мощных людей европеоидного физического типа, владевших многими достижениями цивилизации того периода, стали захватывать и подчинять разрозненные племена оседлых китайцев, постепенно заняв главенствующее положение и среди китайцев, превратившись впоследствии в их царскую династию Ся, правившую Китаем, согласно китайским легендам, примерно с 2600 года до н.э.»¹⁵.

Комментируя особенности развития исторических исследований, Дж. Фридмэн подчеркивает, что «объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа... дискурс истории, подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности... история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности»¹⁶. Именно поэтому, в этнизированной версии чувашской истории история как знание заменена историей-мифом, которую невозможно, по мнению ее форматоров и апологетов, интерпретировать и подвергать ревизии, но в которую следует верить. Подобные тактики построения этноцентричных версий истории порождают утверждения

чуваших националистически ориентированных интеллектуалов о том, что в результате проточувашского завоевания Китая «новая племенная знать передала китайцам не только часть своей шумерской культуры, но принесла в среду китайцев также: письменность, календарь и часть своей разговорной речи, превратившуюся впоследствии в смешанный язык китайской аристократии и их чиновничества»¹⁷.

В рамках этнизированных восприятий истории китайцы предстают как народ менее развитый, чем древние предки чувашей. В этнизированной версии чувашской истории по А. Илитверу, древние проточуваши были потомками кроманьонцев («пришедшие же в степи Северо-Западного Китая, во главе пратюркских племен, светловолосые и голубоглазые потомки кроманьонцев так резко отличались своей внешностью и ростом от черноволосых и низкорослых китайцев, что ввергли их в замешательство»¹⁸), что ведет к формированию образа китайцев не только как примитивного и отсталого народа, но и как расово чуждой группы населения. Сторонники этнизированной версии чувашской истории настаивают на том, что древние чувашы были кроманьонцами в то время как китайцы – примитивными потомками неандертальцев¹⁹. История в национализирующихся обществах подвержена значительной политизации, трансформируясь в «конструкцию в значительной степени мифическую в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем»²⁰.

Утверждение идентичности может иметь разные формы, в том числе и основанные на непосредственной мифологизации прошлого, что чрезвычайно удобно для культивирования этнизированных версий истории, которые предназначены для массового потребителя, который не отягощен специальным историческим образованием. Именно поэтому творцы чувашских версий фольк-хистори легко смешивают события различных эпох, не утруждая себя проблемами внутренней логики конечного «научного» продукта. Для радикальных националистов этнонимы «китайцы» и «неандертальцы» в значительной степени синонимичны. В текстах А. Илитвера китайцы фигурируют как дикие неандертальцы, облагороженные прогрессивным и культуртрегерским влиянием древних предков чувашей. Комментируя раннюю историю китайцев, А. Алитвер полагает, что «язык ранних неандертальцев, как и язык современных китайцев, формировался на основе языка синантропа, но в результате деградации ранних неандертальцев их язык был упрощён поздними

неандертальцами до предела. В общении друг с другом поздним неандертальцам были достаточны около трех десятков слов, составленных из одного, двух, в крайнем случае, из трех звуков, доставшихся им от потомков “китайского человека”»²¹. Анализируя подобные радикальные тренды в развитии современного чувашского национализма, во внимание следует принимать то, что они носят маргинальный характер. Большинство чувашских интеллектуалов национальной ориентации предлагают умеренно националистические версии написания / описания чувашской истории. С другой стороны, в академической науке также доминирует умеренный постсоветский текст, который, в свою очередь, подвержен определенной национализации под влиянием чувашских интеллектуалов-националистов.

Столь радикальные версии этнизированной истории чуваш являются одной из версий чувашского националистического воображения, которая от классического политического чувашского национализма отличается приверженностью значительной этнизации. Среди центральных идей радикальных и этнизированных версий чувашского национализма – проблема не только великих предков, но и политического наследия. Чувашские националисты, с одной стороны, подобно другим националистам прилагают значительные усилия к культивированию политического образа древних чувашских предков как идеального политического сообщества, наделенного различными историческими и политическими добродетелями.

Анализируя чувашский этнизированный национализм, этноцентричные версии чувашской истории, во внимание следует принимать и то, что они ведут к формированию новых исторических и этнополитических мифов, что связано с искусственным навязыванием современных, модерновых по своей природе идентичностей, различным этническим группам прошлого. В этом отношении чувашский национализм имеет немало точек соприкосновения с этнизированными версиями русского, украинского и других национализмов. На современном этапе региональные национализмы в национальных республиках Российской Федерации развиваются как преимущественно политические и гражданские, что не исключает их вероятной этнизации, которая становится вполне вероятной на фоне как политической, экономической и социальной нестабильности, так и в контексте того мощного мобилизационного потенциала, который сокрыт в этнизированных и радикальных версиях национализма. Ситуация станет менее приятной и в том случае, если этнизированные интерпретации прошлого начнут доминировать в историческом

воображении. Предпосылки для подобного явления могут сложиться в том случае, если нормативная несоветская историография не трансформируется (что мало вероятно в контексте характерного для нее значительного консерватизма и склонности к стагнации) или национально ориентированные версии написания чувашской истории не утратят свой маргинальный статус и не станут доминирующими, что также маловероятно в ближайшей хронологической перспективе.

Наряду с этнизированной версией чувашской истории в историографическом пространстве Чувашии заметную роль играет нормативная историография, которая является генетическим продолжением советской исторической науки. Для последней были характерны все родовые травмы, связанные с ее появлением и существованием в рамках недемократического режима. Советская версия истории отличалась «крайней политизацией» и «монополизацией историографического производства»²². Комментируя особенности развития советской модели развития исторического знания, Д. Усманова подчеркивает, что «провозглашенная денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого – все это делало априорно невозможным дальнейшее развитие исторической науки в направлении создания национальной истории»²³.

Советская форма исторического знания была в значительной степени выдержанной идеологически и политически. Российский историк П. Уваров, анализируя ее особенности, подчеркивает, что «советский историк всегда готов был дать отпор буржуазным фальсификаторам». С другой стороны, современные российские авторы указывают и на аморфность советской историографии, ее значительный адаптивный потенциал: «советские историки готовы были обвинять своих коллег сперва в меньшевизме и троцкизме, затем – в космополитизме, а позже – в структурализме и в подготовке «диверсии без динамита»; поэтому и научные статьи порой напоминали доносы, а доносы походили на научные статьи... правильным методом по техническим причинам считался марксизм-ленинизм. Но, говоря компьютерным языком, марксизм для нас был не только «программной системой», но и «программой-оболочкой», преобразующей неудобный командный пользовательский интерфейс в дружелюбный графический интерфейс. При помощи нехитрых операций, поиграв в диалектику, под наш советский интерфейс можно было подогнать и какой-нибудь позитивизм Венской школы, и

структурализм, а может, и Фуко смогли бы приспособить при желании»²⁴. Аморфность и способность адаптироваться к изменениям не исчезли после распада Советского Союза. Они сохранились с той лишь разницей, что если до 1991 года ими обслуживалась доминировавшая идеология, то в Российской Федерации они были поставлены на службу консервативной части исторического сообщества, которое было заинтересовано не в изменениях, а в сохранении своего доминирующего положения.

Несмотря на распад СССР в большинстве своем исторические исследования продолжают создаваться в соответствии с теми принципами, о которых речь шла выше. Подобно тому, что советская историческая наука была крайне консервативной и «до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории»²⁵, современная нормативная версия чувашской исторической науки отличается значительным степенью консерватизма. Существование столь реакционного, консервативного и традиционалистского течения в рамках историографии в Чувашии является и свидетельством того, что «постсоветские интеллигенции столкнулись с кризисом написания истории»²⁶. Этот кризис спровоцирован как консерватизмом научного сообщества, крайне низкой адаптивной способностью и нежеланием принимать и осваивать новые методы и исследовательские практики.

Историография советской Украины, как полагает современный украинский историк Я. Грыцак, «была очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на нескольких темах и концепциях»²⁷. Подобная ситуация характерна и для чувашской постсоветской историографии, которая в значительной степени продолжает страдать от тематической и методологической замкнутости, что в наибольшей степени характерно для обобщающих исследований²⁸, призванных сформировать большой линейный нарратив чувашской истории как национальной. Несмотря на все попытки чувашских интеллектуалов и определенные позитивные изменения, большой исторический нарратив в итоге получается социально-экономическим, а не национальным. В нормативной историографии постсоветской Чувашии существует несколько тем, в значительной степени мифологизированных и столь же обязательных в большей степени не для изучения, а для проявления лояльности. В контексте доминирования несоветских версий и интерпретаций истории становится показательным отношение чувашских интеллектуалов к самому факту вхождения чувашских земель в состав Русского государства. Проблема связана не только с ростом

национализма и национального сознания части чувашской интеллигенции в 1990 – 2000-е годы, но и необходимостью соотносить региональный дискурс, имеющий национальный бэк-граунд, с государственным канонem, для которого, в свою очередь, характерны значительные тенденции к русскому этноцентризму²⁹.

Сторонники пророссийского варианта написания национальной истории поддерживаются и первым чувашским президентом Н. Федоровым. Например, предисловие к книге В.Д. Димитриева³⁰, которая воплощает основные тренды официального восприятия истории, написал сам Н. Федоров, комментируя вхождение чувашских земель в состав Русского Государства, подчеркивал, что «спустя 450 лет ни выбор наших предков, ни наш выбор сегодня – выбор моих современников – не будет подвергаться никакому сомнению. А наши далекие потомки будут с глубокой благодарностью вспоминать дела своих предков, которые жили, думая не только о себе, но и о будущих поколениях»³¹.

В.Д. Димитриев полагает, что чувашаи добровольно вошли в состав Русского государства. Доминирование подобного нарратива в несоветской историографии указывает на значительный уровень ее политизации. В рамках нормативной и несоветской версии исторического знания фигурирует тот тип исследователей, характеристику которому дал польский историк А. Михник. По мнению А. Михника, подобные авторы «верят в то, что знание о прошлом не должно безоговорочно служить правде, а призвано оставаться в услужении у текущих политических интересов. Тот, кто так понимает историческое знание, перестаёт быть слугой общества и становится лакеем правящих элит. Но лакеи – плохие педагоги для общества свободных людей»³².

Мотивируя причины этого события, В.Д. Димитриев указывает, что «потеря болгаро-чувашиами своей государственности, монголо-татарское иго, опустошение Болгарской земли в основном татаро-монголами, массовый геноцид болгаро-чувашского населения, перемещение оставшихся в живых болгаро-чувашей с плодородных лесостепных земель в менее плодородные лесные районы с довольно суровыми климатическими условиями – все это составляет первую глубинную важнейшую предпосылку мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к Российскому государству»³³. С другой стороны, В.Д. Димитриев развивает и национальные тренды, полагая, что режим «колониального гнета Московской и Петербургской империй»³⁴, установленный российскими властями на землях чувашей имел античувашскую направленность.

Нормативная версия чувашской истории продолжает культивировать те принципы проведения исторического исследования, которые лежали в основе советской историографии. Нормативная историография обладает целым рядом родовых особенностей, которые являются и ее недостатками. В рамках нормативной историографии чувашской истории доминирует схематичность, упрощенность исторического процесса, история сводится к автоматическому чередованию исторических фактов, а исторические исследования утрачивают оригинальность. История становится историей статистических данных, связанных с развитием «народного хозяйства Чувашской АССР». Подобные тенденции ведут к последовательно денационализации исторического нарратива, его кризису и стагнации. Доминирование подобных концепций крайне негативно отражается на развитии чувашской историографии, способствуя ее последовательной фрагментации. В рамках распада историографического пространства в Чувашии могут возникнуть условия для того, что национальные тренды, связанные с западными научными практиками, могут стать если не доминирующими, то занять подобающее им место в историографическом пространстве, построенном на принципах сосуществования и взаимодействия различных исследовательских практик и методик.

Второй тренд в интерпретации этих событий более радикален и отличается значительным этноцентризмом, который по степени своего проявления уступает текстам А. Илитвера, но превосходит тексты, созданные в рамках нормативной несоветской историографии. Сторонником этого течения является известный чувашский интеллектуал, специалист по истории XX века, А.В. Изоркин³⁵. Работы А.В. Изоркина, вероятно, следует интерпретировать как сферу доминирования постколониального текста. Именно для постколониальной модели характерно «артикулирование себя через историю... и переписывание истории»³⁶. По мнению А.В. Изоркина, включение чувашских территорий в состав России привело к деформациям в развитии чувашей: «чувашаи подвергались насильственному крещению. Переход чувашей в христианство повлек за собой качественное обеднение нации – они потеряли национальную религию, древнейшие обычаи и почитаемых божеств»³⁷. По словам А.В. Изоркина «шовинистический самодержавный строй специально создавал из числа нерусских народов приниженные, придавленные категории жителей государства, и такое положение всегда служило доказательством "превосходства"

русских над ними»³⁸. С А.В. Изоркиным солидарен и Атнер Хузангай³⁹.

Сторонники национальной интерпретации чувашской истории, в отличие от их неосоветских оппонентов, в большей степени знакомы с западными тенденциями в развитии гуманитарного знания. Вместе с тем, этот национальный сегмент исторического чувашского воображения лишен внутреннего единства и развивается в условиях фрагментации. Для чувашского националистического текста, как участника исторического воображения, характерен значительный антиколониальный тренд. По мнению части чувашских интеллектуалов, «волей истории чувашский народ вынужден находиться в составе России. В течение веков Российская империя в отношении нас, как впрочем и других нерусских народов, проводила политику национального угнетения, относя к народам второго сорта, подвергая нечеловеческим лишениям. Мы для России являлись лишь поставщиками молчаливой бесплатной рабочей силы и безропотного пушечного мяса. До настоящего времени наш народ в своей памяти хранит воспоминания со всей жестокости и тяжести этого, по историческим меркам, недалекого прошлого»⁴⁰. Именно это сближает его с классическими восточноевропейскими национализмами. Если для национализмов постколониального мира в качестве объекта критики выступает бывший колонизатор, то для чувашских националистически ориентированных интеллектуалов подобную роль играет Россия, выступающая одновременно в качестве местного Окцидента, то есть Запада, и универсального Другого – завоевателя и угнетателя.

Чувашский национализм в РФ и связанная с ним традиция исторического знания обречены на превращение в своеобразную дорожную полосу с односторонним движением, что крайне негативно влияет на динамику развития межнациональных отношений. Не исключено, что в будущем это может привести к взаимной радикализации как русского национализма, так и национальных движений нерусских народов. Сведение России до Московии в рамках чувашского националистического и исторического воображения нередко вызывает раздражение и непонимание со стороны российских националистов. При этом во внимание следует принимать и то, что у чувашских интеллектуалов есть своя логика, с которой сложно не согласиться. На протяжении всего существования ЧАССР они были вынуждены изучать чувашскую историю под русским углом зрения и нередко на русском языке. Такая ситуация по инерции продолжает сохраняться и в современной Чувашской Республике.

Именно поэтому часть представителей чувашского интеллектуального сообщества пытается эту концепцию самым радикальным образом пересмотреть и отказаться от нее. Например, Лугусь Югур Кули (Н.Е. Лукианов) пишет, что «мы в составе Российской империи находимся с XVI века, когда, как и другие народы Среднего Поволжья, были насильно включены туда в результате восточной экспансии Московии. Теория о «добровольном вхождении» не выдерживает никакой критики, поскольку она уже по своему определению изначально лишена какой-либо здоровой логики. Никакой народ по своей воле не может проситься в рабство или в подчинение к другому народу, государству. Эту теорию нужно оценить как одну из версий для объяснения того, как чувашки оказались в составе соседнего, по тем временам, не очень развитого государства с довольно дикими нравами, которая в то время отвечала потребностям определенной политической конъюнктуры, и не более. Вплоть до двадцатого века народ был лишен какой-либо возможности самостоятельно решать свою судьбу и определить свой политический статус»⁴¹.

Концепции, о которых речь шла выше, на современном этапе в историографическом пространстве Чувашии являются маргинальными, что не мешает им по своему методологическому уровню превосходить доминирующие теории преобладающей нормативной историографии. Национальная парадигма, которая доминирует в текстах ряда чувашских интеллектуалов, способствует ограниченной ревизии истории Чувашии. Это проявляется в попытках провести ревизию устоявшихся неосоветских интерпретаций через применение к истории Чувашии теорий и методик, предложенных в рамках зарубежных гуманитарных наук. Подобные попытки позитивно оличаются от неосоветского научного продукта, выдержанного в канонах нормативной историографии, междисциплинарным синтезом, более широкими и оригинальными интерпретациями прошлого.

К сожалению подобных работ, которые синтезировали западные научные практики с чувашской проблематикой, в современной России выходит крайне мало. Имеющиеся исследования представляют собой одиночные, несистематизированные и разрозненные попытки отказаться от неосоветских интерпретаций чувашской истории, рассмотрев новейшую историю Чувашии как процесс национального / националистического воображения чувашской нации чувашскими интеллектуалами-националистами через литературные произведения, литературоведческие работы⁴² и обобщающие исторические

исследования⁴³. В подобной системе методологических координат центральными героями чувашской истории стали не классы, а нация, которая институционализируется / создается / воображается чувашскими интеллектуалами. Кроме этого, чувашская нация и чувашская идентичность были показаны не как единые явления, а как проекты, которые имеют множественные измерения, различные уровни, связанные как с конкретной политической и идеологической ситуации в истории XX века, так и с политическими / культурными / эстетическими предпочтениями форматоров различных идентичностных проектов для чувашской нации.

Суммируя положения более ранних работ Автора, вероятно, возможно сформулировать своеобразную исследовательскую программу, реализация которой (хотя бы в частичном объеме) сможет привести к позитивным изменениям в чувашской историографии. Чувашская историография, вероятно, должна стать в большей степени чувашской. Комментируя особенности формирования национальных историографий, татарская исследовательница Д. Усманова подчеркивает, что «при написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм»⁴⁴. На смену социально и экономически детерминированным версиям прошлого должен прийти некий новый *чăваш хутлăх* – чувашский простор – новое пространство исторических интерпретаций, которые неизбежно приведут к порождению новых мифов в силу того, что историческое воображение невозможно и немислимо без мифотворчества. Национализация истории, трансформация идеологизированного и поэтому денационализированного постсоветского историографического пространства в *чăваш хутлăх* может привести к появлению новых форм исторического воображения, к формированию новых исследовательских культур.

С одной стороны, сложно определить, как следует называть подобную новую для Чувашии и совсем не новую в мировом масштабе историографическую ситуацию, модернистской или постмодернистской: времена первой прошли, вторая является слишком аморфным явлением. С другой стороны, основные положения новой исследовательской программы могут быть сведены к следующему: 1) отказ от традиционной социально-экономической схемы чувашской истории; 2) определение новых приоритетных направлений развития гуманитарного исторического знания; 3) широкое применение западных методик исторического исследования; 4) история Чувашии может стать историей становления чувашской современной нации – поэтому, чувашская история есть история чуваш;

5) чувашская нация – конструкт современной эпохи; 6) до начала XX века чувашской нации не существовало; 7) чувашская нация создана чувашскими интеллектуалами; 8) негативными факторами в чувашской истории были Другие – в зависимости от ситуации этими другими могут быть русские и татары; 9) история Чувашии – это история национального движения и стремления нации к институционализации в виде создания чувашской государственности; 10) советский период в истории Чувашии – эпоха национального возрождения и период нереализованных проектов; 11) советская история нуждается в наибольшей ревизии, а советский эксперимент в осуждении как антинациональный и античувашский.

Подобные положения отнюдь новы и неоригинальны – они реализованы в большинстве исторических проектов на территории Восточной и Центральной Европы, где в исторических исследованиях доминирует национальная парадигма. В случае перенесения этой схемы на чувашскую историю наибольшие сложности мы испытаем с изучением советской эпохи как в наибольшей степени идеологизированной и мифологизированной. Схема написания истории, о которой речь шла выше, ориентирована на написание чувашской истории как национальной. Национальная история, тенденции к созданию которой доминируют на постсоветском пространстве, не лишена своих недостатков. Комментируя особенности национального канона в написании истории, украинский историк Г. Касьянов подчеркивает, что «важная черта канона – это этноцентричность, культурная и этническая эксклюзивность. В такой стандартной схеме главным актором является своя нация. Все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность... важная черта – это линейность и абсолютизация непрерывности собственной нации. В более радикальном варианте предполагается, что нация существовала всегда, по крайней мере, в рамках обозримой и описываемой истории. В более мягком – она существует с перерывами»⁴⁵. С другой стороны, доминирование национальной парадигмы в исторических исследованиях делает их более адаптивными и склонными к теоретическим изменениям и методологическому развитию. Реализация (даже частичная) подобной исследовательской программы приведет к новой индоктринизации историографии, но может стать и методологическим прорывом.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Если на протяжении 1990 – 2000-х годов исторические

исследования на территории России развивались в условиях глубокой фрагментации научного сообщества, то ожидание позитивных изменений в 2010-е годы будет не более чем иллюзией. Вероятно, ситуация глубокой не только идеологической, но в большей степени методологической фрагментации исследовательского сообщества будет не только сохраняться, но и углубляться. Развитие исторического знания в подобной ситуации будет фрагментированным. С одной стороны, официальный историографический канон продолжит свое существование. В ближайшие годы не сложатся условия для его изменения и тем более – исчезновения. Официальный канон будет существовать, функционировать и развиваться как неосоветский, хотя в случае его неосоветского характера о развитии говорить не приходится.

Неосоветские версии развития исторического знания будут существовать на двух уровнях. Первый уровень является общероссийским и представлен, как правило, обобщающими исследования по искусственной дисциплине известной как «Отечественная история» или «История Отечества». Второй уровень является региональной проекцией первого и связан с попытками написания историй в национальных субъектах Российской Федерации. Эти «истории», как правило, в значительной степени интегрированы в общероссийский контекст нормативной историографии, в рамках которой история сводится исключительно к автоматической смене фактов и событий, к социально-экономической истории. Неофициальный канон написания / описания истории в ближайшие годы, вероятно, будет связан с попытками ревизии неосоветской версии исторического знания. Принимая во внимание фактор устойчивости последнего и административный ресурс властей РФ, которые заинтересованы в его доминировании, альтернативные интерпретации будут существовать как маргинальные.

Несмотря на их маргинальный статус, методологический уровень альтернативный исторических объяснений выше, чем доминирующий неосоветский канон исторического знания. Анализируя альтернативные исторические концепты, во внимание следует принимать и тот фактор, что сами они в значительной степени разнообразны и неоднородны. Наряду с построениями и теориями, выдержанными в духе фольк-хистори и этноцентричных, преимущественно примордиалистских, версии истории будут существовать и подлинно научные академические интерпретации, основанные на широком использовании западного научно-методологического инструментария. Попытки переноса западных

методик на изучение / написание / описание истории России может привести к позитивным результатам, эффект которых будет в значительной степени ограниченным. Вероятно, попытки переписывания истории России в целом в рамках модернистской парадигмы потерпят крах, что связано со значительным уровнем консерватизма научного сообщества.

С другой стороны, использование западных концептов, которые благодаря историографическим трансформациям в Центральной и Восточной Европе, перестали быть исключительно западными, может оказаться в значительной степени позитивным на уровне реинтерпретации историй наций Российской Федерации. Не исключено, что шансом написания истории модерновой (современной) нации в ближайшие годы предсоит воспользоваться не русским интеллектуалам, а их коллегам в национальных республиках. В современных условиях гораздо легче представить истории формирования и развития модерновой чувашской, удмуртской, татарской или башкирской, нежели русской нации. Таким образом, в ближайшие годы в случае сохранения существующей историографической ситуации русская история как дисциплина обречена на дальнейшую маргинализацию в условиях доминирования нормативной историографии и социально-экономических интерпретаций исторического процесса. В подобной ситуации, конечно, будут иметь место и альтернативные интерпретации, которые, несмотря на свою близость к магистральным направлениям в развитии исторического знания за пределами России, в самой РФ будут в лучшем случае восприниматься как маргинальные.

¹ О нормативной историографии см.: Репина Л.П. Историческая наука и современное общество / Л.П. Репина // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005; Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е. Копосов. – М., 2005; Кирчанов М.В. Между *Geschichtsverarbeitung* и *Vergangenheitsbewältigung* (постмодернистский опыт прочтения статьи А.Г. Сарычева «Разрушение государственной концепции истории советского общества» и кризис исторического знания о советском прошлом) / М.В. Кирчанов // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований / отв. ред. С.В. Кретинин. – Воронеж, 2010. – Вып. 8. – С.236 – 242.

² Удмуртские интеллектуалы имеют определенный опыт радикальных реинтерпретаций национальной истории. В 1997 году вышел первый том исследования С.Ф. Васильева и В.Л. Шибанова «Под тенью зэрпала» (см.: Васильев В.С., Шибанов В.Л. Под тенью зэрпала. Дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов / В.С. Васильев, В.Л. Шибанов. – Ижевск, 1997. – Т. 1), в котором предпринята интереснейшая попытка соединить сюжеты удмуртской истории с теорией дискурса. Вероятно, работа указанных авторов является одной из немногих, где сюжеты удмуртской истории анализируются с опорой на теоретические построения западной гуманитаристики. Насколько известно Автору проект, к сожалению, остался незавершенным.

- ³ Кирчанов М.В. Изучение языка и идентичность (на примере языковых исследований в Чувашской АССР) / М.В. Кирчанов // *Studia Türkologica*. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 1. – С. 92 – 101. – (http://ejournals.pp.net.ua/_ld/0/63_turk_stud_i.pdf); Кирчанов М.В. Чувашский национализм как интеллектуальный и культурный тренд / М.В. Кирчанов // *Studia Türkologia*. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2008. – Вып. 7 – 8. – С. 83 – 113. – (http://ejournals.pp.net.ua/_ld/1/122_st_turk_vii_vii.pdf).
- ⁴ Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236.
- ⁵ Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus / R. Lindner // *Nationalities Papers*. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631.
- ⁶ Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // *Encounter*. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.
- ⁷ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 20.
- ⁸ Илитвер А. Предыстория чувашского народа (Опыт выявления генеалогической линии этноса) / А. Илитвер. – Чебоксары, 2003. – С. 28, 77.
- ⁹ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.
- ¹⁰ Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 154.
- ¹¹ Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.
- ¹² Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 23, 27.
- ¹³ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 18.
- ¹⁴ Аўтэўйт Ё., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм / Ё. Аўтэўйт, Л. Рэй // *Палітычная сфера*. – 2006. – № 6. – С.29.
- ¹⁵ Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 40.
- ¹⁶ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41.
- ¹⁷ Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 41.
- ¹⁸ Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 31.
- ¹⁹ Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 24.
- ²⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 43.
- ²¹ Илитвер А. Предыстория чувашского народа. – С. 19.
- ²² Куско А., Таки В. «Кто мы?». – С. 485, 491.
- ²³ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – С. 350 – 351.
- ²⁴ Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // *НЗ*. – 2007. – № 55. – (<http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>)
- ²⁵ Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // *Беларусіка / Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 118.
- ²⁶ Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past. – P. 631.
- ²⁷ Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – С. 427.
- ²⁸ Ярким примером является двухтомная «История Чувашии» (История Чувашии новейшего времени / науч. ред. В.Н. Клементьев. – Чебоксары, 2009. – Кн. 2. 1945 – 2005), которая структурно, содержательно, тематически и методологически напоминает «Историю Чувашской АССР», изданную в начале 1980-х годов. Второй том, например, состоит из пяти разделов, которые имеют повторяющуюся структуру: от народного хозяйства до культуры.
- ²⁹ О подобном феномене в национальных республиках в составе РФ см.: Измайлов И. Дилемма национальной истории в федеративной стране / И. Измайлов // *КФ*. – 2002. – № 2. – С. 60 – 78.
- ³⁰ Дмитриев В.Д. Правда о предпосылках и процессе мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России / В.Д. Дмитриев // *Чăваш Республикн ăслăхпа ўнер наци академи хыпапĕсем. Ăслăх журналĕ. Гуманитарии ăслăхĕсем / Известия Национальной Академии Наук и Искусств Чувашской Республики. Научный журнал. Гуманитарные науки*. – 2000. – № 3 / 2001. – № 1. – С. 3 – 83; Дмитриев В.Д. Чăваш патшалăхĕ пулса кайнăранпа 1100 зул зитет / В.Д. Дмитриев // *Хыпар*. – 1994. – декабрь 7 – 8; Дмитриев В.Д. Чăваш патшалăхĕ мĕнле пулса кайнă / В.Д. Дмитриев // *Тăван Атăл*. – 1995. – № 1. – С. 3 – 6; Дмитриев В.Д. К 1100-летию чувашской

- государственности / В.Д. Дмитриев // Лик Чувашии. – 1995. – № 2. – С. 115 – 121; Дмитриев В.Д. История и национальные проблемы чувашского народа / В.Д. Дмитриев // Вестник Чувашской национальной академии. – 1994. – № 2; Дмитриев В.Д. Чăваш халăх историйĕ тата наци ыйтăвĕсем / В.Д. Дмитриев // Тăван Атăл. – 1996. – № 5.
- ³¹ http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/3410/3841
- ³² Михник А. Историческая политика: российский вариант / А. Михник // Родина. – 2006. – № 6. – (http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99)
- ³³ http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/3410/3412
- ³⁴ http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/3410/3434
- ³⁵ Изоркин А.В. Атăлзи Пăлхара кам тĕп тунă? / А.В. Изоркин // Хыпар. – 1996. – августăн 14; Изоркин А.В. Пĕр сүя юбилей зинчен? Вырăссем Атăлăн сылтăм енчи чăвашсемпе тузи зармăссене парăнтарни 450 зул зитрĕ / А.В. Изоркин // Хыпар. – 1996. – декабрĕн 25; Изоркин А.В. Мăн уявлатпĕр? / А.В. Изоркин // Хыпар. – 1997. – майăн 24; Изоркин А.В. Сказка о “добровольном вхождении” Чувашии в состав Русского государства / А.В. Изоркин // Лик Чувашии. – 1997. – № 2. – С. 127 – 137.
- ³⁶ Young R. Ideologies of the postcolonial / R. Young // Interventions. – 1998. – Vol. 1. – No 1. – P. 6. См. также: Boehmer E. Questions of neo-orientalism / E. Boehmer // Interventions. – 1998. – Vol. 1. – P. 18 – 21; Eagleton T. Postcolonialism and 'postcolonialism' / T. Eagleton // Interventions. – 1998. – Vol. 1. – No 1. – P. 24 – 26.
- ³⁷ Изоркин В.А. Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашского народа. – (http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/1189/1190)
- ³⁸ Там же. – (http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/1189/1190)
- ³⁹ Хузангай А. Праздновать факт колонизации – кощунство! / А. Хузангай // Столица Ч. – 2001. – 28 марта – 3 апреля.
- ⁴⁰ Заявление Партии Чувашского национального возрождения участников митинга, посвященного 105-летию со дня рождения Великого чувашского поэта Мишши Сеспеля. 16 ноября 2004 года // Архив автора.
- ⁴¹ Лугусь Югур Кули, Чувашское национальное движение: современное состояние и перспективы / Лугусь Югур Кули. – (<http://chuvash.ru/node/46>)
- ⁴² Кирчанов М.В. Сеспель Мишши: рождение советского дискурса в чувашской литературной традиции / М.В. Кирчанов // Сеспель Мишши: рождение современной чувашской литературы / сост., вступит. статья Кăрчан Макçăм. – Воронеж, 2007. – С. 4 – 17. – (http://ejournals.pp.net.ua/_ld/0/47_turk_ii.pdf); Кирчанов М.В. Формируя советский канон в чувашской литературной критике (Н. Васильев-Шубоссини и его «Краткий очерк истории чувашской литературы») / М.В. Кирчанов // Формирование советского дискурса в чувашском литературоведении / сост. и вступительная статья Кăрчан Макçăмĕ. – Воронеж, 2007. – С. 3 – 10. – (http://ejournals.pp.net.ua/_ld/0/48_turk_iii.pdf)
- ⁴³ Кирчанів М. (Макçăмĕ Кăрчансен), Європейські тюрки в рядянській Росії та створення історичної пам'яті (націоналістична уява й чуваські інтелектуали в 1960 – 1980-х рр.) / М. Кирчанів (Макçăмĕ Кăрчансен) // Схід / Захід. Історико-культурологічний збірник. – Харків, 2009. – Вип. 13 – 14. Спеціальне видання. Історична пам'ять і тоталітаризм: досвід Центрально-Східної Європи / за ред. В. Кравченка. – С.80 – 100.
- ⁴⁴ Усманова Д. Создавая национальную историю татар. – С. 337.
- ⁴⁵ Касьянов Г. Национализация истории в Украине / Г. Касьянов. – (<http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ucraine.html>)

Историческая память, историческая политика и идентичность в Европе

Проблема исторической памяти, ее функционирования, ее соотношения с памятью индивидуальной и коллективной уже более пятидесяти лет привлекает пристальное внимание историков. Морисом Хальбваксом было введено понятие «социальной памяти», Яном Ассманом – разработана теория «культурной памяти»¹, понимаемой как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, выражаемая в мемориальных знаках – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках². В числе занимающихся этой проблемой зарубежных историков следует упомянуть, в первую очередь, П. Нору, Ш. Требста, П. Хаттона, среди отечественных – Л. Репину, П. Борозняка.

Тем не менее, это понятие до сих пор не хватает определенности. Как сказано в статье И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, «Историческая память» по-разному интерпретируется разными авторами: 1) как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, 2) как индивидуальная память о прошлом, 3) как коллективная память о прошлом, 4) и как социальная память о прошлом, когда речь идет об обществе, 5) как идеологизированная история, более всего связанная с возникновением государства-нации, наконец, просто как синоним исторического сознания»³.

Исследователи выделяют две стороны исторической памяти – индивидуальную и коллективную. Если индивидуальная память связана с личным опытом человека, то коллективная память – это память социальных и этнических групп, народов, граждан государств, или еще больших, наднациональных сообществ.

Йорном Рюзеном был предложен термин «историзация», что означало культурную стратегию преодоления разрушительных последствий травмирующего исторического опыта. Рюзен выделял несколько стратегий историзации: нормализацию (когда «травмирующее историческое событие» рассматривается как нечто постоянно повторяющееся, в том числе и в истории других народов и государств), телеологизацию (опыт прошлого используется для исторического оправдания порядка, который предотвращает

повторение прошлого), специализацию (историческая проблема делится на различные аспекты)⁴.

В последнее время как в нашей стране, так и в странах Европы вызывает горячие дискуссии проблема «политики памяти». «Политика памяти», «историческая политика» или «историзация», включает в себя меры, предпринимаемые как правительством, так и отдельными социальными группами для закрепления в сознании людей оценок тех или иных событий, создания новых символов и ритуалов.

По мнению Алексея Миллера, следует «различать политизацию истории, с одной стороны, как явление, существующее издавна и в той или иной степени неизбежное, и историческую политику как плод вполне сознательной и целенаправленной политической инженерии – с другой»⁵. Алексей Миллер считает, что историческая политика представляет собой качественно новый феномен в странах Восточной Европы, включая Россию, и направлена в первую очередь на огосударствление истории. Но, как мы увидим, и в западноевропейских странах правительство и общественные движения пытаются воздействовать на исторические исследования, хотя и ученые Западной Европы противостоят этому более успешно.

Ценности современной Европы как сообщества складывались на протяжении десятилетий, прошедших со времени окончания Второй Мировой войны. На формирование новой системы ценностей оказал сильное влияние ряд событий: опыт Второй Мировой войны, далее, распад колониальных империй, противостояние стран Запада с социалистическим лагерем, культурные и социальные изменения 60-х годов, пиком которых явились «молодежные революции» 68-го года, наконец, распад социалистической системы и дальнейшее расширение Европейского союза.

Помимо традиционных либерально-гуманистических ценностей (свободы личности, равенства возможностей, вовлеченности каждого гражданина в политику), в этой системе ценностей очень важное место занимает наследие 1960-х – 1970-х годов. Это мультикультурализм, особое внимание к правам меньшинств, сочувствие к жертвам дискриминации и тоталитарных режимов.

Формирование этой системы ценностей шло параллельно с изменением в восприятии многих событий европейской истории. В первую очередь, это, конечно же, касается истории нового и новейшего времени, хотя споры вызывают и некоторые более ранние исторические события

В конструировании исторической памяти в Европе второй половины XX- начале XXI века можно выделить две основные стратегии: «примирения с прошлым» и «преодоления прошлого».

В применении этих двух стратегий наиболее показателен и наиболее хорошо изучен опыт Германии; и опыт Германии всегда приводится в пример как историками, так и политиками, и представителями общественных организаций, когда заходит речь о необходимости сведения счетов с прошлым. Сам термин – «преодоление прошлого», “Vergangenheitsbewältigung” - впервые употребил немецкий историк Х. Хаймпель в середине 1950-х годов.

С. Бергер выделяет три стадии осмысления истории Второй мировой войны и диктатуры национал-социализма в Германии:

1. Послевоенная попытка возвращения к традиционным национальным нарративам и снизить значение Второй мировой войны как «основной схватки».

2. Пересмотр национальных нарративов и осознание важности Холокоста в конце 1960-х.

3. «Возвращение нации» и частичное примирение с прошлым в 1980-е -1990-е⁶.

Мнение о частичном примирении немцев с прошлым в конце XX – первом десятилетии XXI века высказывалось и Норбертом Фраем. Он утверждает, что с начала 2000-х годов новое поколение немцев, для которых события Второй мировой войны являются уже перевернутой страницей, взяло курс на новое частичное примирение с прошлым, что нашло свое выражение в создании «Центра против изгнаний»⁷.

Вместе с тем, с начала 1990-х годов немецкий опыт «преодоления прошлого» стали перенимать другие государства Западной Европы. Это связывают с «третьей», или «культурной» волной европейской интеграции, а также с распадом социалистического лагеря и падением «железного занавеса». К началу 2000-х эта тенденция набрала силу, что ознаменовалось такими событиями в научной жизни, как XIX конгресс исторических наук в Осло (2000), одна из тем которого звучала как «злоупотребления историков». В начале 2000-х была создана и шведская правительственная организация - форум «Живая история». Изначально предназначением Форума было изучение связей Швеции с Германией в годы Второй мировой войны, а также проблемы антисемитизма в самой Швеции. Позже круг проблем, которыми занимался Форум, расширился: был разработан проект «Холокост в истории европейской культуры». В 2006-м году в деятельности Форума возникло еще одно направление – изучение и

освещение «преступлений против человечества, совершенных коммунистическими режимами».

Для тех европейских стран, которые были оккупированы нацистской Германией – Франции, Дании, Норвегии, до сих пор остается болезненной проблема коллаборационизма и Сопротивления. В каждой из этих стран был создан свой «миф о Сопротивлении»; обсуждение же сотрудничества правительств и граждан с национал-социализмом в годы Второй Мировой войны долгое время не приветствовалось в послевоенный период. Как сказано в статье Х. Вельцера и К. Ленца, «Если разобраться, во многих западноевропейских странах послевоенная демократия возводилась на фундаменте забвения – достаточно назвать Италию или Австрию Курта Вальдхайма, которой при содействии союзников удалось предстать в роли невинной жертвы нацистской агрессии». В последние двадцать лет «миф о Сопротивлении» начал пересматриваться: появились работы, посвященные депортации евреев из Нидерландов, Норвегии и Дании⁸.

Таким образом, ответственность за Холокост разделили многие западноевропейские страны (Франция, Нидерланды, Дания, Норвегия, даже бывшая нейтральной Швейцария). По словам Майера, Холокост стал считаться «темным наследием всей Европы»⁹.

Во Франции как голлисты, так и социалисты были единодушны в поддержании официального мифа о Франции как о стране Сопротивления. Правительство Шарля де Голля поддерживало представления о том, что Сопротивление – это заслуга не отдельных личностей и движений, но всего французского народа. Долгое время, вплоть до конца 80-х годов преступления режима Виши на официальном уровне замалчивались. Тем не менее, в начале 1990-х годов и Франция встала на путь преодоления прошлого: в 1990-м году был принят так называемый закон Гайсо против расизма, антисемитизма и ксенофобии¹⁰. Он открыл принятие целого ряда так называемых законов о памяти, среди которых – закон 2006 года, запрещающий отрицание геноцида армян турками.

Испании следовала «Стратегии примирения» с прошлым вплоть до совсем недавнего времени. Так, По случаю пятидесятилетней годовщины начала гражданской войны в Испании премьер-министр Фелипе Гонсалес издал постановление, в котором говорилось, что эта война "окончательно ушла в прошлое" и "более не оказывает влияния на реальную жизнь страны"¹¹. Официальное замалчивание неприятных моментов истории продолжалось до 2007 года, когда был принят разработанный социалистической партией Закон об

исторической памяти, предусматривающий такие меры, как юридическая реабилитация пострадавших в годы франкистской диктатуры лиц, переименование улиц, носящих имена деятелей франкистского режима, и уничтожение памятников и мемориальных досок этих деятелей¹².

С тех пор, как в крупнейших государствах Европы был взят курс на преодоление прошлого, этот подход стал касаться и других событий новейшей истории. К примеру, для Франции еще одной «болевой точкой» стала ее колониальная политика, Алжирская война 1954-1962 гг, Индокитайская война 1945-1954 гг, проблема французских беженцев из Алжира.

Наибольшее количество споров вызвал законопроект о роли Франции как бывшей колониальной державы. Потомки «черноногих» - французов, живших в Алжире и бежавших оттуда после получения Алжиром независимости, настаивали на том, чтобы учителя в школах подчеркивали позитивную роль Франции как колониальной державы. Но эта идея вызвала большое недовольство, из-за чего этот законопроект принят не был. «Законы памяти» вызвали возмущение ряда французских историков. Ученые говорили о том, что история отдается на откуп небольшим группам, каждая из которых пытается протолкнуть свои интересы¹³.

Крушение социалистической системы, сближение многих центральноевропейских государств с Западной Европой и вхождение некоторых из них в Европейский союз привело к изменениям в нарративе общеевропейской памяти. Причиной было то, что в странах Центральной Европы как травмирующий воспринимался не только опыт Второй Мировой войны, но и социалистический опыт. В 90-е годы в государствах бывшего соцлагеря сформировалось очень разное отношение к социалистическому прошлому. Ш. Требст выделяет в Центральной и Восточной Европе четыре типа культуры памяти. Первый тип – это общества, воспринимающий коммунистический режим как целиком чуждый (в том числе и этнически чуждый). Такая культура памяти господствует в Литве, Латвии, Хорватии, Косово, в меньшей степени – в Словакии. Второй тип – это общества, где базовый консенсус достигнут не был, и социалистическое прошлое является предметом постоянных споров. Это Венгрия, Польша, Чехия, Словения, Украина. Третий тип – апатичное отношение к прошлому, при котором подчеркивается, что социализм способствовал модернизации. Такое отношение к социалистическому периоду свойственно Болгарии, Румынии, Албании, Македонии, Сербии,

Черногории. Четвертый тип – примирение с прошлым, характерен для России и некоторых других стран СНГ¹⁴.

Сближение с Европой в вхождение в состав ЕС Польши и стран Прибалтики привело к тому, что европейская «историческая политика» оказалось направленной на преступления не только нацистского, но и коммунистического режима, что стало еще одним из факторов, осложняющих отношения между Россией, Польшей, Прибалтикой и ЕС. Вместе с тем, оказались реанимированными и старые противоречия между странами Центральной и Западной Европы – в первую очередь, это проблема немцев, депортированных из Чехословакии и Польши после окончания Второй мировой войны

Стратегия «преодоления прошлого» полна противоречий. С одной стороны, она помогает удерживать в памяти трагедии прошлого, вплоть до сломанных жизней отдельных личностей, с другой стороны, она требует в первую очередь морального осуждения, но не всегда понимания сущности разных явлений, что приводит к уравниванию в массовом сознании таких разных систем, как нацистская и коммунистическая. Также призывы к «преодолению прошлого» могут являться не только инструментом для выявления истины, но и средством политических манипуляций.

Из-за этих противоречий политика «преодоления прошлого» вызывает в последнее время неоднозначную реакцию. Во Франции уже были попытки привлечения к суду ученых: известна попытка ассоциации «потомков рабов» начать процесс против Оливье Петрэ-Гренуйо, автора книги об истории работорговли в Африке, который был обвинен в отрицании того, что работорговля является преступлением против человечества. Вмешательство правительства и общественных организаций в науку привело к тому, что французские историки создали движение «Свободу истории», возглавляемое Пьером Нора. Движение добилось снятия обвинений с Гренуйо и отмены параграфа, обязывавшего школы подавать историю французского колониализма в положительном свете. В Восточной Европе попытки политизация исторической науки тоже вызывает недовольство ученых: так, А. Миллер в своем интервью журналу «Отечественные записки» упоминает польских историков Е. Едлицкого и Д. Стола, критикующих деятельности Института национальной памяти¹⁵.

Эти противоречия – не единственная проблема, стоящая на пути создания общеевропейской исторической памяти. Европа все время изменяется. Уже сейчас актуальная задача «интеграции» в коллективную память Европу не только «коллективной памяти»

новых стран-членов ЕС, но и коллективной памяти сообществ мигрантов, принадлежащих к иным, неевропейским культурам. В этом могут оказаться полезны проводимые сейчас во многих европейских университетах и научных центрах исследования, предметом которых, в частности, является изучение того, как видят Европу жители исламских стран, Индии, Китая.

Еще один процесс – от изучения памяти крупных сообществ (государств, наций) историки переходят к памяти небольших сообществ (регионов, отдельных социальных и этнических групп). В некоторых странах (например, в Великобритании) эта тенденция распространяется и на школьное образование.

В 1990-е годы заговорили о необходимости создания общеевропейской культурной памяти. В 2000-е годы было издано несколько сборников работ историков из разных стран Европы. Эти работы были посвящены исторической памяти разных европейских государств, и проблемам вписывания национальной памяти в общеевропейский контекст. Один из таких сборников, “A European memory? Contested Histories and Politics of remembrance” был издан по итогам проходившего в 2007-м году во Флоренции семинара.

Главный вопрос, стоящий перед историками – а возможно ли вообще создание единой европейской истории при всех противоречиях, возникающих между историями национальными? Многие ученые в этом сомневаются. Ян-Вернер Мюллер говорит о двух путях создания общеевропейского нарратива памяти: первый заключается не столько в европеизации содержания отдельных исторических «памятей» разных стран, сколько в распространении на всю Европу немецкого опыта покаяния и преодоления прошлого, «европеизация морально-политических подходов и практик к разному прошлому». Именно на этот путь, по мнению Мюллера, европейские государства встали в 90-е. Мюллер сомневается в плодотворности этого способа. Второй возможный путь - это создание действительно общей европейской памяти, с общим содержанием¹⁶.

Английский историк Норман Дэвис в своей работе «История Европы» перечисляет попытки создания «евроистории», которая призвана обозначить общую идентификацию европейцев. Основные вехи в создании евроистории, обозначенные Дэвисом – это Конгресс 1953 года в городе Кальв на тему «Европейская идея в преподавании истории», создание Института международных исследований учебников в Брауншвейге¹⁷.

Подобные проекты постоянно осуществляются по сей день. Один из наиболее интересных проектов осмысления общеевропейской

истории – это осуществленный при поддержке Еврокомиссии проект CLIOH. В результате было выпущено большое количество тематических сборников, посвященных разным проблемам европейской истории: национализму, империализму, религии, расовой дискриминации и этничности¹⁸. В предисловии к сборнику, посвященному империи, Анн Катрин Айзек пишет: «Европа разнообразна. Европейская история не едина, но представляет собой многообразие историй, каждая из которых освещает другую»¹⁹. Именно такой подход представляется нам наиболее плодотворным, особенно теперь, когда из-за серьезных экономических и политических противоречий последних лет европейский интеграционный проект может очень сильно трансформироваться.

¹ См. Репина Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Л. П. Репина / Феномен прошлого. – М., 2005. – С. 122- 169.

² Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М., 2004.

³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая память: к вопросу о границах понятия // И.М. Савельева, А.В. Полетаев / Феномен прошлого. – М., 2005. – С. 170 – 220.

⁴ Репина Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Л. П. Репина / Феномен прошлого. – М., 2005. – С. 122- 169.

⁵ Миллер А. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // А. Миллер / Отечественные записки. – 2008. - № 5.

⁶ Berger St. Remembering the Second World War in Western Europe, 1945 -2005 / St. Berger // A European memory? : contested histories and politics of remembrance. – New York-Oxford, 2010. – P. 119-137.

⁷ Фрай Н. Преодоленное прошлое? Третий рейх в современном немецком сознании / Н. Фрай // Ab Imperio. – 2004. - №4. – С. 21-41.

⁸ Вельцер Х, Ленц К. Поколение дедов в Европе. Результаты сравнительного изучения преемственности в европейских странах //Вельцер Х, Ленц К. / Отечественные записки. – 2008. - №5. – С. 6-12.

⁹ Maier C. A Victory Celebrated: Danish and Norwegian Celebrations of the Liberation / C. Maier // A European memory? : contested histories and politics of remembrance. – New York-Oxford, 2010. – P. 147-163.

¹⁰ Шерер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Ю. Шерер. – (http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/otnosheniye_k_istorii_v_germanii_i_francii_prorabotka_proshlogo_istoricheskaja_politika_politika_pamati_2010-02-24.htm)

¹¹ Гартон Эш Т. Ук. ст.

¹² Лагутина И. Почему в Испании думают о прошлом? Новый закон об исторической памяти / И. Лагутина // Радио Свобода. - <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/468585.html>

¹³ Шерер Ю. Ук. ст.

¹⁴ Ш. Требст. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Ш. Требст / Ab Imperio. – 2004. - №4. – С. 41-79.

¹⁵ Миллер А. Ук. Ст.

¹⁶ Müller, J.-H. On “European memory”: some conceptual and normative remarks / J. H. Müller // A European memory? : contested histories and politics of remembrance. – New York-Oxford, 2010. – P. 25-38.

¹⁷ Дэвис Н. История Европы / Н. Дэвис. – М., 2006. – С. 32-33.

¹⁸ См.:CLIOH-WORLD: <http://www.cliahworld.net/>

¹⁹ Isaacs A.K. Preface / A.K. Isaacs // Empires and States in European Perspective. – Clloh`s workshop II. – IV. – Pisa, 2002. – P. VII-XIII.

**Постнационализм как многоуровневая
система глобальной взаимозависимости:
новые подходы и возможности**

Изучая особенности и направления развития в современной Европе, перед исследователем нередко возникает задача, связанная с попытками понять, насколько же правы сторонники постнационального подхода в том, что мир неуклонно движется к тому периоду развития, когда границы национальных государств, по крайней мере, в Европе, вообще перестанут быть актуальными. Понимание всей важности этого явления, если оно вообще возможно, нельзя недооценивать. Если на этот вопрос можно будет ответить положительно, мы так или иначе придем ко второму, еще более важному вопросу, который ставится во главу угла всего данного исследования, а именно: *может ли снижение уровня актуальности национальных границ косвенно обусловить пропорциональное ему снижение уровня напряженности в конфликтных регионах мира и ослабление сепаратистских тенденций?*

Во-первых, следует сразу сделать одну очень важную оговорку. Полное нивелирование национальных границ действительно является теоретически возможным, но только в том случае, когда соседствующие национальные государства являются близкими друг другу по историко-культурным параметрам, этническому составу,¹ уровню экономического развития и, что самое главное, культурной толерантности и религиозной терпимости по отношению к представителям других вероисповеданий. Для европейского политико-правового поля такой вариант развития событий представляется наиболее возможным, хотя и наименее вероятным в ближайшей перспективе, если учитывать первоначальные результаты референдума по вопросу принятия единой общеевропейской конституции². Тем не менее, сама концепция подобного перехода на постнациональный уровень уже изначально заложена в самой исторической ретроспективе развития Европы как континента. В этом несложно убедиться, если бросить взгляд в прошлое.

Даже если принимать во внимание всю историю противостояния сверхдержав и масштабных военных конфликтов, которые сотрясали Европу на всем протяжении ее исторического развития, вплоть до середины XX века, очередность смены империй, определявших векторы развития и перекраивавших карту Европы и мира в целом,

нельзя отрицать тот факт, что в конечном итоге между европейскими странами в настоящее время осталось не так уж много противоречий, которые могли бы спровоцировать многосторонний вооруженный конфликт или открытое неприятие одного государства другим. Этот факт было довольно сложно проследить, скажем, непосредственно после Второй Мировой войны, но в настоящее время, глядя с высоты современного уровня развития цивилизованного мира, становится более-менее очевидно, что между нациями, составляющими большинство населения и этнического состава европейских национальных государств, гораздо больше общего, чем особенного³. На протяжении долгого времени европейцев отличала общность культурного пути, высокая степень синхронности социально-экономического развития, а также значительный уровень взаимововлеченности в общеевропейские процессы и обусловленная этим взаимозависимость по целому ряду важнейших факторов государственного и общественного развития. Уже в этом одном можно рассмотреть первые предпосылки перехода к постнациональной концепции современности, которую мы в настоящее время имеем честь наблюдать, делая в целом небезуспешные попытки изучения данного явления и систематизации полученных знаний с целью применения их в практическом поле.

С большой осторожностью можно сказать, что подобными же чертами обладают и государства, представляющие мусульманский мир. Даже если принимать во внимание различные, подчас противоречивые течения в исламе, существует некая общность традиций, верований, повседневных, личностных, поведенческих и моральных установок, которая дает исследователю определенное право объединять представителей всех исламских конфессий под одним определением - «мусульманский мир». Тем более, что существует даже официальная организация с таким названием – «Лига мусульманского мира»⁴. Представители христианского и буддистского вероисповедания также в целом объединены общностью базисного религиозного контекста.

Предвидя возможные справедливые возражения, следует сразу отметить, что в данном случае речь не идет об элементарном игнорировании всех многочисленных конфессий, которые являются частью одной, наиболее общей и глобальной. Но ведь не случайно в исследованиях довольно часто используются такие определения, как «христианский мир», «исламский мир» и т.д.⁵ В контексте данного исследования эти концепции призваны обозначать генерализованные векторы развития и базисные ценностные установки.

В целом, мы можем довольно справедливо утверждать, что определенные установки для постнационального вектора развития, так или иначе, являются давным-давно исторически сформированными, прежде всего, на базе культурной и религиозной общности, или, по крайней мере, религиозной терпимости. Поэтому в современных условиях глобализирующегося мира, когда для постнационализма созданы все благоприятные предпосылки, переход национального государства на следующую стадию своего развития представляется логичным и теоретически обоснованным.

Тем не менее, постнациональные тренды сегодня сдерживаются многими серьезными факторами мирового общественного развития⁶. В первую очередь это касается различий в религиозном мировоззрении на локальном, субгосударственном уровне. Данное утверждение не следует понимать как буквальное противоречие сказанному выше. Действительно, религия и религиозная терпимость имеют большое консолидирующее начало и огромный потенциал для межнационального сплочения народов, вне зависимости от конкретных границ национальных государств. И совсем другое дело, когда имеет место наличие двух религиозных конфессий или направлений в рамках одного государства. Причем, чем меньше данное государство и чем меньшее количество различных народов его населяет, тем острее проявляется напряженность на данной основе.

На практике все это выглядит так. Если в качестве примера рассматривать Российскую Федерацию или США, то вполне очевидно, что количество различных наций, населяющих оба государства, чрезвычайно велико, а это, в свою очередь, обуславливает наличие представителей практически всех основных мировых религий и религиозных течений. Тем не менее, уровень конфликтной напряженности между представителями, казалось бы, совершенно разных конфессий, как правило, настолько незначителен, что зачастую не выходит за рамки чисто догматических споров, при этом не провоцируя сколько-нибудь открытого противостояния, тем более — организованного вооруженного. В целом различные религии и конфессии мирно существуют бок о бок друг с другом, составляя любопытную культурную систему в масштабах современной сверхдержавы⁷. Совсем другое дело — государства относительно небольшие, иногда даже с приблизительно однородным составом населения, но имеющие в своей структуре одну господствующую религию, которой противопоставляется другая, альтернативная, последователями которой, однако же, является значительное количество граждан. Зачастую религия в данном контексте является

неотделимой от национальной самоидентификации, что в конечном итоге только усугубляет положение вещей и рано или поздно, при наличии соответствующих предпосылок, может результировать в сепаратистские тенденции по отношению к господствующей нации и религии. Подобную ситуацию легко наблюдать во многих регионах мира, где имеют место быть затяжные этнополитические и политико-религиозные конфликты⁸. В особенности данное наблюдение справедливо для Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Для кельтского в целом, и ирландского в частности, стиля мышления и восприятия окружающей действительности издавна характерна крайне значительная степень религиозности. В данном случае религиозные взгляды во многом определяют и принадлежность к тому или иному политическому лагерю. В этом заключается еще одна сложность, с которой столкнулись участники процесса мирного урегулирования. Политические убеждения, как правило, формируются в процессе становления личности и вообще являются величинами, как правило, постоянными и не поддаются изменению, по крайней мере, так легко, как хотелось бы. Но если политика тесно переплетается с религиозными взглядами, она становится частью психологического портрета личности, своеобразной визитной карточкой, по которой мы и различаем непримиримого националиста или убежденного лоялиста. В данном контексте можно говорить о том, что принадлежность к тому или иному политическому лагерю, а значит, и точка зрения по поводу основных вопросов, связанных с процессом мирного урегулирования, определяется уже при рождении и зависит от того, в какой семье родился гражданин — в католической или протестантской.

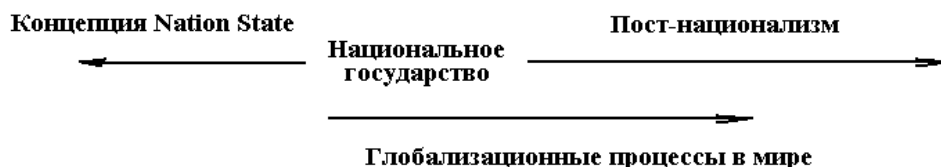
Следует особо отметить, что в рамках королевской политики и общему вектору колонизации, в XVII веке проводилась кампания по заселению Ирландии шотландцами и англичанами, которые получали во владение земли, принадлежавшие ирландцам. В настоящее время можно наблюдать, что жители восточных районов Северной Ирландии обнаруживают большое сходство по языку и обычаям с населением равнин Шотландии, тогда как на юге и западе прослеживаются некоторые признаки английского происхождения.⁹ Однако, несмотря на такое языковое смешение, следует обратить внимание, насколько сильно происходит разделение на «свой — чужой» в умах людей, населяющих Британские острова. Четыре нации Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса — это четыре различные культуры, которые заставляют задуматься о правильности довольно популярного термина

«типично британский образ жизни и поведения», так как представители последних трех наций далеко не одобряют, когда их отождествляют с англичанами¹⁰. Многие культурные различия и противоречия обусловлены, прежде всего, тем, что англичане являются потомками англосаксов, тогда как предками ирландцев, валлийцев и шотландцев были кельтские племена. В этой связи представляется вполне естественным тот факт, что национальные различия во многом обусловили и современные политические разногласия¹¹.

Таким образом, получается, что даже при наличии определенных предпосылок для перехода к постнациональному этапу общественно-политического развития, в отдельных регионах, таких, как Великобритания и Ирландия, существуют серьезные факторы, в определенной степени препятствующие постнациональной трансформации. И даже несмотря на то, что в Великобритании «национальный вопрос даже никогда не обсуждался»,¹² это не умаляет важности того факта, что именно национальный вопрос сегодня остается одной из основных проблем в вопросе о дальнейшем общественно-политическом развитии Соединенного Королевства. Противоречия на данной почве и противопоставление одной нации другой серьезно осложняют не только процесс мирного урегулирования североирландского кризиса, но и в целом обстановку в государстве — не следует забывать и о серьезных националистических устремлениях валлийцев и шотландцев¹³.

В связи с этим в Европе в настоящее время наблюдается два противоположных вектора развития: с одной стороны, постнациональные тенденции набирают обороты и уже вышли на тот уровень, когда можно говорить о прохождении «точки невозврата», то есть место и роль национального государства и национального гражданства в Европе и мире, равно как и сама концепция национального государства и схемы его взаимодействия с другими государствами на современной международной арене, изменились настолько значительно, что серьезность данных центробежных тенденций вряд ли имеет смысл оспаривать. Вместе с тем, в структуре национального государства остаются серьезные этнические, общественно-политические и экономические механизмы, которые стремятся противодействовать «размыванию» национальных границ. Подобное явление вполне объяснимо — на данном этапе исторического развития общества все еще очень многое в жизни и деятельности человека и гражданина замыкается именно на уровне «своего» государства (domestic state).

Автор предлагает следующую схему для более наглядной иллюстрации данных процессов:

На данной схеме векторы постнационализма и глобализационных процессов в мире намеренно показаны более длинными, так как в целом их суммарное влияние на национальное государство видится более сильным, чем обратные им тренды Nation State.

Действительно, несмотря на то, что в умах и настроениях населения Британских островов все еще сохраняются очень сильные привязки к национальному гражданству, они являются, скорее, больше психологически предустановленными, нежели осознанно выбранными в качестве поведенческого лейтмотива. Преимущественно это связано, как уже было сказано выше, с базовым комплексом религиозных и этнокультурных ценностей и ориентиров, которые доминировали в сознании граждан Великобритании и Ирландии на протяжении столетий, и которые не потеряли свою актуальность до сих пор. Вместе с тем, как бы ни старались британцы в известной степени отделить себя от Европейского Союза и общеевропейских трендов современности, англосаксонский и кельтский миры, некогда крайне обособленные, сегодня начинают постепенно освобождаться от привычной концепции *«островного изоляционизма»*, часто среди обывателей называемой *«типично английской чопорностью»* и в чем-то очень схожей с японской моделью развития периода Эдо, которой это государство, также островное (!), придерживалось до 1854 года¹⁴.

Одним из ярких свидетельств тому может служить, к примеру, основание новых политических движений, направленных на экспансию ирландских интересов и продвижение их как в Европейском Союзе, так и за его пределами. Так, в 2008 году ирландец Д. Гэнли основал политическую партию «Libertas», основной отличительной чертой которой стали ее пан-европейские амбиции. Предшественником этой партии стала лоббистская группа «Libertas Institute», которая уже через два года после своего основания, в 2008 году, на проходившем в Ирландии референдуме по вопросу одобрения Лиссабонского соглашения,¹⁵ имела столь значительный политический вес, что смогла успешно оказать существенное влияние на ход референдума, в результате которого проект соглашения не был принят

— что и являлось целью «Libertas Institute». В своем программном документе партия «Libertas» ставит перед своей основной задачей «начало и продолжение обсуждения основных вопросов развития Европейского Союза, его отношений с государствами-членами и народами, входящими в его состав, а также его роли в международных отношениях с позиций общих ценностей — мира, демократии, прав человека и свободного рынка...»¹⁶

Вместе с тем политическая позиция Гэнли по отношению к Европейскому Союзу остается скорее негативной. Как пишет по этому поводу влиятельная британская газета «The Guardian», «Гэнли подчеркивает, что, в отличие от большинства мультимиллионеров, разбогатевших в результате лишь собственных усилий,¹⁷ он не принадлежит к лагерю евроскептиков»¹⁸. Сам Гэнли, сделавший свои первые большие деньги на внешней торговле еще во времена Советского Союза, и успевший рассмотреть социалистический режим изнутри, работая непосредственно в СССР, выражает свою точку зрения так: «Я видел, насколько антидемократичным является социализм по самой своей сути, и именно поэтому я не хочу, чтобы Евросоюз доминировал во всех сферах. Это всего-навсего еще одна из форм государственного контроля и вмешательства в экономику»¹⁹. В этом заявлении прослеживается четкая линия крупного бизнесмена, обязанного своим успехом лишь себе самому и своей целеустремленности, и не желающего повторения тех условий плановой экономики, в которых ему пришлось когда-то работать и делать первые шаги на трудном пути мультимиллионера.

Успех его партии как флага противников подписания Лиссабонского соглашения во многом объясняется тем, что среднеирландские деловые круги обеспокоены растущим влиянием Европейского Союза. При этом не скрывается четкая ориентированность Гэнли на Соединенные Штаты, его деловые контакты с представителями Министерства обороны США, а также и тот факт, что в идеале по его плану «Ирландия должна быть более ориентированной на Бостон, чем на Брюссель»²⁰.

Несмотря на провал своей кандидатуры в Европейский Парламент на выборах 8 июня 2009 года,²¹ очевидные успехи партии в самом начале своей деятельности уже говорят о многом. По сути, Гэнли стал первым ирландцем, который смог выйти на международную арену как влиятельный представитель интересов ирландского бизнес-сообщества, и в первую очередь той ее части, которая ориентируется, прежде всего, на Соединенные Штаты²². Ему удалось в короткие сроки сформировать политическую партию, в

настоящее время имеющую филиалы в Австрии, Болгарии, Чешской Республике, Греции, Венгрии, Италии, Литве, Португалии и Словакии²³.

В данном контексте речь не случайно заходит о США. Эта страна, на первый взгляд, отделенная от Британских островов бескрайними просторами Атлантического океана, на самом деле является одной из наиболее деятельных участниц процесса урегулирования североирландского кризиса и ее активность в регионе крайне высока. Это объясняется многими факторами, речь о которых, равно как и о роли, сыгранной США в данном вопросе, пойдет в следующих главах.

Таким образом, наиболее прогрессивные представители ирландского общества стараются влиять на экономический и политический курс страны. В результате подобной деятельности Ирландия выходит на международную арену в качестве сильного игрока, с которым просто необходимо считаться. Чего стоит только сильнейшее лобби «Libertas Institute», результативовавшее в отрицательное голосование по вопросу принятия Лиссабонского соглашения, о котором говорилось выше. Все это в той или иной степени также способствует дальнейшему размыванию концепции национального государства, делая Ирландию и ирландцев косвенно более вовлеченными в дела Европейского союза.

Если вернуться к вопросу, поставленному в самом начале — возможно ли в перспективе настолько сильное снижение роли национального государства, что национальные границы в принципе утратят свое изначальное значение и смысл, — ответ на данный вопрос в свете всего вышеизложенного представляется следующим. Современное повсеместное проникновение интересов международного крупного бизнеса, его тесная и подчас непосредственная связь с политикой, практически неконтролируемая мобильность капитала — все эти факторы, прямо или косвенно перечисленные выше, уже сегодня изменили концепцию национальных границ и национального государства до такой степени, какой мировая политика и экономика не знали на протяжении всей истории человечества. В этом смысле можно говорить, что национальные границы *уже* девальвировали свою ключевую роль в определении суверенитета государства как такового.

Британцы и ирландцы уже сегодня чувствуют на себе серьезное влияние таких наднациональных объединений, как Европейский Союз — о крайне значимой роли Соединенных Штатов в регионе будет сказано позднее. Все это не может не вызывать определенных изменений не только в привычном укладе общественно-политической

жизни, но и в умах и настроениях граждан, поскольку в конечном итоге основу государства составляют его граждане, которому оно и призвано служить. Следует особо отметить, что, как видно из вышеизложенного, пост-национализм как глобальный тренд не ограничивается лишь политической, экономической или культурной сферой жизни и деятельности гражданина. Это крайне *многостороннее* явление, которое можно, так или иначе, проследить практически во всех сегментах современного общества.

¹ Здесь имеется в виду хотя бы внешнее сходство людей из стран, непосредственно граничащих друг с другом. Для британцев и ирландцев такой сценарий вполне возможен.

² Watt N. Rebranding plan for failed EU constitution / N. Watt // The Guardian. – 2006. – 29 May.

³ См. Kaelble H. The European way: European societies during the nineteenth and twentieth centuries / H. Kaelble. – New York: Berghahn Books, 2004.

⁴ Muslim World League. – (www.muslimworldleague.org)

⁵ Marty M. The Christian World: A Global History / M. Marty. – New York, 2007; Esler Ph.F. The Early Christian World / Ph.F. Esler. – L., 2002.

⁶ Hansen R. The poverty of postnationalism: citizenship, immigration, and the new Europe / R. Hansen // Theory and Society. – 2009. – Vol. 38. – No 1. – P. 1 – 24.

⁷ В этой связи примечательна концепция «плавильного котла» («The melting pot»), которая часто упоминается исследователями по отношению к Соединенным Штатам Америки. При этом необходимо отметить, что системы взаимодействия различных наций и культур в России и США имеют свои уникальные отличительные особенности.

⁸ Exploring Religious Conflict. – (http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF211.pdf)

⁹ Hickey R. A Sound Atlas of Irish English / R. Hickey. – Walter de Gruyter, 2004. – P. 156.

¹⁰ Зачастую данную тенденцию можно проследить, общаясь непосредственно с жителями Великобритании. В частности, один из знакомых автора, шотландец по происхождению, ныне проживающий в г. Хаддерсфилд, что неподалеку от Лидс, всячески подчеркивает свою принадлежность именно к шотландской культуре и образу жизни, при этом его, видимо, неприятно задевает, если кто-либо из иностранцев невзначай назовет его «англичанином», что особенно часто случается в России. «As an Englishman, you...» - «I am NOT an Englishman, I am from Scotland...», Впрочем, к слову «европеец» в свой адрес он относится гораздо более терпимо. – Прим. авт.

¹¹ Devolution, Public Attitudes and National Identity. – (<http://www.devolution.ac.uk/Final%20Conf/Devolution%20public%20attitudes.pdf>)

¹² Kearney R. Op. cit. – P. 8.

¹³ Condor S. Vernacular constructions of “national identity” in post-devolution Scotland and England / C. Condor, J. Abell // Devolution and Identity / eds. J. Wilson, K. Stapleton. – (<http://www.psych.lancs.ac.uk>); McEwen N. Welfare Solidarity in a Devolved Scotland / N. McEwen. – (<http://www.essex.ac.uk>); Gruffydd G. Welsh Republican Movement 1946 – 1956: Time Line / G. Gruffydd. – (<http://awnms.blogspot.com/2007/02/welsh-republican-movement-1946-1956.html>); Carpenter D. A. The struggle for mastery: Britain, 1066-1284 / D. A. Carpenter. – Oxford, 2003.

¹⁴ 31 марта 1854 года подписан Канагавский договор между США и Японией о доступе в японские порты американских торговых кораблей, тем самым завершая период исторического развития Японии как «закрытого государства».

¹⁵ Лиссабонское соглашение — пакет поправок к предыдущим европейским договорам, призванный заменить неподписанную Конституцию ЕС. Принят всеми странами Евросоюза 13 ноября 2009 года, вступил в силу 1 декабря 2009.

¹⁶ (<http://web.archive.org/web/20071117014019/www.libertas.org/menu.asp?menu=7&parent>)

¹⁷ Self-made multimillionaire (англ.) Концепция “Self-Made Man” очень популярна на Западе. Считается аналогом концепции «Американской Мечты». Человек, «сделавший себя сам», т.е. самостоятельно добившийся больших жизненных успехов, вызывает очень большое уважение, особенно в Соединенных Штатах Америки.

¹⁸ McDonald H. Declan Ganley: "I have witnessed how inherently undemocratic socialism was, and that is why I don't want an overweening EU" / H. McDonald // The Guardian. – 2008. – June 13.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ European Parliament Election 2009 Results. –
(<http://www.electionsireland.org/result.cfm?election=2009E&cons=241>)

²² McDonald H. Declan Ganley: "I have witnessed how inherently undemocratic socialism was, and that is why I don't want an overweening EU" / H. McDonald // The Guardian. – 2008. – June 13.

²³ The Libertas Institute Official Website: Our Mission. –
(<http://web.archive.org/web/20071117014019/www.libertas.org/menu.asp?menu=7&parent=4&item=0021>)

Федеральная целевая программа «Русский язык» (2011 – 2015): преемственность и перспективы

Одним из направлений внешней политики государства является языковая политика. Современная мировая языковая иерархия во многом является результатом того, какое значение придает государство этому вопросу и какие затрачивает усилия и средства.

Мы видим, что Россия старается укрепить и поддержать русский язык как язык международного общения, так как русский язык способствует развитию интеграционных процессов в государствах-участниках СНГ. Внешняя политика Российской Федерации в ее языковых измерениях постоянно претерпевает изменения.

Самое масштабное мероприятие проводимое Российской Федерацией – «Год русского языка» (2007 год). По времени он совпал с Федеральной целевой программой «Русский язык» (2006-2010), ее целью было создание условий для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка РФ и языка межнационального общения для укрепления государственности¹, национальной безопасности и престижа страны, развития интеграционных процессов в государствах - участниках СНГ, полноправного вхождения РФ в мировое политическое, экономическое, культурное и образовательное пространство.

Если говорить о внешней языковой политике РФ, то стратегические задачи ставились следующие: обеспечение эффективного функционирования русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ, а также поддержки русского языка в странах Балтии; обеспечение распространения и изучения русского языка и культуры России в зарубежных странах; обеспечение наиболее полного удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом.

Первая федеральная целевая программа «Русский язык» была утвержденная в июне 1996 г. Правительством Российской Федерации. Она содержала раздел (один из трех основных): русский язык как мировой язык. К сожалению, в связи с отсутствием надлежащего финансирования программа не была полностью выполнена, но поставленные цели и задачи были правильными. В последующих программах мало они изменялись².

Результаты Программы (2006-2010) были учтены, хорошо зарекомендовавшие себя подходы по поддержке, сохранению и продвижению русского языка, они перешли в последующую Программу: «Эти результаты (2006-2010) привели к созданию полноценных условий для развития русского языка, обеспечения наиболее полного удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом, а также для поддержки русского языка и культуры в зарубежных странах». (Программа 2011-2015). Концепция федеральной целевой программы "Русский язык" на 2011 - 2015 годы была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. (N 164-р).

6 июня 2011 года Президент Дмитрий Медведев подписал Указ "О Дне русского языка"³, в этот день он посетил Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. В стенах института президент встретился с представителями научно-образовательного сообщества, объединений российских лингвистов, сотрудниками Фонда «Русский мир», молодыми русистами, специалистами по популяризации русского языка в глобальной сети. На встрече Д. Медведев особо отметил, что «С текущего года на федеральную целевую программу «Русский язык» на предстоящее пятилетие запланированы значительные средства, не фантастические, но значительные – 2,5 миллиарда рублей. Я надеюсь, что они будут правильным образом расходоваться»⁴.

Настоящая Концепция усиливает содержательный, методологический и организационный разделы более ранних программ. Цель Программы «Русский язык» (2011-2015) практически не изменилась. Преемственность Программы (2011-2015) (внешняя языковая политика) выражается в том, что: осуществлен переход от решения задачи укрепления позиций русского языка в государствах - участниках СНГ и странах Балтии к решению задачи обеспечения его эффективного функционирования как основы развития интеграционных процессов в государствах - участниках СНГ и поддержки русского языка в странах Балтии; задача по расширению влияния русского языка в сфере международного общения трансформировалась в задачу по обеспечению распространения и изучения русского языка и культуры России в зарубежных странах, а также по обеспечению наиболее полного удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом.

Отдельные разделы Программы посвящены и распространению русского языка за рубежом. В «Обосновании соответствия решаемой

проблемы и целей Программы приоритетным задачам социально-экономического развития Российской Федерации» сказано, что «Необходимо использовать культурный потенциал России для формирования положительного образа страны за рубежом. С этой целью будут поддерживаться программы, направленные на продвижение ценностей российской культуры и популяризацию русского языка за рубежом, а также на расширение содействия соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении их культурной и языковой самоидентификации».

В программе оговаривается и негативные последствия ее невыполнения не только на позициях русского языка. Это может привести к тому, что, если не будет решена задача "Поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ", то это повлияет на ослабление мер по поддержке русского языка в сопредельных государствах, а «также негативно скажется на интенсивности интеграционных процессов между Россией и государствами - участниками СНГ и приведет к ослаблению позиций Российской Федерации в международной политической, экономической, культурной, образовательной и духовной сферах». А срыв задачи "Удовлетворение языковых и культурных потребностей соотечественников, проживающих за рубежом" может привести к потере исторических и культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и представителями русской диаспоры в зарубежных странах, что негативно отразится на политическом имидже Российской Федерации перед мировым сообществом.

Реализация Программы (внешняя языковая политика) без использования институциональных подходов, предусмотренных программно-целевым методом, может привести к следующим последствиям: ущемление прав личности российских граждан, касающихся дискриминации по языковому признаку; снижение активности интеграционных процессов в государствах - участниках СНГ и странах Балтии; снижение престижа России в мировом сообществе.

Особое внимание уделяется и соотечественникам, проживающим за рубежом. На них с одной стороны возлагается особая роль по продвижению и укреплению русского языка и культуры, с другой стороны возникает необходимость помощи им в сохранении родного языка.

И в новой Программе предлагается провести исследования, касающиеся отношения к русскому языку соотечественников, проживающих за рубежом, их потребности в изучении русского языка

и получении образования на русском языке. Государство также готово осуществлять поддержку изучения русского языка и культуры за рубежом, в том числе в среде соотечественников, проживающих в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Количество иностранцев, которые хотят изучать русский язык, – в определённой степени отражают реальное положение России в мире, ее экономический и политический уровни, не надо исключать и культурные связи. Конечно, сегодня существует масса языковых курсов для иностранцев в России, но не каждый поедет изучать русский язык. Соотечественники, особенно заинтересованные в продолжении образования в России, могут изучать язык на месте. И роль преподавателей велика, они находятся на передовом крае, многое зависит от уровня их знаний.

Они часто испытывают очень большие трудности с переподготовкой и повышением квалификации. Во многих случаях, школьные преподаватели по межгосударственным соглашениям на языковые стажировки в российские вузы за счет средств госбюджета не могут выезжать. Преимуществом пользуются преподаватели вузов. И сегодня многие учителя русского языка переквалифицируются или уходят в другие профессии. 6 июня на встрече с Д. Медведевым ректор Государственного института русского языка имени А.С.Пушкина Ю.Прохоров отметил: «Более 60 процентов учителей русского языка, тех, кто в странах СНГ, Балтии и дальнем зарубежье преподаёт русский язык, лет 15 не были на территории России»⁵.

Программа большое внимание уделяет проведению исследований мер направленных на популяризацию русского языка, поддержку его преподавания и изучения в мире (том числе и как иностранного). Предполагается, что к завершению реализации программы: в 4 раза увеличится количество преподавателей, прошедших переподготовку и повышение квалификации по вопросам преподавания русского языка как неродного и иностранного; будет разработан и реализован комплекс мер, направленных на организационно-методическое обеспечение тестирования по русскому языку как иностранному граждан стран ближнего и дальнего зарубежья; в 6 раз увеличится численность участников культурно-просветительских мероприятий, связанных с русским языком, литературой и культурой России за рубежом; в 2,9 раза увеличится количество поставленных в российские центры науки и культуры в государствах - участниках СНГ учебников и учебных пособий, научно-популярных книг и журналов по русскому языку, литературе и культуре России; в 1,9 раза

увеличится численность лиц, прошедших тестирование по русскому языку.

Сеть дистанционного образования предоставляет наибольшие возможности для людей независимо от места их нахождения в едином образовательном пространстве. И Программа затрагивает и этот аспект. Будут продолжаться разработка, апробация и внедрение программно-методического обеспечения системы дистанционного обучения русскому языку за рубежом; создание координационно-методических центров глобальной системы дистанционного обучения русскому языку за рубежом и обеспечение их функционирования.

Естественно, что с возрастающими показателями в Программе планируется и рост охваченных стран и регионов.

Для достижения результатов в рамках задачи "Поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в СНГ" предусматриваются и мероприятия по подготовке и проведению комплексных мероприятий культурно-просветительского, образовательного и научно-методического характера, направленные на продвижение, поддержку и укрепление позиций русского языка, а также популяризацию российской науки, культуры и образования в мире.

Сейчас идет работа по выработке Концепции продвижения русского языка в зарубежных странах под руководством Министерства образования и науки, Россотрудничества и МАПРЯЛ.

Проблема русского языка остается острой социальной и политической проблемой, особенно для взаимоотношений России и стран СНГ. Это связано с проводимой на государственном уровне политикой вытеснения русского языка из всех сфер политической и общественной жизни, стремлением закрепить за ним статус языка национального меньшинства. Но Россия не прекращает свою деятельность по укреплению русского языка, совершенствует это направление, усиливает материально-техническое и учебно-методическое обеспечение. Эта работа отвечает национальным и государственным интересам нашей страны.

¹ Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2006-2010 годы. – (http://www.programs-gov.ru/11_1.php)

² Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2011-2015 годы. – (<http://www.garant.ru/hotlaw/federal/332588/>)

³ Указ "О Дне русского языка" от 6 июня 2011 года. – (http://www.mosportal.ru/2/i125_1317.htm)

⁴ Президент подписал указ о Дне русского языка. – (<http://club-rf.ru/federalnews/21822/>)

⁵ Президент подписал указ о Дне русского языка. – (<http://club-rf.ru/federalnews/21822/>)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.И. Дмитриева

СОПАДЕ: отношение к массовым репрессиям и внешнеполитическому курсу СССР в 1936–1939 гг.

Собственно говоря, в среде руководства Социал-демократической партии Германии никогда не существовало сомнений в том, что Советский Союз представляет собой диктатуру, ничего общего не имеющую с идеалами социальной демократии. Эта установка проявилась еще в Веймарский период существования партии, а в эмиграции была развита Сопаде¹.

Первая реакция Сопаде по поводу публичных судебных процессов в Москве² была двойственной. Если «Нойер Форвертс» занял непримиримую позицию, то на страницах «Социалистического действия», при четком неприятии процессов, в целом сохранялась позитивная оценка предыдущего развития СССР.³ В глаза бросается разная стилистика статей в обоих изданиях. «Нойер Форвертс» употреблялись такие понятия как «кампания искоренения», «безжалостная, полная ненависти борьба», «волна террора»; «Социалистическое действие» ограничилась передачей высказываний ведущих деятелей Социалистического Рабочего Интернационала, таких как Ф. Адлер, Р. Абрамович и др. Указывая на отсутствие доказательств преступлений, совершенных обвиняемыми, автор высказал предположение, что Сталину этот процесс нужен был для уничтожения оппозиционных группировок, которые могли помешать планируемой демократизации советского общества и введению новой конституции. Точка зрения Правления по поводу процесса была близка точке зрения Вилли Айхлера.⁴ Однако, в «Нойер Форвертс» содержались более резкие высказывания: процесс по своей сути назывался «кровавым завершением борьбы за власть», которая стала внутренним законом диктатуры.

Резюмируя изложение событий, автор статьи в «Социалистическом действии» обязуется «с величайшим вниманием» отслеживать дальнейшее развитие событий, т.к. оно является делом всего рабочего класса.

В феврале 1937г. в «Нойер Форвертс» вновь был поднят вопрос о «пятнадцатилетней борьбе за власть внутри партии диктатуры» и

предпринята попытка сравнения государственного устройства СССР, Германии и Италии, где партии-монополисты переплетены с государством и представляют собой «современную форму абсолютизма».⁵

В предисловии К. Каутского к датскому изданию Коммунистического Манифеста содержалось заявление о необходимости демократизации СССР в качестве предпосылки создания единого пролетарского фронта. Уже в 1937г. он не исключал такого поворота в мировой политике, в результате которого СССР заключит пакт с гитлеровской Германией. В таком случае коммунизм станет помощником фашизма, и обе державы образуют «антидемократический блок». В то время Каутский оценивал возможность такого варианта как весьма ограниченную. Однако, по его мнению, в тоталитарном государстве неожиданные перемены могут произойти за одну ночь.⁶ У. Ворхольт полагает, что Каутский может считаться основателем теории тоталитаризма, поскольку он одним из первых стал использовать свои критерии тоталитарного общества, разработанные применительно к большевизму, при характеристике фашистского государства.⁷ Следует добавить, что его начинание было продолжено чуть позже Р. Гильфердингом, В. Айхлером и Ф. Нойманном.

Самая острая критика была обрушена на СССР в ноябре 1937г. В статье «Обезьяны большевизма» констатировалось: «Сначала был Сталин, Гитлер пришел позднее. Гитлер многому научился от Сталина». По мнению автора, СССР показал нацистам наглядный пример построения партийного государства, в котором террор и пропаганда взаимосвязаны, а недостатки маскируются с помощью флагов, факелов и шума, а также пример организации плановой экономики. Эмиграционный Президиум СДПГ еще раз подчеркнул свою оппозиционность большевизму в связи с несоблюдением в СССР элементарных прав личности, таких как личная свобода, свобода мнений, вероисповедания, избирательного права.⁸

С берегов североамериканского континента к стройному хору критиков присоединил свой возмущенный голос и Вильгельм Золльманн, отошедший в эмиграции от политических дел и занимавшийся, в основном, преподавательской деятельностью. В письме Э. Риннеру он заявлял о своем намерении разоблачить «обанкротившийся и трещащий по всем швам «пролетарский социализм», который видит в рабочих только экономическую и социологическую «массу», в то время как каждый из них является индивидом. «Этот «пролетарский социализм»... русскими же сейчас и

уничтожается ... и вынуждает коммунистов к самому мягкотелому и бесхарактерному оппортунизму, который я когда-либо встречал».⁹

Летом 1939г появилась книга Курта Гейера «Партия свободы».¹⁰ В ней он писал о негуманном характере теории построения социализма в одной стране, т.к. она привела к полному исчезновению свободы.¹¹ Согласно точке зрения Гейера, социал-демократы должны опровергать ошибочное мнение, что социализм непременно означает большевистскую диктатуру по подобию СССР.¹²

Р. Гильфердинг в статье, опубликованной в периодическом органе Заграничной Делегации РСДРП (меньшевиков) «Социалистический вестник», сформулировал тезис о том, что, наряду с капитализмом и социализмом, существует третья форма государственного устройства, представленная Италией, Германией и СССР. Отрицая наличие в Советском Союзе государственного капитализма, в связи с отсутствием капиталистов, он задается вопросом, чья же власть в СССР является господствующей. Отвечая на него, Гильфердинг опровергает тезис Троцкого о том, что в СССР царит бюрократия, и заявляет, что на самом деле основной властью в стране обладают те, кто дает указания бюрократии, и они персонифицированы в образе Сталина. Гильфердинг считал СССР первым тоталитарным государством. Проведя анализ советской экономики, он пришел к выводу о схожести экономических систем тоталитарных государств. Поэтому споры о капиталистическом или социалистическом характере советской экономики Гильфердинг считал беспредметными, заявляя, что в СССР существует третья форма экономического устройства, которую можно назвать тоталитарной огосударствленной экономикой.¹³ То есть, Р. Гильфердинг явился продолжателем начинания К. Каутского, создав теорию тоталитарной экономики.

При оценке внешней политики СССР представители Сопаде концентрировались на двух ее аспектах: на деятельности коммунистов в Испании и проблеме Народного фронта. В целом руководство Сопаде симпатизировало испанским революционерам, но при этом продолжало политику официального невмешательства партии в испанские события, чтобы не навредить собственной деятельности в Чехословакии.¹⁴

Эрих Олленхауэр совершил путешествие в Испанию, чтобы ознакомиться с ситуацией на месте. Результатом этой поездки стала запись в протоколе заседания Сопаде от 20 июля 1937г. «Олленхауэр подробно сообщает о своей поездке в Испанию» и заметка в «Нойер Форвертс». В ней Олленхауэр писал о том, что некоторые черты

борьбы испанского пролетариата напоминают о революционной борьбе русского народа, но Испания – это не Россия, испанское рабочее движение развивалось по западноевропейскому пути. Олленхауэр считал бесспорным, что на примере Испании решается судьба всей европейской демократии и европейского мира. Поэтому историческая ответственность за развитие событий в Испании была возложена им на плечи «демократических народов Европы», в ряду которых Советский Союз не упоминался.¹⁵

На заседании Сопате 27 января 1938г. горячо обсуждался случай Марка Райна.¹⁶ Сын видного деятеля русской социалистической эмиграции Рафаэля Абрамовича Марк Райн исчез из своего гостиничного номера в Барселоне в ночь с 9 на 10 апреля 1937г. Несколько дней спустя его друг Николай Сунделевич получил два письма, написанные рукой Марка, в которых сообщалось, что он вынужден был срочно уехать в Мадрид. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что эти письма были фальшивыми. Две поездки Р. Абрамовича в Испанию, подключение личных контактов существенных результатов не принесли. В этом деле до сих пор больше вопросов, нежели ответов.

По мнению П. цур Мюлена, М. Райн не был выдающейся личностью, и его убийство вряд ли могло привести к серьезным политическим последствиям. Однако оно вызвало острые дискуссии в социалистической среде и стало одним из факторов роста напряженности во взаимоотношениях социал-демократов и коммунистов.¹⁷ К. Франк и П. Герц проводили расследование на месте. Неоднократно столкнувшись с тем, что коммунисты препятствовали выяснению обстоятельств дела, они пришли к выводу о том, что случай Марка Райна относится к череде похожих дел, связанных с коминтерновской кампанией против троцкистов.¹⁸

На большой резонанс убийства М. Райна, который входил в группу Ной Бегиннен, указывает и Ф.Хайне. По его словам, этот прецедент стал для социал-демократов сигналом о том, насколько далеко способны зайти коммунисты в использовании тактики индивидуального террора.¹⁹

В отношении Коминтерна точка зрения Сопате все более ужесточалась. «Немецкие сообщения» писали, что, во избежание колонизации Германии Коминтерном, нужно игнорировать его, но не советское государство, которое является «единственным непримиримым врагом гитлеровской Германии» и первым союзником новой - социалистической.²⁰

Развивая эту, несколько противоречивую, мысль, «Немецкие сообщения» писали о том, что в Германии не существует опасности большевизма, т.к. все, что может принести с собой большевизм в плане уничтожения гражданских свобод, уже уничтожено нацизмом.²¹

В мае 1935г., после заключения Советским Союзом договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, Курт Гейер в «Нойер Форвертс» писал о том, что готовность СССР к сотрудничеству с Западом явилась следствием необходимости преодоления изоляции. Этот факт нужно было учитывать, чтобы не потерять способность критического восприятия СССР в связи с его союзническими обязательствами. Называя советскую внешнюю политику послевоенных лет темной и таинственной, К. Гейер предостерегает рабочие организации от того, чтобы связывать свою «судьбу сегодня и будущее немецкой демократии завтра...с Советской Россией», и от превращения немецкой оппозиции в «партизана Советской России».²²

С началом судебных процессов в Москве серьезными проблемами стал обрести и вопрос единого фронта. Л.И. Гинцберг видит в московских процессах 1936-1938гг. одну из причин ухудшения отношений между социал-демократами и коммунистами Германии.²³ Наиболее полное выражение это охлаждение нашло в переписке ведущих деятелей Сопаде.

Например, Р. Гильфердинг в письме П. Герцу от 29 января 1936г. резко высказался по поводу московских процессов: «Я отвергаю любое сотрудничество с коммунистами до тех пор, пока они выступают за диктатуру и террор. Я не понимаю, как можно протестовать против убийства и террора вместе с убийцами и террористами – а ими являлись и являются Сталин и его воспеватели, как в наши дни, так и в прошлом».²⁴

В письме Ф. Штампферу от 28 августа 1936г. Р. Гильфердинг писал, что «московский процесс подействовал катастрофически и ужасно скомпрометировал политику Народного фронта».²⁵

Первым серьезным сигналом о перемене отношения немецких коммунистов к вопросу сотрудничества с социал-демократами стал факт замены в апреле 1937г. прежнего представителя КПГ в Комитете по подготовке Народного фронта В. Мюнценберга, пересмотревшего свои взгляды с началом массовых репрессий в СССР и начавшего склоняться в сторону социал-демократии, новым - верным генеральной линии партии и Коминтерна Вальтером Ульбрихтом. Его заместителем стал Пауль Меркер, в 1930г. снятый ЦК КПГ с занимаемых должностей за стремление распространить на всех членов СДПГ известную формулу: фашизм и социал-демократия не

антиподы, а близнецы, ибо все они социал-фашисты.²⁶ Теперь, спустя семь лет вновь настало его время.

В Комитете по подготовке Народного фронта начал назревать конфликт, обострившийся в связи с появлением в журнале «Коммунистический Интернационал» статей Г. Димитрова и Э. Фишера, в которых в резкой форме было выказано негативное отношение коммунистов к социал-демократии. Димитров, в частности, заявил: «Тысячу раз был прав товарищ Сталин, когда десять лет назад писал: «Невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении».²⁷

Это вызвало незамедлительную реакцию социал-демократов. В сентябре 1937г. Р. Брайтшайд ушел с поста председателя Рабочего Бюро Комитета. Этот шаг он объяснил в письме Г. Манну от 3 декабря 1937г.: «Что особенно укрепило меня в моем решении, так это статья Димитрова к 20-летию юбилею Советского Союза...Его странное утверждение, что приверженность демократии должна сочетаться с приверженностью сталинизму, его нападки на социал-демократизм и его клевета на руководящих деятелей II Интернационала доказали, что, касательно идеи Народного фронта, влиятельные деятели Коммунистического Интернационала отказались от точки зрения, принятой VII конгрессом».

В послании от 8 января 1938г. он высказался еще более определенно: «Что же касается германского Народного фронта, то... машина (имеется в виду деятельность Комитета – С.Д.) буксует не потому, что оказался неблагоприятным выбор коммунистических представителей, а в результате принципиального переворота, который осуществлен в Москве... Вновь применяются...те методы, которые в предгитлеровские времена постоянно препятствовали единству в Германии и, как и тогда, ответственность задним числом возлагалась на социал-демократов – или, как обычно говорилось, социал-фашистов, так же это будет сделано и теперь. Я предполагаю, что нас вскоре будут называть троцкистами и агентами гестапо».²⁸ Собственно, он был недалек от истины.

Р. Брайтшайд отказался участвовать в акции направления телеграммы в Москву с просьбой смягчить приговор обвиняемым, инициированной Якобом Вальхером.²⁹ Причины своего отказа он сформулировал в письме Я. Вальхеру от 6 марта 1938г.:

«1. У меня вообще величайшее сомнение насчет подобных обращений и петиций, адресованы ли они Гитлеру, Сталину или главе другого государства.

2. Я опасаясь, что...телеграмма не только не принесет пользы обвиняемым, но причинит им вред.

3. Авторитетные лица Советского Союза достаточно интеллигентны (в данном контексте более точным нам представляется перевод слова «intelligent» как «умны» - С.Д.), как я полагаю, чтобы самим понять, как будет воспринят этот процесс за пределами их страны. Если они, несмотря на это, проводят его, то доказывают тем самым, что мнение заграницы для них безразлично».³⁰ Здесь он, видимо, оказался не совсем прав. Руководство ВКП(б) не могло игнорировать мнение заграницы, более того, стремилось оказывать влияние на его формирование. Так, член КПГ Франц Далем, связанный с движением Народного фронта, присоединился к травле руководящих деятелей II Интернационала в ходе последнего московского процесса. Р. Брайтшайд отозвался на это событие в письме П. Меркеру от 7 апреля 1938г., которое было открытым вызовом, настоящей словесной пощечиной коммунистам: «Не касаясь этих обвинений более обстоятельно, заявляю, что полностью солидарен с этими деятелями. Если они предатели и агенты гестапо, то и я являюсь тем же. У меня также есть собственные чувства и убеждения, и я полагаю, что сказанное очень существенно уменьшит Ваше и Ваших друзей желание сотрудничать со мной».³¹

То есть, взрывная волна от московских процессов разрушила и без того хрупкий мост между двумя партиями. Даже горячие сторонники идеи единого фронта отказались от сотрудничества с компартией, до такой степени зависимой от происходящего в Советском Союзе. По выражению Л. Эдингера, «Сопаде предпочитала оказаться в изоляции, нежели присоединиться к движению немецких социалистов в защиту Советского Союза».³²

Событием, которое довело идею единого фронта до абсурда и размежевание двух партий до конца, стало подписание пакта Молотова – Риббентропа, возможность которого в Сопаде никогда не исключалась, а в последние месяцы перед этим прямо-таки «висела в воздухе».³³ В социал-демократической прессе появилась масса откликов на заключение пакта, в том числе и со стороны видных деятелей СДПГ Рудольфа Гильфердинга и Курта Гейера. Р.Беринг в ходе обстоятельного сравнительного анализа их публикаций пришел к выводу об однозначном совпадении оценок: «Гильфердинг и Гейер не были удивлены немецко-советским пактом о ненападении и, как следствие, совместной оккупацией Польши частями вермахта и Красной Армии. Напротив, по мнению критиков тоталитаризма, эти

события расставили все по местам. Отныне положение было очевидным, демократия против диктатуры, свобода против рабства».³⁴

После пакта о ненападении дальнейшее «наведение мостов через политическую пропасть между коммунистической и социал-демократической эмиграцией оказалось невозможным».³⁵ Отклонение любого союза с КПГ стало в последующее время основополагающей установкой для социал-демократической и социалистической эмиграции.

¹ Так сокращенно называлось Эмиграционное Правление СДПГ, находившееся в 1933-1938 гг. в Праге, затем переехавшее в Париж. Употребление термина «СОПАДЕ» неоднозначно как в источниках, так и в научной литературе. Им обозначают то президиум партии, то всю партию в эмиграции. Здесь и далее термин «СОПАДЕ» употребляется в более узком смысле.

² Имеются в виду дело о так называемом «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» (рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 19-24 августа 1936г.; были преданы суду 16 человек, среди них Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.Н. Смирнов; все приговорены к высшей мере наказания), дело о т.н. «Параллельном антисоветском троцкистском центре» (рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 23-30 января 1937г.; были преданы суду 17 человек, среди них Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек; все, кроме Сокольников и Радека, были расстреляны. Г.Я. Сокольников и К.Б. Радек в мае 1939г. были убиты сокамерниками в тюрьме), процесс военных (проходил в июне 1937г., в результате по обвинению в измене был расстрелян ряд представителей высшего командного состава, в том числе Тухачевский, Уборевич, Якир), а также дело о т.н. «Антисоветском правотроцкистском блоке» (рассматривалось военной коллегией Верховного суда СССР 2-13 марта 1938г.; был предан суду 21 человек, в их числе Н.Бухарин, А.И. Рыков, Х.Г. Раковский, Г.Г. Ягода; большинство подсудимых были приговорены к расстрелу).

³ Der Moskauer Terrorprozeß. Der blutige Machtkampf um die Nachfolge Lenins. // NV. - Nr. 168. - 30.8.1936.; Der Moskauer Prozeß. // SoAk. - Sept. 1936.

⁴ Ср.: Martin Hart (=Willi Eichler) Vertrauenskrise! Zu Moskaus Innen- und Aussenpolitik. // SW. - Nr. 16. - 15.09.36. - S. 370-373.

⁵ NV. - Nr. 191 – 7.2.1937.

⁶ Kautsky K. Kommunismus und Demokratie. // NV. - 5.12.1937.

⁷ Vorholt U. Die Sowjetunion im Urteil des sozialdemokratischen Exils 1933 bis 1945. - Frankfurt am Main-Bern-New York-Paris, 1991. - S. 195.

⁸ Die Affen des Bolschewismus. // NV. - Nr. 231. - 14.11.1937.

⁹ W. Sollmann – E. Rinner. 14.10.1937. // Erich-Rinner-Korrespondenz/ 34.

¹⁰ Подробный анализ, а лучше сказать, разгром документа содержится в статье Х. Ниманна: Niemann H. Die „Partei der Freiheit“. Eine rechtssozialdemokratische programmatische Schrift am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. - 1981. - Heft 10. - S. 905-917.

¹¹ Geyer K. Die Partei der Freiheit. //Drei Schriften aus dem Exil: (Miles: Neu beginnen!; Otto Bauer: Die illegale Partei; Curt Geyer: Die Partei der Freiheit) / Hrsg. und eingel. von Kurt Klotzbach. - Berlin [u.a.], 1974. - S. 308.

¹² Ebenda. - S. 340.

¹³ Hilferding R. Staatskapitalismus oder totalitäre Staatswirtschaft. //NV. - Nr. 8. - 25.4.1940.

¹⁴ Protokoll der Sekretariatsitzung am 28.5.37. // Der Parteivorstand der SPD im Exil. Protokolle der Sopade 1933-1940. Hrsg. und bearb. von Marlis Buchholz und Bernd Rother// AfS. - Beiheft 15. - Bonn, 1995. – S. 156.

¹⁵ NV. - 18.7.1937.

¹⁶ Protokoll der Vorstandssitzung am 27.1.1938.// Der Parteivorstand der SPD im Exil. Protokolle der Sopade 1933-1940. - S. 212.

¹⁷ Zur Mühlen P. von Spanien war ihre Hoffnung. Die deutsche Linke im Spanischen Bürgerkrieg 1936 bis 1939. - Berlin – Bonn, 1985. - S. 192-199.

-
- ¹⁸ Willi Müller (K. Frank), Paul Hertz – ZK KPD, Walter (Ulbricht). 7.11.1937.// IISG/ NB/ 14.
- ¹⁹ Jasper W. „Sie waren selbstständige Denker“. Erinnerungen an die „Affäre Breitscheid/Hilferding“ und die sozialdemokratische Emigration von 1933 bis 1945. Ein Gespräch mit Fritz Heine. // Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch. - Bd.3. - Gedanken an Deutschland im Exil und andere Themen. - 1985. - S. 64. – О Teppore ГПУ против социалистов и коммунистов в Испании см. также: Gorkin J. Stalins langer Arm. Die Vernichtung der freiheitlichen Linken im spanischen Bürgerkrieg. – Köln, 1980. - 287 S.
- ²⁰ DB. - Nr. 9. - Sept. 1936. - S. 1096.
- ²¹ DB. - Nr.8. - Aug. 1938. - S. 1200; Nr. 9. - Sept. 1938. - S. 1018.
- ²² Geyer C. Der Kurs der deutschen Opposition. Das kommende Deutschland und das Bündnis mit Sowjetrußland. //NV. - 21.5.1939.
- ²³ См.: Гинцберг Л.И. Московские процессы 1936-1938гг.: позиция деятелей международного коммунистического движения. / Л.И. Гинцберг. //Новая и новейшая история. - 1991. - №6. - С.10-24.
- ²⁴ Langkau-Alex U. Volksfront für Deutschland. Frankfurt am Main, 1977.- Bd. 1. - S. 303.
- ²⁵ Hilferding an Stampfer. 28.08.1936. //MGD. - Dok.28. - S.285.
- ²⁶ См.: «Политсекретариат ИККИ требует». Документы Коминтерна и Компартии Германии 1930 – 1934гг. /Публ. Л.И. Гинцберг. //Исторический архив. - 1994. - №1. - С. 150 – 157.
- ²⁷ Коммунистический Интернационал. - 1937. - №10-11. - С. 21.
- ²⁸ Почему не состоялся германский Народный фронт // Исторический архив. - 1995. - № 4. - С.191.
- ²⁹ Текст телеграммы был опубликован в «Новом Фронте» в феврале 1938г.
- ³⁰ Р. Брайтшайд – Я. Вальхеру. 6.03.1938.// Почему не состоялся германский Народный фронт. - С.193.
- ³¹ Там же. - С. 194.
- ³² Edinger L. J. Sozialdemokratie und Nationalsozialismus. Der Parteivorstand der SPD im Exil von 1933-1945. - Hannover - Frankfurt am Main, 1960. – S. 183.
- ³³ Behring R. Demokratische Außenpolitik für Deutschland. Die außenpolitischen Vorstellungen deutscher Sozialdemokratie im Exil 1933-1945. – Düsseldorf, 1999. – S 204.
- ³⁴ Behring R. Option für den Westen. Rudolf Hilferding, Curt Geyer und der antitotalitäre Konsens // Totalitarismuskritik von links. Deutsche Diskurse im 20. Jahrhundert. Hg. Von M.Schmeitzner. – Göttingen, 2007. – S. 148.
- ³⁵ Mehringer H. Sozialdemokraten. //Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933-1945. Hg. von Krohn C-D.; zur Mühlen P. von; Paul G; Winckler L. unter redaktioneller Mitarbeit von Elisabeth Kohlhaas. – Darmstadt, 1998. - S. 485.

Хроника жизни русской эмиграции первой волны: культурный аспект

Октябрьская революция 1917 года в России превратила в эмигрантов почти 2 млн. человек, представлявших различные идейно-политические течения, национальности, культурные слои и оказавшихся рассеянными по всем странам мира. В мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем. «По данным, опубликованным Лигой наций в сентябре 1926 года, из России выехало 1.160.000 человек»¹.

Для них началась новая эпоха в истории. Далеко не все они обрели в новых условиях кров над головой, как Петр Ковалевский, отцу которого Евграфу его четвероюродный дядя Максим Ковалевский, умерший еще в 1916 году, завещал виллу и участок земли в Болье, в окрестностях Ниццы. Сам Петр Ковалевский в эмиграции стал секретарем Приходского Совета и старшим иподиаконом известного Кафедрального Собора Святого Александра Невского на улице Дарю в Париже, главного собора русских эмигрантов во Франции. Новое сложное и подчас бедственное положение русских беженцев не остановило стремление многих из них продолжать работать на благо будущей демократической России. Когда не осталось сомнения в невозможности возвращения на Родину, начался тяжелый процесс адаптации русских беженцев в различных социально-культурных условиях других стран.

Среди русских эмигрантов было большое количество людей с высшим и средним образованием. Состав эмиграции в сословном отношении был представлен всеми классами населения, но большинство принадлежало к среднему интеллигентному классу и к свободным профессиям. В политическом отношении были представлены все партии, от правых до социалистов-революционеров и меньшевиков. У себя на родине они были объявлены вне закона и лишены всех прав². Понятно, что причинами эмиграции были желание независимо мыслить, творить, свободно и открыто проповедовать свою веру и свои общественные и политические взгляды. Среди всего разнообразного спектра общественно-политических взглядов русской эмиграции большая ее часть была привержена идеалам либерализма, а главное их всех объединяла русская культура.

Сегодня у российских историков есть возможность работать с

материалами по истории белого движения и эмиграции, поэтому многие материалы по истории русской эмиграции первой волны уже нашли сегодня свое выражение в научных трудах и в исторической публицистике. В общем объеме исследований по этой теме, значительное количество работ по истории русской эмиграции первой волны (1917-1939 гг.) посвящено вопросам культурной и общественной жизни российской диаспоры за рубежом³. Однако, необходимо отметить, что внимание к истории русской эмиграции, а также к истории русской эмиграции либерально-демократического направления не ослабевает и связано с необходимостью воссоздания многогранной подлинной картины политической и культурной деятельности русских эмигрантов. Русские в эмиграции продолжали жить и работать, сохраняя веру, традиции и надежду на лучшее будущее.

Культурная деятельность русских в эмиграции, безусловно, является ярким примером, в первую очередь, сохранения своей культуры, а также примером взаимодействия русской культуры с другими культурами в процессе адаптации русских к новым условиям жизни. Русские эмигранты вели культурную деятельность в различных формах. Они участвовали в обсуждении политических, юридических, экономических и национальных проблем, волновавших, как русских за границей, так и мировое сообщество, участвовали в создании различных политических и культурных организаций. Так в мае 1920 года газета «Последние новости» извещала, что инициативная группа в составе с русской стороны Е.В. Аничкова, П.П. Гронского, Н.М. Могилянского, М.И. Ростовцева и других, и с французской стороны Поля Буайе, Жюля Патуйе и Эмиля Омана объявили об основании Русской Академической Группы. Русские Группы образовывались в разных странах Западной Европы, куда после перехода власти в России к советскому правительству ситуация забросила профессоров, приват-доцентов русских высших учебных заведений. Группы возникли в Белграде, Праге, Берлине и Париже. Председателем Русской академической Группы в Париже стал Антон Владимирович Карташев (1875-1960) общественно-политический и церковный деятель, богослов, историк русской церкви. Парижская Русская Группа объявила, что в задачи Группы будут входить научная работа, поддержание связи с учеными и учебными учреждениями, взаимная и моральная поддержка, подготовка молодых ученых, помощь молодым людям, поступающим в высшие учебные заведения. В заседаниях Русской Академической Группы, начавшей действовать с «февраля 1921 обычно под председательством проф. П.П. Гронского

обсуждались самые разнообразные вопросы»⁴. В январе 1922 года Русская Академическая Группа и Правление Народного университета сообщали о том, что проф. Барон Б.Э. Нольде прочтет лекцию на тему: «Власть и народ в истории политического развития в России»⁵. 27 января 1922 года там же читал лекцию И.И. Бунаков-Фондаминский на тему: «Аграрные отношения в России», а 23 ноября 1926 года П.Н. было сообщено о том, что Академическая Группа предлагает вниманию лекции М.В. Вишняка на тему: «История политических идей в России в XIX веке». Руководители Академической Группы организовывали не только чтение лекций, но и мероприятия строго научного плана, так «Группа провела защиту диссертации А.М. Михельсона на тему: «Государственные финансы в России во время мировой войны». Оппонентами на защите, которой выступили проф. М.В. Бернацкий и проф. П.П. Мигулин»⁶.

С 24 сентября по 8 октября 1920 года в Брюсселе работала международная финансовая конференция, созванная Советом Лиги наций. Конференция обсуждала проблему мирового финансового кризиса и возможности изыскания средств для ослабления его последствий. В повестке дня конференции стоял и обсуждался вопрос о намечающейся конференции по оказанию финансовой помощи России. Такая конференция открылась в Брюсселе 6 октября 1921 года⁷. Во время работы конференции А. М. Михельсон сделал доклад об организации восстановления участия России в хозяйственном международном обороте⁸. С комментариями о работе Брюссельской конференции 1920 года в журнале «Современные записки» выступил П.Н. Апостол⁹.

В ноябре 1925 года из Русской Академической Группы был образован Франко-русский институт, газета «Последние новости» извещала о том, что по этому поводу «15 ноября состоялось собрание под председательством П.Н. Милюкова. Тогда же был представлен доклад И.Н. Ефремова на тему: О международном посредничестве, в прениях по докладу участвовали барон Б.Э. Нольде, М.И. Догель и другие»¹⁰. И.Н. Ефремов еще со времен первой мировой войны разрабатывал тему примирительного производства и впоследствии неоднократно возвращался к ней. Франко-русский институт готовил кадры для общественной деятельности в России, т. е. обучал тех, кто предполагал вернуться в Россию. Студенты получали юридические, политические и социологические знания. Председателем совета профессоров был П.Н. Милюков. Правда, необходимо отметить, что большинство русских высших учебных заведений не поддерживало тенденцию возвращения, они наоборот готовили выпускников для

работы во Франции и преподавание вели на французском языке. В «ноябре 1926 года институт извещал о начале чтения лекций на тему: История политических идей в России в XIX веке. Лекции читал М.В. Вишняк»¹¹.

В июне 1927 года газета Последние новости, а точнее 14 июня сообщала, что «Франко-русский институт снова предлагает вниманию публики лекции И.Н. Ефремова на тему: «О примирительном производстве в Лиге Наций», при этом объявление было дополнено информацией о том, что лекции на эту тему будут регулярными»¹². И.Н. Ефремов всегда был приверженцем идеи «морального разоружения», т. е. идеи примирения и сближения народов. Позднее в 1932 году он лично обращался к главам государств, ко всем национальным группам Межпарламентского Союза и национальным ассоциациям Лиги Наций с призывом использовать в решении международных конфликтов комиссии примирительного производства. Тогда же осенью 1932 года он издал трехтомный труд о договорах примирительного международного производства. В 1927 году И.Н. Ефремов явился одним из учредителей Международной Дипломатической Академии в Париже¹³. Кроме публичных лекций, защит диссертаций институт проводил чтение лекций целыми курсами. Так в ноябре 1927 года «Франко-русский институт объявил начало занятий на курсах с предлагаемым лекционным курсом на тему: «История земельных отношений в России», которые еженедельно читал И.И. Бунаков – Фондаминский»¹⁴.

Русские эмигранты в своей лекционной деятельности касались актуальных проблем мировой политики, анализировали их. На очередном собрании русского Академического Союза «11 декабря 1926 года выступил проф. Б.Е. Шацкий с докладом на тему: «Происхождение секретного англо-французско-русского договора о Константинополе и проливах». В прениях по докладу выступали П.Н. Милюков, барон Б.Э. Нольде, Ю.Н. Данилов и другие¹⁵. Проблема режима Черноморских проливов, имея трехсотлетнюю историю, остается важным, сложным вопросом внешней политики России. Победа в русско-турецких войнах екатерининского периода открыла Проливы для русского торгового судоходства. В середине XIX века статус проливов определялся русско-турецкими отношениями, когда была свобода торгового судоходства, как для России, так и для стран, торговавших с нею. Тогда же статусу Проливов был придан международный характер, трудно решался вопрос о проходе через проливы военных судов. В 1911 году Б.Э. Нольде утверждал, что

проблема Проливов проблема только русско-турецких отношений¹⁶. После Первой мировой был установлен режим нейтрализации Проливов под контролем стран Антанты. На конференции в Лозанне прибрежным странам это положение удалось отменить. Советская Россия и вовсе отказалась от притязаний на Проливы. «18 декабря 1926 года проф. барон Б.Э. Нольде в помещении на rue Bournefort 19 сделал доклад на тему: «Константинополь и проливы»»¹⁷. Впереди была конференция в Монтрё в 1936 году.

Русское Университетское Общество изучения проблем Лиги Наций в газете Возрождение сообщало о том, что 26 декабря 1926 года состоялся «доклад С. С. Ольденбурга на тему: «Германия и Лига Наций»»¹⁸. 6 февраля 1927 года там же сделал доклад генерал Ю.Н. Данилов на тему: «О проблеме разоружения». В июле 1927 года состоялась лекция проф. Г.Д. Гуревича на тему: «Будущность демократии», где в прениях по окончании лекции участвовали П.Н. Милюков, П.П. Гронский, М.В. Вишняк.

31 декабря 1921 года Сорбонна объявила о начале работы русских отделений при факультетах университета¹⁹. При Парижском университете начали работать русские отделения, где лекции по конституционному праву и истории русского права среди других лекторов читали Б.Э. Нольде и В.М. Вишняк. Петр Ковалевский вспоминал, как поздней осенью 1922 года он пришел на лекцию по международному праву профессора Нольде и оказался в этот вечер единственным слушателем. Однако Нольде, следуя классической университетской традиции, прочел ему одному полноценную лекцию. На будущее «...заключили конкордат о том, что, если я не могу прийти, то предупреждаю профессора письменно»²⁰. Из всех категорий русских ученых больше всего возможностей преподавать было у юристов, т.к. в трех европейских столицах, где жили русские эмигранты, были русские юридические факультеты. При французских лицеях «Henri IV» и «Jancon de Soilly» также открылись русские отделения, где труд русских педагогов оплачивался французским министерством просвещения. Известный специалист по международному праву и член Гаагского трибунала, профессор Михаил Александрович Таубе печатал здесь работы по русской истории и исследования о статусе Балтийского моря.

Институт русского права в Париже начал свою работу 17 января 1921 года в помещении факультета права парижского университета. «Вступительное слово по поводу начала работы института произнесли проф. барон Б.Э. Нольде и проф. П.П. Гронский», а 29 марта 1922 года вступительную лекцию по курсу: «Русские финансы» прочел

приват-доцент А.М. Михельсон. 23 ноября 1922 года сообщением через газету Последние Новости Институт Русского права при юридическом факультете Парижского университета известил, что «открывает цикл лекций, которые будут читать: приват-доцент А.М. Михельсон на тему: «Русские финансы», преподаватель М.В. Вишняк на тему: «Преобразование русского публичного права в XX веке», проф. Б.Э. Нольде на тему: «Введение в русское публичное право» и другие»²¹.

В 1923 году русские эмигранты продолжали «чтение лекций на юридическом факультете парижского университета приват-доцент М.В. Вишняк на тему: «Изменение русского государственного строя в XX веке» (по вторникам), проф. Барон Б.Э. Нольде на тему: «Введение в русское публичное право», приват-доцент А.М. Михельсон на тему: «Русские финансы» (по средам)»²². В 1925 году Сорбонна извещала, что юридический факультет предлагает вниманию публики лекции А.В. Карташева, Л.И. Шестова, а также проф. барона Б.Э. Нольде на тему: «Введение в русское публичное право» (по пятницам). С ноября 1926 года здесь читал лекции И.Н. Ефремов на тему: «Посредничество и арбитраж в международном праве». Они использовали любую возможность контакта с общественностью, практиковали также чтение публичных лекций. Так в январе 1921 года Ф.И. Родичев читал публичную лекцию на тему: Русский народ и большевики. В феврале того же года Союз русских студентов предлагал «публичные лекции – беседы П.Б. Струве на тему: «Исторический смысл русской революции», где после лекций в прениях выступали И.И. Бунаков – Фондаминский, Ф.И. Родичев и другие»²³.

16 февраля 1921 года в Париже, организованная усилиями русских, начала работу Школа Международного права. Вступительную лекцию на тему: «О международном правовом положении Турции и отошедших от нее земель по Севрскому трактату» прочитал А.Н. Мандельштам, специалист по международному праву, бывший первый драгоман российского посольства в Константинополе, занимавшийся армянским вопросом еще до первой мировой войны.

Проблема оформления юридического статуса русских эмигрантов оставалась важнейшей в деятельности парижских русских. В декабре 1921 года было проведено первое «общее собрание членов Русского Юридического Общества, на заседании которого был озвучен доклад профессора А.А. Пиленко на тему: «Паспорта и визы для русских беженцев по проектам Лиги Наций и Высокого комиссара по русским

делам»»²⁴. В январе 1922 года там же «выступил проф. Барон Б.Э. Нольде с докладом на тему: «Об общем юридическом положении русских граждан за границей в связи с проектами Лиги Наций»»²⁵. В мае 1922 года Русское Юридическое общество посвятило свое заседание памяти, трагически погибшего, В.Д. Набокова. На заседании общества с речью выступил проф. Барон Б.Э. Нольде. В ноябре 1926 года в Salle des Sociétés Savantes прошло собрание, посвященное памяти скончавшегося Максима Моисеевича Винавера. На собрании его памяти выступили М. Шагал, И.Р. Ефройкин и многие другие.

В культурной жизни Парижа получили широкое развитие бесплатные семинары русских научных и общественных деятелей. Французское правительство понимало, насколько важную роль в социальной адаптации российской интеллигенции играет возможность поделиться своим творчеством, идеями. Оно стремилось идти навстречу русским эмигрантам и создавало условия для культурного обмена, зачастую спонсируя проведения общественных акций. В декабре 1920 года под Новый год «Комитет помощи русским беженцам во Франции устроил выставку старинных русских вышивок и работ русских беженцев, с целью помочь материально особенно нуждающимся русским эмигрантам во Франции»²⁶.

В июне 1921 года «Комитет помощи русским писателям и ученым проводил франко-русский банкет под председательством Эдуарда Эрио. Выступления присутствующих на банкете были озвучены на французском языке. В речах выступивших Н.В. Чайковского, Д.С. Мережковского, М.А. Алданова, П.П. Гронского, Поля Буайе и Эдуарда Эрио звучала убежденность в неизбежности духовного сближения Франции и России»²⁷. Уже в августе 1921 был учрежден «Российский Общественный Комитет помощи голодающим в России в составе: Н.Д. Авксентьев – председатель, П.Н. Милюков, И. Коварский, Я.Л. Рубинштейн и другие». В октябре 1921 года Комитет проводил очередное заседание, посвященное организации сбора средств голодающим в России²⁸. В марте 1924 года Российский комитет помощи голодающим провел публичное собрание, посвященное положению интеллигенции в России. «Доклад сделал С.Ф. Штерн. В прениях приняли участие Н.Д. Авксентьев, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.В. Чайковский и другие»²⁹.

Русская либеральная интеллигенция в Париже в своей многогранной деятельности социальной направленности не оставляла без внимания детей русских эмигрантов. С начала 1921 года редакция сборников «Дети – Детям», выпустив в феврале первую книжку под

редакцией И.Н. Коварского, начала периодически проводить тематические литературные утреники для детей русских эмигрантов. Так в феврале 1921 года первое литературное утро было посвящено творчеству А.С. Пушкина. Граф А.Н. Толстой прочитал «Сказку о рыбаке и рыбке». На утренике прозвучали стихи, посвященные Петербургу и Москве из произведений «Медный всадник» и «Евгений Онегин». В марте литературный утреник был посвящен творчеству М.Ю. Лермонтова. Вступительное слово произнесла Л.А. Коварская. С чтением произведений Лермонтова выступили граф А.Н. Толстой Н.В. Крандиевская и другие. В апреле прошел утреник, посвященный творчеству Н.В. Гоголя. Биографию писателя и о его творчестве рассказал граф А.Н. Толстой. В мае утреник был посвящен творчеству И.С. Тургенева. В ноябре 1921 г. утреник был посвящен творчеству Л.Н. Толстого. С воспоминаниями о писателе выступил А.И. Куприн. В марте 1923 г. тема литературного утреника: творчество Алексея Константиновича Толстого. «И.А. Бунин прочел несколько стихотворений»³⁰. В апреле 1923 г. темой литературного утреника было творчество Антона Павловича Чехова, Салтыкова-Щедрина, Аксакова и других. На одном из таких утреников «в 1923 г. А.И. Куприн читал свои новые рассказы»³¹. И.Н. Коварский кроме деятельности, связанной с детской тематикой, являясь по специальности врачом, занимался и проблемами медицины. В марте 1921 года представители русской общественности в Париже объявили о начале деятельности Общества русских врачей в Париже. На первом учредительном собрании Общества была избрана уставная комиссия, в состав которой и был избран И.Н. Коварский.

В сентябре 1920 г. благодаря усилиям русских эмигрантов в Париже был открыт Русский Институт Исторических и Юридических Наук. «В состав Совета профессоров вошли М.И. Ростовцев, М.М. Винавер, В.Д. Набоков и барон Б.Э. Нольде»³². Меморандум о необходимости создания русского института в Париже был подготовлен Михаилом Ивановичем Ростовцевым, признанным в мировой науке авторитетом по истории античных и восточных цивилизаций. Авторитет академика Ростовцева был настолько велик, что в феврале 1917 года ему был предложен пост министра образования, к Октябрьской революции Ростовцев отнесся враждебно. Уже из США он писал рекомендательные письма для В.В. Набокова и И.А. Бунина с просьбой дать работу в одном из американских университетов первому и с просьбой присудить Нобелевскую премию по литературе – второму. Газета «Русский альманах» под редакцией В.А. Оболенского и Б.М. Сарача в феврале 1920 года объявила о

начале работы в Париже Союза Русских Адвокатов за Границей. Задачей Союза была объявлена необходимость хранить заветы сословия в духе «Судебных уставов 1864 года». В декабре 1920 года в Париже состоялось собрание Союза русских адвокатов за границей, на собрании выступили М.М. Винавер, М.Л. Гольдштейн и Е.И. Кедрин. В апреле 1927 г. объединение русских адвокатов провело собрание под председательством Н.В. Тесленко, на котором был представлен «доклад П.С. Тагера на тему: «О новейших течениях во французской судебной практике по русским делам». В прениях выступили Я.М. Шефтель, барон Б.Э. Нольде и другие»³³.

Е.И. Кедрин также участвовал в работе Русского парламентского комитета, заседания которого периодически проводились с января 1921 года. На одном из первых заседаний комитета «14 января 1921 г. Кедрин сделал доклад о событиях в Крыму». В первых числах марта 1921 года комитет собрал в Salle de la Société de Géographie собрание членов русской колонии в Париже под председательством Е.И. Кедрина, а 19 марта комитет провел очередное «собрание членов русской колонии под председательством Е.И. Кедрина. На проведенном собрании прозвучал доклад А.П. Давыдова «Россия как объект международных притязаний»»³⁴.

Двумя крупными русскими общественными организациями в Зарубежье явились с самого начала Русский Красный Крест, в котором «председателем Главного управления был барон Б.Э. Нольде» и Объединение Земских и Городских деятелей³⁵. Земгор начал свою деятельность еще в России, развил ее почти во всех странах рассеяния после эвакуаций белой армии из Крыма. В этот период Земгор содержал полностью или субсидировал в разных странах 65 учреждений. При Земгоре работала Земельная комиссия по устройству русских в разных странах. «Председателями Земгора были князь Г.Е. Львов, А.И. Коновалов и Н.Д. Авксентьев, членами комитета были В.Ф. Зеелер, В.В. Руднев и другие. Земгор заведовал приютом «Голодной пятницы», Народным и Коммерческим институтами в Париже»³⁶. 5 июля 1920 года было проведено первое собрание Объединения Земских и Городских деятелей за границей в Париже, на котором были утверждены председатель (Г.Е. Львов) и члены Совета. В ноябре члены объединения через газету «Последние новости» сообщали, что Объединение Земских и Городских деятелей за границей объявляет о начале своей деятельности. «Во главе объединения князь Г.Е. Львов (председатель), В.В. Вырубов»³⁷. После смерти кн. Г.Е. Львова в 1925 году, председателем организации стал А.И. Коновалов, а с 1930 года – Н.Д. Авксентьев³⁸. Земгор проводил

большую общественную и культурную работу. «27 января 1921 года в очередном совещании председателей земских и городских организаций участвовали кн. Г.Е. Львов, В.В. Вырубов и др.»³⁹. Земгор оказывал помощь множеству культурных эмигрантских организаций. Под его контролем находилось обеспечение высшего образования для русской молодежи за границей. Земгор заведовал распределением студенческих стипендий. В Париже были сосредоточены центральные организации и объединения эмиграции, распространявшие свою деятельность на многие страны в областях науки, образования и культуры.

Наряду с научной и лекционной деятельностью русские эмигранты вели огромную работу в средствах массовой информации, в газетах и журналах⁴⁰. В период с 1920-1929 гг., можно говорить о нескольких центрах русской эмиграции в Европе со своей собственной культурной жизнью – газетами, журналами, книгоиздательствами, даже университетами и научными институтами⁴¹. При наличии многих разногласий все эмигранты одинаково сознавали, что в создавшейся обстановке «...прежде всего, нужно уяснить себе и другим причины катастрофы и крушения русской демократии. Поэтому решено было, наряду с ежедневной газетой и издательством книг, брошюр и листовок, приступить к изданию и «толстого журнала», традиционного для русского интеллигентского сознания»⁴². «Первым большим литературным журналом Зарубежья, в состав редакции которого вошли М.А. Алданов, В.А. Анри, Н.В. Чайковский и гр. А.Н. Толстой, была «Грядущая Россия», в 1920 году в Париже вышло два его номера⁴³. В статье «от редакции» провозглашалось: «Пусть на страницах его (журнала) найдут место исторические очерки, воспоминания, литературные статьи и научные исследования. Всякое искреннее, честное слово, честная передача фактов, искренне высказанная мысль послужит ценным материалом для разрешения мучительных вопросов»⁴⁴.

Осуществив выпуск двух номеров журнала, редакция вынуждена была закрыть «Грядущую Россию». Причиной быстрого закрытия журнала было прекращение средств, которые шли из частного источника». Деньги получали от эмигранта Н.Х. Денисова, который в свое время получил деньги от продажи акций Сибирского банка, это около миллиона фунтов стерлингов. Он «...принял участие в образовании Торгово-промышленного союза, председателем которого был избран. Союз был зарегистрирован французскими властями»⁴⁵. Задачи, образованного в эмиграции Торгово-промышленного союза были, естественно, шире, чем помощь

редакции эмигрантского журнала. «Основание Российского торгово-промышленного союза 22 апреля 1920 года было предпринято эмигрантами с целью объединения русских торгово-промышленных и финансовых деятелей для представительства интересов российской промышленности, торговли и финансов за границей, а равно для разработки и осуществления мер по восстановлению хозяйственной жизни в России»⁴⁶. «В ноябре того же года Российский торгово-промышленный союз представил доклад П.Л. Барка «Финансовое положение юга России», в обсуждении которого выступили В.И. Гурко и Б.А. Каменка»⁴⁷. В феврале 1921 года организаторы Российского Финансово-промышленного Союза обсуждали доклады А.А. Пиленко и М.Л. Гошиллера «О юридических и экономических последствиях проектируемого торгового соглашения между Англией и советской Россией», в прениях по этим докладам выступили барон Б.Э. Нольде и другие. «В мае 1921 года русские эмигранты под руководством Союза провели в Париже съезд представителей русской торговли и промышленности. На съезде выступали Б.А. Каменка и А.М. Михельсон, П.П. Рябушинский и другие»⁴⁸.

Преемником «Грядущей России» стал журнал «Современные записки», образованный также в 1920 году. 5 декабря 1920 года газета «Последние новости» извещала о том, что «Вышел первый номер журнала «Современные записки» при ближайшем участии: Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка А.И. Гуковского и В.В. Руднева»⁴⁹. За первые пять лет, начиная с 1920 года (№№ 1-26) в «Современных записках» напечатали свои работы почти все сколько-нибудь известные из проживающих за границей дореволюционных русских писателей, поэтов и прозаиков. Все пять редакторов журнала принимали, как полагалось участие в журнале. Меньше всех с публикациями выступал Н.Д. Авксентьев. Деятельность А.И. Гуковского, писавшего под псевдонимом А. Северова, была прервана его трагической смертью в 1925 году. «Наиболее активное участие в работе журнала принимал на первых порах И. Бунаков, автор семи статей под заглавием «Пути России» и Вишняк, который вел в первых 12-ти книгах постоянную рубрику под названием «На Родине». В. В. Руднев, бывший городской голова г. Москвы в 1917 году, писал рецензии и статьи на общественно-публицистические статьи»⁵⁰.

Важно отметить, что в рамках Лиги Наций в 1921 году не без участия русских эмигрантов, таких как И.Н. Ефремов и других, была создана организация интеллектуального сотрудничества, через которую русские эмигранты и значительная группа ученых и

писателей с мировым именем пытались способствовать международному сотрудничеству, особенно в условиях послевоенного времени. «Лига умов» так называли современники эту организацию, решала задачу практического осуществления международного сотрудничества, потому что международное сотрудничество – естественный путь решения международных проблем. В мае 1927 года этот Международный институт интеллектуального сотрудничества собирал в Париже совещание Комитета Экспертов по вопросу о переводах с участием А.Я. Левинсона⁵¹.

Культурная деятельность представителей русской эмиграции, начавшись в период 20-х гг. начала XX века, продолжается. Сегодня потомки представителей русской эмиграции первой волны имеют возможность свободно приезжать в Россию. Представители наиболее известных фамилий приняты нашим обществом. Для остальных, которых большинство, еще долго будет оставаться открытым вопрос, как мы к ним относимся.

¹ Ковалевский П.Е., Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья за полвека (1920-1970): В 2 т. / П.Е. Ковалевский. - Париж. 1971. - Т. 1. - С. 13.

² Дневники Петра Евграфовича Ковалевского: в 2 т. / предисловие и комментарий Н.П. Копаневой. - СПб., 2001. - Т. 1 - С. 9; Бочарова З.С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920 – 1930-е годы / З.С. Бочарова // История. – 2002. – № 2. – 8 – 15 января. – С. 2 – 3.

³ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918 – 1996) / В.В. Агеносов. – М., 1998. – С.36; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918 – 1940: в 2-х тт. – М., 2000. – Т. 2. – С. 18-21; Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – М. – Париж, 1996. - С. 22, 48, 52, 317, 340, 353; Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Е.И., Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж: Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. / С.С. Ипполитов, В.М. Недбаевский, Е.И. Руденцова. – М., 1999. – С. 71; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пашуто. – М., 1992. – С. 262; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 1920-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). – М., 1994. – С. 23.

⁴ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 24.

⁵ Там же. – С. 59.

⁶ Там же. – С. 472.

⁷ Совершенно лично и доверительно. Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919 – 1951: в 3 тт. – М. – Стэнфорд, 2001. – Т. 1. – август 1919 – сентябрь 1921. – С. 545.

⁸ Доклад Загорского и Михельсона об образовании международного консорциума для восстановления участия России в международном хозяйственном обороте. // ГАРФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 346.л. 3.

⁹ Апостол П.Н. Вопросы денежного обращения на Брюссельской финансовой конференции / П.Н. Апостол // Современные записки. – 1920. – № 2. – С. 235.

¹⁰ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 213.

¹¹ Там же. – С. 295.

¹² Там же. – С. 347.

¹³ Энциклопедический биографический словарь / под редакцией В.В. Шелохаева. – М. 1997. – С. 391.

¹⁴ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929) – С. 381.

-
- ¹⁵ Там же. – С. 292.
- ¹⁶ Игнатъев А.В., Нежинский Л.Н. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / А.В. Игнатъев, Л.Н. Нежинский. – М., 1999. – С.13.
- ¹⁷ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 295.
- ¹⁸ Там же. – С. 297.
- ¹⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья за полвека (1920 – 1970): В 2 тт. / П.Е. Ковалевский. – Париж, 1971. – Т. 1. – С. 166.
- ²⁰ Дневники Петра Евграфовича Ковалевского: в 2 тт. / предисловие и комментарий Н.П. Копаневой. – СПб., 2001. – Т. 1 – С. 476.
- ²¹ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 22, 81.
- ²² Там же. – С. 114.
- ²³ Там же. – С. 27.
- ²⁴ Там же. – С. 55.
- ²⁵ Там же. – С. 59.
- ²⁶ Там же. – С. 19.
- ²⁷ Там же. – С. 40.
- ²⁸ Там же. – С. 40.
- ²⁹ Там же. – С. 129.
- ³⁰ Там же. – С. 92.
- ³¹ Там же. – С. 97.
- ³² Там же. – С. 110.
- ³³ Там же. – С. 325.
- ³⁴ Там же. – С. 29.
- ³⁵ Энциклопедический биографический словарь / ред. В.В. Шелохаева. – М., 1997. – С. 404.
- ³⁶ Ковалевский П.Е., Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья за полвека (1920-1970): в 2 т. / П.Е. Ковалевский. – Париж. 1971. – Т. 2. – С. 225.
- ³⁷ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 14.
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Фонды ГАРФ по истории белого движения и эмиграции: в 6 тт. / под редакцией С.В. Мироненко. – М., 2004. – Т. 4. – С. 585.
- ³⁹ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 24.
- ⁴⁰ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918 – 1996) / В.В. Агеносов. – М., 1998. – С. 78.
- ⁴¹ Розенберг В.А. Русская зарубежная периодическая печать / В.А. Розенберг. – Прага, 1924. – С. 38; Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке. 1920 – 1980. Сводный указатель статей / под редакцией Т. Гладковой, Т. Осоргиной. – Paris, 1988. – С. 15.
- ⁴² Вишняк М.В. Современные записки, Воспоминания редактора / М.В. Вишняк. – СПб. – Дюссельдорф, 1993. – С. 67.
- ⁴³ Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – М. – Париж, 1996. – С. 48.
- ⁴⁴ Львов Г.Е. Наши задачи / Г.Е. Львов // Грядущая Россия. – 1920. – № 1. – С. 8.
- ⁴⁵ Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – М. – Париж, 1996. – С. 52.
- ⁴⁶ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940гг.: в 4 тт. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 5.
- ⁴⁷ Там же. – С. 14.
- ⁴⁸ Документы Российского торгово-промышленного и финансового союза. г. Париж // ГАРФ. Ф. 6207. Оп. 1. д.5. л.3.
- ⁴⁹ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920 – 1940 гг.: В 4 т. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929) – С. 17.
- ⁵⁰ Вишняк М.В. Современные записки, Воспоминания редактора / М.В. Вишняк. – СПб. – Дюссельдорф, 1993. – С. 6.
- ⁵¹ Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920 – 1940 гг.: В 4 т. – М., 1995. – Т. 1. (1920 – 1929). – С. 335; Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20-30 годы / В.И. Фокин. – СПб., 1999. – С. 45 – 46.

**Окружение и разгром 5-го армейского румынского корпуса
в ноябре 1942 г. по материалам Центрального архива
Министерства обороны РФ**

19 ноября 1942 г. началась наступательная операция советских войск под Сталинградом, получившая кодовое наименование «Уран». По плану Советского Верховного Главнокомандования Юго-Западный и Сталинградский фронты охватывающими «веерными» ударами с севера и юга в общем направлении на Калач должны были прорвать линию вражеской обороны, разгромить фланговые части немецко-фашистских войск, окружить главные силы противника в районе Сталинграда и в последующем - уничтожить их. Казалось бы, эти героические страницы истории Великой Отечественной войны целиком и полностью изучены исследователями. Но на деле – это не так. Мало кто знает, что уже в начале наступления, когда основную группировку противника ещё не удалось замкнуть в кольцо, появились первые «котлы» окружения в Сталинградской битве. В одном из них оказался 5-й румынский армейский корпус. Цель данной статьи – на основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ рассмотреть этот малоизвестный эпизод великого сражения между Доном и Волгой.

На левом крыле ударной группировки Юго-Западного фронта наступала 21-я армия. Войскам армии противостояли 5-й армейский корпус и 13-я пехотная дивизия 4-го армейского корпуса 3-й румынской армии. В соответствии с полученной в конце октября 1942 г. задачей и в результате оценки обстановки, командующий 21-й армией генерал-майор И.М. Чистяков решил нанести главный удар на своем левом фланге силами трех стрелковых дивизий (63-й, 293-й и 76-й) в первом эшелоне и двух стрелковых дивизий (333-й и 277-й) во втором эшелоне. Задача развития успеха на главном направлении возлагалась на подвижную группу армии в составе 4-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов. Вспомогательный удар наносился на правом фланге армии силами двух усиленных стрелковых полков 96-й стрелковой дивизии в общем направлении на Головский¹.

Таким образом, замысел командующего Юго-Западным фронтом генерала Н.Ф. Ватутина заключался в том, чтобы, подчиненные ему боевые соединения взломали оборону противника и, введя в бой подвижные части, решили основную задачу операции - во

взаимодействии с соседними армиями Сталинградского фронта замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки вражеских войск под Сталинградом. Часть же стрелковых дивизий армии должна была окружить и уничтожить 5-й румынский армейский корпус в районе населенных пунктов Базковский, Белонемухин, Распопинская.

Местность в полосе наступления 21-й армии была открытой, за исключением заросших лесом берегов Дона, что осложняло маскировку советских войск. Большое количество оврагов и балок с крутыми склонами, размытые осенней распутицей грунтовые дороги являлись серьезным препятствием для ведения наступления. В оборонительный период соединения 21-й армии провели ряд частных операций с целью улучшения своего оперативного положения и подготовки выгодных условий для перехода в наступление. Особенно важное значение для наступления имели плацдармы, захваченные на западном берегу Дона в районах Серафимович и Клетская. Но Дон, который уже форсировали передовые части армии, предстояло скрытно преодолеть основным силам советских войск.

Выгодные условия пересеченной местности позволили противнику создать достаточно прочную оборону. Она строилась на системе укрепленных пунктов и узлов сопротивления на господствующих высотах, часто соединявшихся сплошной траншеей с разветвляющимися ходами сообщения. Перед передним краем главной полосы обороны имелись противопехотные и противотанковые минные поля и проволочные заграждения. Особое внимание фашисты уделили минированию выходов из оврагов и лощин. Вторая позиция главной полосы обороны была оборудована на удалении в 3-5 км от переднего края. Она состояла из одной - двух линий прерывчатых траншей и занималась дивизионными и частично полковыми резервами.

В октябре 1942 г. противник начал оборудование оборонительной линии на удалении 14-16 км от главной полосы. Однако в инженерном отношении к началу наступления наших войск она представляла собой отдельные окопы и не была занята румынскими солдатами. 19 ноября 1942 г. в 7 часов 30 минут залпом реактивных установок – «катюш» - началась артиллерийская подготовка. Ведя огонь по заранее разведанным целям, артиллерия наносила тяжелые потери противнику. 3500 орудий и минометов вели огонь на разрушение и подавление огневой системы фашистских войск на переднем крае и в глубине обороны. «1 час 20 минут продолжалась канонада. Трудно было различить, из каких орудий велся огонь. Это было «великое зарево», ставшее началом окончательного разгрома фашистских

оккупантов, ворвавшихся на нашу родную землю», - так характеризовал артподготовку командир 54-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник М.М. Данилов².

Г.К. Жуков в своих воспоминаниях приводит записи из дневника румынского офицера, начальника метеослужбы артиллерийской бригады: «Русские открыли ураганный огонь по левому флангу 5-го корпуса. Такого огня я ещё не видел... от артиллерийской канонады сотрясалась земля и сыпались стёкла... На высоте 163 показались вражеские танки и держат путь на Распопинскую. Вскоре сообщили, что танки прошли на полном ходу через позиции и ворвались в село... Наши пушки не причинили им никакого вреда... У этих тяжёлых, 52-тонных танков, идущих с максимальной скоростью, очень толстая броня, и наши снаряды её не пробивают...»³. Под прикрытием огня артиллерии советская пехота вышла на рубеж атаки в 150-200 метрах от переднего края обороны противника и с 8.30 до 8.50 утра вела залповый огонь из всех видов оружия по огневым точкам и расположению войск противника (с расходом боеприпасов: винтовка - 40 патронов, РП, ПППШ – 2 магазина, станковый пулемет – 2 ленты)⁴.

Обороне румынских соединений был нанесен значительный ущерб. Так, в полосе наступления 76-й стрелковой дивизии «противник был расстроен, управление его дезорганизовано, большая часть огневых средств была подавлена»⁵. Во многом это было связано с тем, что наступательная операция советских войск готовилась тщательно и заблаговременно. Велась активная разведка, в результате которой система огня и характер инженерно-оборонительных укреплений фашистов были хорошо изучены. Информацию о расположении огневых точек, дзотов, заграждений, дислокации подразделений поставляли пленные. Только в полосе 76-й стрелковой дивизии за полтора месяца их было захвачено свыше 200⁶. «Контрольные пленные», взятые накануне операции, частично уточнили данные о противнике.

Перед фронтом 76-й стрелковой дивизии оборону держали 89-й пехотный полк 13-й пехотной дивизии и 12-й пехотный полк 15-й пехотной дивизии румын⁷. В первый день наступления их сопротивление было сломлено, несмотря на предпринимаемые попытки контратак. Согласно отчету о боевых действиях дивизии, за 19 ноября 1942 г. дивизией было истреблено свыше 1000 румынских солдат и офицеров, взято в плен 38 человек⁸. После безуспешных боев на р. Куртлак за населенные пункты Захаров, Власов, Селиваново части 13-й и 15-й румынских пехотных дивизий под прикрытием арьергардов основными силами отошли к Верхне-Бузиновке.

Правее 76-й стрелковой дивизии в направлении населенных пунктов Рыбкин, Евстратовский, Захаров действовали войны 293-й стрелковой дивизии. Основной удар по румынским позициям дивизия наносила силами 1034-го стрелкового полка, для усиления которого в прорыв был брошен 2-й отдельный гвардейский танковый полк с десантом автоматчиков. Эта ударная группировка стремительно развила наступление, несмотря на массированное огневое сопротивление противника. В 11.00 19 ноября ею был разбит батальон румынской пехоты и до эскадрона конницы⁹. За первые дни наступления, согласно отчету о боевых действиях 293-й стрелковой дивизии, ее воинами было взято в плен 287 человек, в числе которых 24 офицера противника. Уничтожили более 2300 румынских солдат и офицеров¹⁰.

63-я стрелковая дивизия прорывала оборону 22-го пехотного полка 13-й пехотной дивизии и 15-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии румын в направлении населенных пунктов Избушенский, Головский. Вклинившись в позиции противника, воины дивизии стали теснить отходивших фашистов в район Распопинская-Избушенский и с 20 по 23 ноября вели бои за окружение оккупантов там. Румынские войска, понимая, что попадают в кольцо, оказывали жестокое сопротивление. Своего рода актом отчаяния была последняя контратака, предпринятая в 17.00 23 ноября румынскими офицерами численностью до батальона вдоль дороги Распопинская-Караженский. «Подразделение капитана Лискунова, подпустив цепи офицеров на близкую дистанцию, открыло ураганный огонь из автоматов, пулеметов и минометов. Не выдержав огневого натиска, враг позорно бежал в Распопинскую, неся большие потери»¹¹.

Во втором эшелоне за частями 293-й стрелковой дивизии вели наступление воины 333-й стрелковой дивизии. Их задачей было – не дать вырваться из окружения на юг румынским частям из района Распопинская-Избушенский. 19-23 ноября дивизия вела ожесточенные бои, но с поставленной задачей справилась. За это время бойцами дивизии было взято в плен 8201, уничтожено – более 2200 румынских солдат и офицеров¹². 23 ноября в целях предотвращения бесплодного кровопролития командованием 333-й стрелковой дивизии румынским войскам, оказавшимся в окружении, был направлен ультиматум – прекратить сопротивление. Румынское командование отказалось выполнить требования. Но при этом с румынской стороны была замечена «нервозность и неуверенность в своих намерениях и силах»¹³.

23 ноября к 18.00 кольцо окружения вокруг Распопинская-Избушенский замкнулось. Командующий группы остатков 5-го армейского корпуса бригадный генерал Стэнеску, видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, выслал парламентариев для переговоров о сдаче в плен всего состава румынских частей. Перед передним краем наших частей вышли два офицера и два солдата с белым флагом для ведения переговоров. Их встретили и направили в штаб 291-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии. С нашей стороны в переговорах принимали участие начальник политотдела армии полковой комиссар Соколов, заместитель дивизии по политчасти полковник Коновалов, инструктор политотдела армии старший батальонный комиссар Михайлевич, начальник Особого отдела старший лейтенант Госбезопасности Залевский, командир 291-го стрелкового полка полковник Бабич, заместитель командира полка по политчасти майор Глебов, заместитель начальника политотдела дивизии майор Жеребцов, помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии капитан Парфенов и уполномоченный Особого отдела НКВД лейтенант Госбезопасности Терещенко¹⁴.

Условия о сдаче в плен 5-го армейского корпуса румын нашим командованием были приняты. В них указывалось: 1. Всем румынским солдатам и офицерам, сдавшимся в плен, гарантирована жизнь, хорошее обращение и сохранение личных вещей при каждом; 2. Все вооружение – артиллерия, пулеметы, минометы, винтовки, конский состав, обозы и другое военное имущество сдается частям Красной Армии.

Акт об условиях сдачи в плен румынских частей, подписанный нашим командованием, был вручен генералу Стэнеску через командира заградительного батальона дивизии капитана Иткис. В 23.30 23 ноября по сигналу белых и зеленых ракет со стороны противника и зеленых и красных ракет с нашей стороны военные действия прекратились. В 2.30 24 ноября на автомашине с зажженными фарами в расположение наших частей прибыл бригадный генерал Стэнеску. За ним следовала колонна офицерского состава и остальные части из состава 5-го румынского армейского корпуса. В течение дня продолжался непрерывный поток пленных. Все пленные складывали оружие и следовали под конвоем в район населенных пунктов Ластушенский, Подпешинский.

Частями дивизии были взяты в плен войска 5-го армейского румынского корпуса в составе: 5-я пехотная дивизия (9-й пехотный полк, 991 отдельный батальон), 6-я пехотная дивизия (10-й, 15-й, 27-й пехотные полки, 11-й и 16-й артиллерийские полки), 13-я пехотная

дивизия (7-й, 22-й, 89-й пехотные полки, 19-й, 41-й артиллерийские полки), 14-я пехотная дивизия (6-й пехотный полк полного состава), 15-я пехотная дивизия (10-й егерский полк, 25-й пехотный полк, 992-й отдельный батальон)¹⁵. В плен попало свыше 21 тысячи румынских солдат и офицеров, в том числе один генерал, 9 полковников и больше 120 старших офицеров. В числе трофеев оказалось свыше 16500 винтовок, 1000 автоматов, более 1500 пулеметов, 300 минометов, до 200 орудий разных калибров, большое количество боеприпасов, 2700 подвод, до 6000 лошадей и прочее военное имущество¹⁶. А чуть ранее – в ночь на 23 ноября 1942 г. сдалась в плен румынская группировка войск под командованием генерал-лейтенанта М. Ласкара¹⁷.

Разгром 5-го румынского армейского корпуса был серьезным ударом для фашистов, уверовавших в свою непобедимость. Он предопределил успех операции «Уран», в ходе которой была взята в губительное «кольцо» хваленая 6-я армия будущего фельдмаршала Паулюса вместе с подразделениями её союзников-сателлитов.

¹ Фомичев С.К., Гладыш С.А. Прорыв обороны противника 293-й и 76-й стрелковыми дивизиями 21-й армии Юго-Западного фронта в битве под Сталинградом (ноябрь 1942 г.) / С.К. Фомичев, С.А. Гладыш // Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями. По опыту Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – М., 1957. – С. 15.

² ЦАМО РФ, ф. 1169, оп. 1, д. 23, л. 2.

³ Цит. по: Жуков Г.К. Подготовка к наступлению / Г.К. Жуков // Сталинград: уроки истории: Воспоминания участников битвы. – 2-е изд. – М., 1980. – С. 103.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 27, л. 39.

⁵ ЦАМО РФ, ф. 1163, оп. 1, д. 47, л. 89.

⁶ Там же, л. 88.

⁷ Там же, л. 80.

⁸ Там же, л. 82.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 1197, оп. 1, л. 24-25.

¹⁰ Там же, л. 26.

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 27, л. 47-48.

¹² ЦАМО РФ, ф. 1647, оп. 1, д. 25, л. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 27, л. 50.

¹⁵ Там же, л. 50-51.

¹⁶ Там же, л. 54.

¹⁷ Филоненко С.И. Гибель румынских армий под Сталинградом // Центральное Черноземье России в годы Великой Отечественной войны: Межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж, 2000. – С. 60.

**План Маршалла и его влияние на образ Европы
в руководстве Социал-демократической партии Германии
в 1947 – 1948 гг.**

5 июня 1947 г. Госсекретарь США Джордж Маршалл выступил на Конгрессе с предложением об оказании финансовой помощи европейским странам для восстановления экономики. Его план вызвал острые споры между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. СССР отказался от участия в программе восстановления. Причиной стало требование об открытии ресурсов участвующих в программе стран. Москва оценила план как стремление вмешаться во внутренние дела европейских государств, навязать им свою программу действий и, таким образом, поставить их экономику в зависимость от интересов США. Под давлением Советского Союза от участия в реализации плана отказались и страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

План Маршалла стал серьезным вызовом для германской социал-демократии. Условия, по которым правительство США было готово предоставлять кредиты, затрагивали важнейшие требования германских социал-демократов о социализации ключевых отраслей промышленности и рыночной экономике, построенной на основе планирования¹. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) оказалась перед дилеммой. В случае поддержки плана Маршалла теряла актуальность концепция о возможности развития Германии по «третьему пути» так долго лелеемая германскими социал-демократами в годы войны². С другой стороны, маловероятным представлялось и эффективное сопротивление. Во-первых, социал-демократы не были готовы к решительным действиям (по крайней мере, в источниках нет призывов к борьбе). Во-вторых, борьбу в западных зонах можно было вести только вместе с профсоюзами. А их значительно больше интересовало улучшение бедственного положения населения, чем политические разногласия. В третьих, у социал-демократов не было четкой идеологической концепции, чтобы в случае отказа от помощи США разъяснить массам возможные негативные экономические и политические последствия реализации плана Маршалла³.

Предложение Госсекретаря США обсуждалось на Нюрнбергском съезде партии, проходившем с 29 июня по 2 июля 1947 г. Выступая на нем 29 июня, председатель СДПГ Курт Шумахер в докладе «Германия

и Европа» дал принципиальную оценку плана Маршалла Правлением партии. Он назвал себя сторонником общего социально-экономического развития европейских стран с «отчетливой тенденцией к социализму», который, однако, защищает права и свободы личности: «Мы являемся сторонниками демократического социализма как одной из крупных политических систем. Осуществить этот порядок в мире – обязанность всех европейцев, это – обязанность всех европейских социалистов»⁴.

По мнению Шумахера – прогрессивна только Европа, готовая к сотрудничеству. Он отвергал идею самодостаточности Европы и политику автаркии европейского континента. С его точки зрения строить Европу необходимо с помощью «творческой дискуссии с... великими идеями и примерами»⁵. Но наряду с этим философским рассмотрением будущего не стоит забывать о вещах практических, об элементарном выживании в Европе: «Мы не можем бороться за соперничество идеологий. Мы должны считаться с реалиями жизни». Здесь, с точки зрения Шумахера, план Маршалла предлагал отправную точку для успешного преодоления экономического кризиса. Позицию коммунистов – план Маршалла означает «экспорт капитала с империалистическими целями», для того чтобы разгрузить перенасыщенный американский рынок и смягчить начавшийся кризис перепроизводства и оценку американских кредитов как «империализм доллара» и «воинствующую акцию американского монополистического капитализма»⁶ – председатель партии охарактеризовал как «ошибочную и пагубную. Пока в Европе голодает более ста миллионов человек, никто не имеет права впадать в подобные агитационные лозунги». По его мнению, Америка – единственная держава мира, которая может предоставить кредиты, продукты питания и сырье в разрушенную Европу: «Лучше избежать крупного кризиса, чем его вызвать а потом пытаться извлечь из него политическую выгоду. Мы в Германии имеем особый опыт к чему приводит обнищание, и мы должны держаться подальше от любой революционной романтики обнищания [масс – Е.Б.]»⁷.

По мнению Шумахера американская помощь должна усилить европейскую активность. Но Америка не должна пытаться «навязать Европе экономический и общественный пример Соединенных Штатов». О возможных негативных последствиях реализации плана Маршалла (например, вывоз сырья и демонтаж предприятий) докладчик не упомянул. Более того, он подчеркнул гуманитарный аспект американской программы помощи, необходимость сотрудничества народов Европы и сослался на заявление

Госсекретаря, что план будет финансировать не только отдельные страны. Для него было важно, что программа открыта для Советского Союза и восточноевропейских государств: «План такого масштаба – это не только бизнес-план. Проект такого огромного размаха всегда часть истинной помощи и ответственности перед миром и за мир... США сделали это предложение всей Европе и России. Это иллюстрация к насущному вопросу, который мы, социал-демократы, ставим так: Европа возможна вместе с Россией, лучше всего, чтобы Европа и Россия были вместе, но Европа и Германия не могут быть русскими»⁸. Шумахер еще надеялся на то, что, несмотря на провал Московской конференции совета министров иностранных дел, еще можно преодолеть раскол мира и Европы на два лагеря. Эта надежда относилась и к остававшемуся открытым германскому вопросу.

В соответствии с планом Маршалла Шумахер видел задачу Экономического совета Бизонии в предотвращении партикуляристских тенденций в экономической политике. Именно в этом отношении особенно необходима помощь оккупационных держав: с одной стороны, для изменения оккупационной политики и, с другой стороны, для повышения эффективности американской помощи. Но и сами европейцы не должны быть пассивными: «США предлагают оздоровить Европу с помощью экономических кредитов... С нашей точки зрения обязанность всех демократических социалистов в каждой европейской стране поприветствовать эту помощь хорошими и обоснованными аргументами и подсказать этой помощи как она должна распространяться на европейском пространстве и в каждой особой ситуации конкретной европейской страны. Американская помощь вынуждает народы Европы сближаться друг с другом»⁹.

Далее он подробно охарактеризовал свою «концепцию магнита». Бизонию, необходимо сделать настолько привлекательной, что от нее будет исходить неотразимый магнетизм, и это станет первым шагом к объединению всех зон: «Если мы хотим иметь сильную Бизонию, то должны учитывать не только немецкий народ в западных зонах, но и – даже в первую очередь – считаться с немецким народом в восточной зоне. Объединение зон экономически возможно и представимо только тогда, когда запад достаточно силен для того, чтобы при воссоединении заполнить экономический вакуум в восточной зоне»¹⁰.

Дискуссию о будущем Европы Шумахер назвал «поиском смысла жизни» после «периода бессмысленного прозябания». При этом он четко осознавал пассивную роль Германии. «Мы не можем выбирать форму Соединенных Штатов Европы», а «можем... только

индуктивно и экспериментально пройти путь реальных возможностей». Европа должна найти общий «культурный и общественный стиль» для того, чтобы эта новая Европа могла бы конституироваться на «новом уровне». Основой для нее должны стать реальные факты, а не абстрактные мечты. Шумахер считал, что тенденции к интеграции европейского континента уже имеются в наличии. Идеалом для него была демократическая и социалистическая Европа с обязательным условием единства в социальной и экономической сферах: «Для нас, несмотря на все национально-государственные и национально-экономические эксцессы, в Европе важна общая социальная и экономическая сущность европейских государств с отчетливой тенденцией к социализму. В этом смысле Европу можно рассматривать как грядущее целое. Мы должны уверенно сказать: образ жизни, культурная и экономическая форма этого континента – это демократический, утверждающий права свободной личности социализм»¹¹.

В заключительной дискуссии других мнений не прозвучало. План Маршалла упоминался в выступлениях лишь нескольких ораторов¹². Проблемы демонтажа, отношения к репарациям, стимулирования экспорта, ценообразования и формирования заработной платы, социализации, земельной и валютной реформ обсуждались без учета плана Маршалла. Председатель съезда Э.Олленхауэр даже напомнил делегатам о теме доклада Шумахера и попросил «высказать свое мнение по общим, поднятым в докладе политическим проблемам и не вдаваться настолько в частности»¹³.

По итогам обсуждения доклада Шумахера съезд партии единогласно принял резолюцию, предложенную 28 июня Правлением, что «в итоге успех широко задуманной акции помощи США измученной Европе зависит от темпа и интенсивности помощи»¹⁴. В целом, в документе американская помощь приветствовалась. Выйдя за рамки собственно социал-демократических целевых установок, СДПГ надеялась на то, что «крепнущая, поддерживаемая широкими слоями населения экономика будет излучать притяжение, которое приведет к достижению экономического и политического единства Германии»¹⁵. По мнению делегатов съезда, без помощи победителей, только собственными силами Германия не сможет восстановить свою экономику и свою национальную жизнь. Однако, предоставление помощи в виде милостыни вступит в противоречие с жизнелюбием и самоуважением немецкого народа. Поэтому материальная помощь должна быть оказана в такой форме и в таком объеме, а также в таком темпе, что она станет толчком для резкого увеличения объемов

производства германской продукции, которая будет удовлетворять потребности немцев и их соседей. В план Маршалла Германия должна быть включена как полноценный субъект, а не как объект. Для этого необходимо – обеспечение продовольствием, обширные финансовые и сырьевые кредиты, мораторий на вывоз древесины и угля, прекращение демонтажа предприятий, производящих мирную продукцию, возможность экспорта германских изделий высокого качества¹⁶.

За исключением документа, принятого в Нюрнберге, других официальных оценок плана Маршалла социал-демократической партией неизвестно¹⁷. В источниках упоминается, что Курт Шумахер заказал ведущему специалисту СДПГ Францу Зойме и сотрудникам германского института научных экономических исследований в Берлине исследование о роли Германии и «возможности и необходимости самостоятельной социал-демократической политики» в связи с планом Маршалла¹⁸. Однако, в изученных документах результаты этих работ не нашли отражения.

В решении о плане Маршалла, принятом социал-демократической партией на съезде в Нюрнберге, с одной стороны, американская помощь приветствовалась, с другой стороны, звучали надежды на реализацию концепции «третьего пути». Однако, это был самообман. Германская социал-демократия не смогла решиться выступить против плана Маршалла. С учетом трудной продовольственной ситуации зимой 1947/48 гг. для социал-демократии объединение западных зон, безусловно, было важнейшим из всех политических решений, чтобы «суметь преодолеть проявления паралича в экономике и снабжении по меньшей мере в этой части Германии»¹⁹. С другой стороны, для социал-демократии и К. Шумахера «германский вопрос» на долгое время стал «стратегически спорным вопросом». Неудачи конференций союзников по германскому вопросу приводили СДПГ к мысли, что воссоединение всех оккупационных зон маловероятно. Разновидностью идеи «третьего пути» и стала «теория магнита» К.Шумахера, стремление сделать три западных зоны «магнитом» для восточной. Ведущие социал-демократы постоянно стремились подчеркивать, что будущее объединение западных зон является временным и СДПГ не стремится создать отдельное западное государство.

22 июля 1947 г. прошло заседание Экономического совета Бизонии²⁰, посвященное плану Маршалла. От имени всех германских партий (за исключением коммунистов) председатель совета Х. Кёллер (ХДС) приветствовал «план Маршалла как проявление стремления в

первый раз осуществить солидарность народов в экономике». Кёллер выразил надежду, что «ради будущего Европы найдутся пути, чтобы на основе этого плана обеспечить единую деятельность всех европейских народов». Однако он подчеркнул: «Для органичного включения Германии в восстановление Европы представляется необходимым участие немецких специалистов из *всех* оккупационных зон в разработке планов»²¹.

Социал-демократы также считали, что для здорового экономического развития нужно создать центральное управление из немцев в качестве предварительного этапа немецкого демократического правительства. Однако, по их мнению, Экономический совет двух зон не может принимать решения по общегерманским проблемам. Это может решать только общий немецкий представительный орган. Даже если экономическое и правовое преобразование западных зон неизбежно, необходимо предпринимать только временные меры²².

7-8 августа 1947 г. на заседании Правления СДПГ в Ганновере еще раз состоялась короткая дискуссия по поводу плана Маршалла. В своем выступлении К. Шумахер четко указал на заинтересованность американцев в плане Маршалла и на противоречия между планом восстановления и происходящим демонтажем промышленности. Премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштиния Андреас Гайк выступил против политики демонтажа, проводимой оккупационными державами. План Маршалла, по его мнению, «закрепляет разделение запад-восток, что является большой опасностью»²³. Решения приняты не были, и тема плана Маршалла оставалась в дальнейшем подчиненной в дискуссиях правления партии. В статье «Нет Европы без Великобритании», опубликованной 20 августа 1947 г., Шумахер предупреждал о «диктаторском тоталитаризме» России и подчеркивал, что европейские народы должны «противопоставить свою собственную точку зрения претензиям востока и пытаться управлять жизненно важной американской инициативой»²⁴.

Во время поездки в США осенью 1947 г. Шумахер еще раз вернулся к своим размышлениям по поводу плана Маршалла. Выступая 14 октября 1947 г. на конгрессе в Сан-Франциско, посвященном юбилею Американской Федерации труда, он говорил об общей судьбе Европы и о том, что «устаревшие политико-экономические структуры» не позволяют европейскому континенту «использовать эту общность». Далее он заявил: «То, что план Маршалла вынуждает европейские народы к сближению – одно из самых сильных преимуществ. Наиболее важно – сближение

французов и немцев. Отношения Франция – Германия – показатель экономического разума... Чуть раньше или чуть позже вопросы импорта и экспорта Европы будут регулироваться с учетом европейской точки зрения, а не конкурирующими платежными балансами». Имея в виду политику Советского Союза, Шумахер констатировал, «что нельзя перенести условия собственной страны на другую высокоразвитую страну». «Захват Германии коммунистами» он считал «сильнейшей угрозой миру во всем мире»²⁵. Несколькими днями раньше, 10 октября Шумахер подчеркивал: «Коммунизм уже давно не является основным принципом перестройки социальных условий в Германии, в Европе или в какой-то другой части мира. Коммунизм сегодня – политический силовой принцип экспансивного национального государства»²⁶. Таким образом, Шумахер исключал из новой Европы государства с прокоммунистическими режимами.

Следует отметить, что отзывы представителей СДПГ о плане Маршалла довольно немногочисленны. На страницах партийной прессы («Дас социалистише Ярхундерт», «Нойер Форвертс», «Гайст унд тат» или «Социал-демократ») программа восстановления Европы с помощью США почти не обсуждалась. Нет анализа плана Маршалла и возможных последствий его реализации и в трудах ведущих политиков-экономистов СДПГ – Виктора Агарца, Эрика Нёльтинга, Херманна Файта, Рудольфа Цорна.

Более критично к американской программе помощи были настроены два авторитетных социал-демократа – Отто Бах и Фритц Штернберг. В статье «О плане Маршалла» О. Бах согласился с доводами американцев, что без финансовой помощи недостаточная платежеспособность будет иметь деморализующие последствия для населения и это, в свою очередь, может привести к серьезным социальным и политическим потрясениям. Однако автор публикации подчеркнул, что Госсекретарь США, безусловно, учитывал последствия, которые возникнут для американской экономики в случае кризиса в Европе. Учитывая противоречия между победителями, он призвал коллег осторожно подходить к проекту: «В искаженном образе, возникшем из-за столкновения интересов и развязывания политических страстей, довольно трудно распознать истинную ценность, экономическое и социальное значение помощи США»²⁷.

О.Бах категорически выступал против точки зрения ряда депутатов Конгресса США, полагавших, что США должны предоставлять помощь по плану Маршалла не европейским правительствам, а непосредственно частным предпринимателям.

Подобную позицию он сравнивал с роковой политикой займов, проводимой Имперским Банком в эпоху Веймарской республики, выделявшим в первую очередь кредиты крупным монополиям.

В разработке плана, охватывавшего всю Европу, Бах видел символ возникновения не только понятия «европейская экономика», но и растущее осознание того, что «эта экономика может развиваться только в рамках экономического планирования». Сожалея о расколе Германии и Европы, политик подчеркивал, что план Маршалла для немецкой экономики является незаменимой помощью, но не «окончательным решением»²⁸. По его мнению, экономическое будущее Германии зависит от наличия спроса на германскую промышленную продукцию в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. В свою очередь, семьдесят миллионов немцев являются потребителями сельскохозяйственной продукции этих стран. Поэтому программа США может стать мостиком для экономического партнерства этих государств, которое пока недостижимо из-за политических причин. В связи с тем, что восточная и западная Европа экономически дополняют друг друга, развитие производства в западноевропейских странах, включая и Германию, будет иметь следствием не только стимул, но и потребность в усиленной торговле с востоком.

Бах поддерживал идею замены помощи отдельным странам Европы плановой экономической концепцией, охватывающей весь континент: «Необходимость планирования... я, как социалист, могу только приветствовать. Те, кто считает, что социалисты должны остерегаться плана, предложенного капиталистическим государством,... абсолютно не понимают законов общественного развития, которые отражаются уже в самой необходимости планирования»²⁹.

План Маршалла являлся для Баха доказательством того, что развитие экономики и общества рано или поздно приведет к установлению социализма, так как с чисто предпринимательской точки зрения проект Госсекретаря США – сделка неприбыльная. Весьма сомнительно, что кредит будет погашен полностью. Однако для американских кредиторов важна не финансово-политическая сторона, а осознание того, что американская экономика уже сегодня должна заблаговременно готовиться к грядущему кризису. Рассматривать ли план Маршалла только как финансирование экспорта или видеть в нем глубокий экономический и общественный эффект, очевидно, что благополучие американской нации неразрывно связано с благополучием Европы: «В основе плана Маршалла

находится не частнокапиталистический образ мыслей, а идея об общем благе американского народа... социального единения. Здесь представлено изменение мотива капиталистического мышления, которое соответствует новым общественным требованиям. Этот измененный мотив находится на пути к социалистическому развитию. В этом проявляется серьезное влияние диалектического закона мировой истории»³⁰.

Идеи Отто Баха поддерживал другой специалист в экономике, авторитетный социал-демократ – Фритц Штернберг. Он полагал, что в политике США присутствует стремление восстановить Германию на базе частного капитала. В Англии и Франции эти попытки в силу политической ситуации вряд ли увенчаются успехом; Германия же может стать «лабораторией», где будет «исследоваться роль частного капитала для восстановления разрушенной экономики»³¹. Штернберг считал, что нельзя преодолеть кризисную ситуацию в Западной Германии, используя привычные капиталистические методы: «Война полностью завершила падение европейского капитализма. В Германии его основы были разрушены еще двадцатью годами ранее»³². Явным самообманом было бы думать, что возрождение свободного предпринимательства, но теперь с демократическими убеждениями, еще возможно в Германии. Однако, анализируя состав американской администрации в Германии и политические тенденции, господствующие в США в тот период, он приходил к выводу, что подобная попытка будет предпринята.

Штернберг ожидал выступления большей части немецкого народа против подобной политики из-за тесного сотрудничества крупного капитала с национал-социалистами. По его мнению, западноевропейские страны также будут недовольны тем, что восстановлением Германии с помощью американцев будет руководить группировка предпринимателей, в свое время поддерживавших Гитлера. Штернберг резко выступил против идеи восстановления германской промышленности и, прежде всего, тяжелой индустрии в Руре на основе старых частнособственнических отношений. Восстановление Германии должно происходить с помощью демократического и социалистического планирования: «Пока американская политика не понимает, что мир во всем мире не может иметь большей гарантии чем демократическая социалистическая Германия, которая встроена в европейскую плановую экономику, она [политика США – Е.Б.] не будет в состоянии, преодолеть кризис... в Германии и в Европе»³³.

Провал Лондонской конференции министров иностранных дел союзнических держав в декабре 1947 г. окончательно убедил руководство СДПГ в непреодолимости противоречий по германскому вопросу между союзниками. Еще перед ее началом в докладе на партийном комитете Э. Олленхауэр констатировал «обострение тоталитарного курса русских в восточной и юго-восточной Европе и в восточной зоне»³⁴. Теперь Шумахер выступал за концентрацию на восстановлении экономики, поэтапную реализацию плана Маршалла и объединение трех западных зон. Он требовал «приложить все усилия к экономическому восстановлению, прежде всего на западе. Последовательное проведение плана Маршалла, по его мнению, может привести к политическим последствиям, которые позволят добиться главной цели – единства Германии»³⁵. Безусловно, он понимал, что таким образом будет увеличен разрыв с восточной зоной, поэтому предлагал при решении западногерманского вопроса подчеркивать, что речь идет только о временных мерах³⁶.

С 20 по 22 марта 1948 г. в Лондоне проходила международная конференция социалистов стран, получающих помощь по плану Маршалла. В ней приняла участие и официальная делегация СДПГ. В единогласно принятой резолюции участники подтвердили, «что социалистические партии видят в европейской организации [имеется в виду Комитет по европейскому экономическому сотрудничеству (КЕЭС), на базе которого 16 апреля 1948 г. возникла Организация европейского экономического сотрудничества для восстановления и перестройки экономики западноевропейских стран на основе американской помощи – Е. Б.] не просто исполнительный орган для проведения плана Маршалла. Она должна стать базой для более тесного, постоянного сотрудничества европейских народов, которое по времени и по сути должно выходить за рамки плана Маршалла»³⁷.

Э. Олленхауэр принял участие в дискуссии и подчеркнул, что СДПГ с самого начала поддерживала идею плана Маршалла. Хотя вопрос о «Соединенных Штатах Европы» не был вынесен в повестку дня (это должно было произойти только на следующей конференции 25 апреля 1948 г. в Париже³⁸) однако в пункте 9 резолюции по поводу плана Маршалла говорилось: «Желаемое воодушевление преодоления будущих препятствий должно основываться на общей вере в единство Европы и общем стремлении ее создать. Но европейское единство не может базироваться только на экономических факторах. Оно должно воплощать духовное и интеллектуальное единство»³⁹.

В создании организации для реализации плана Маршалла авторы документа видели первый шаг на пути к становлению, по меньшей

мере, западноевропейского единства, который выходил за рамки чисто экономического сотрудничества. Однако, четко вопрос о форме этого сотрудничества не ставился, его обсуждение было запланировано на Парижскую конференцию, которая должна была состояться в апреле 1948 г. В-целом, определения заключительной резолюции по поводу будущего европейского единства оставались очень расплывчатыми. В последнем абзаце социалисты декларировали свои задачи: «Идеал европейского единства может быть спасен от коррупции реакционных политиков, если социалисты сами станут во главе движения для его осуществления»⁴⁰.

События зимы – весны 1948 г. в Чехословакии подтолкнули СДПГ к решительным действиям. В резолюции по поводу государственного переворота в Праге 9 апреля 1948 г. Правление СДПГ полностью одобрило план Маршалла и приветствовало «возможности экономической помощи, которую предоставляет принятие плана Маршалла», поддержало «решения международной конференции социалистов в Лондоне» и выступило за создание «федерации свободных народов в Соединенных Штатах Европы»⁴¹.

Фракция СДПГ в Экономическом совете Бизонии поддержала Правление по отношению к плану Маршалла. В проекте заявления к отчету председателя совета директоров Германа Пюндера «о работах по поводу плана восстановления Европы», одобренном фракцией 20 апреля 1948 г., значилось: «СДПГ поддерживает начавшееся европейское сотрудничество и обоюдную помощь, в которой она видит существенный шаг в направлении длительного мира. Содействие этому она считает одной из важнейших задач немецкой политики.

Если СДПГ отказывается от критики некоторых частей плана, хотя для такой критики имеются существенные основания, то она поступает так в ожидании, что необходимые изменения во время реализации плана будут предприняты всеми участниками с учетом общей судьбы Европы»⁴².

Таким образом, после разделения Европы на западную и восточную возникла проблема реализации идеи социализма. Социалистическая экономика, которую стремились социал-демократы создать на западе, не соответствовала идее рыночного хозяйства, как ее понимали в США. С другой стороны, экономическая ситуация была настолько трудна, что без американской поддержки восстановление производства представить себе было трудно. Однако, социал-демократы упорно настаивали на временном состоянии предпринятых мер в западной части Германии, на необходимости развития

экономики в трех зонах для скорейшего присоединения ее восточной части.

Критика плана Маршалла и его реализации, которые не всегда соответствовали экономико-политическим представлениям СДПГ, была отложена в сторону в пользу поддержки единого западноевропейского развития. Безусловно, в этом сыграли свою роль начавшаяся «холодная война» и жесткая политика СССР по отношению к восточноевропейским странам. Несмотря на опасность того, что план Маршалла может закрепить разделение Европы и, соответственно Германии, Шумахер видел «в плане Маршалла не причину, а последствия разделения». Даже после неудачи распространения плана на все европейские государства он оставался важнейшей составляющей частью «теории магнита» Шумахера для достижения единства Германии. Экономически сильная Западная Германия в экономически сильной Западной Европе, с его точки зрения, должна быть притягательна для восточной части Германии и всей Восточной Европы. Таким образом, по мнению председателя СДПГ в долгосрочной перспективе можно будет преодолеть раздел и добиться единства Германии.

Социал-демократы полагали, что в ближайшее время выявится тщетность попыток решить проблемы восстановления только капиталистическими методами. И идея планирования развития общеевропейской экономики, заложенная в проекте Маршалла, неминуемо приведет правительство и население к необходимости развития по «третьему пути».

¹ Подробнее о планах германских социал-демократов в сфере экономики в этот период см.: Потхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848-2002 / Х. Потхофф, С. Миллер.- М., 2003.- С. 195-198.

² Ehni H.-P. Sozialistische Neubauforderung und Proklamation des „Dritten Weges“ / H. Ehni // Archiv fuer Sozialgeschichte.- 13.- 1973.- S. 131-190.

³ С. Миллер и Х. Потхофф оценивают эту ситуацию так: «Возрождение партии... осуществлялось практически в теоретическом вакууме... для большей части руководящих лиц, функционеров и членов партии было характерно относительное отсутствие интереса по идеологическим вопросам...»; Потхофф Х., Миллер С. Указ. соч. - С. 191.

⁴ Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 29. Juni bis 2. Juli 1947 in Nuernberg.- Hamburg, o.J.- S. 35f.

⁵ Ibid. – S. 37.

⁶ См.: Winzer O. Der Marshall-Plan / O. Winzer.- Berlin, 1948.- S. 7f., 11f.

⁷ Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der SPD vom 29. Juni bis 2. Juli 1947 in Nuernberg.- Hamburg, o.J.- S. 35f.

⁸ Ibid. – S. 39.

⁹ Ibid. – S. 35f.

¹⁰ Ibid. – S. 35f.

¹¹ Ibid. – S. 37.

- ¹² Всего в дискуссии приняли участие 12 ораторов. Только четверо из них коснулись тематики Европы, плана Маршалла и международных отношений: Ibid. – S. 66-86.
- ¹³ Ibid. – S. 73.
- ¹⁴ Резолюция «Германия и Европа»: Ibid. – S. 224. Проект резолюции был принят 28 июня на заседании Правления партии: AdsD PV/Protokolle 1947.
- ¹⁵ Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der SPD vom 29. Juni bis 2. Juli 1947 in Nuernberg.- Hamburg, o.J.- S. 224.
- ¹⁶ Ibid. – S. 255ff.
- ¹⁷ Подробнее см.: Ehni H.-P. Die Reaktion der SPD auf den Marshall-Plan // hrsg. Haberl O.N., Niethammer L. Der Marshall-Plan und die europäische Linke.- Fr/M, 1986.- S. 222.
- ¹⁸ ADsD, L 17, Wirtschaftspolitik. Ruhrstatut. Demontagen. Reparationen. Konzernentflechtung 1946-1949. Kurt Schumacher an Franz Seume, 27.8.1948.
- ¹⁹ Turmwaechter der Demokratie. Ein Lebensbild von Kurt Schumacher / Hrsg. Scholz A., Oschilewski G.- Bd. I. Sein Weg durch die Zeit. Kurt Schumachers Leben und Leistung. - Berlin, 1952.- S. 74.
- ²⁰ Подробнее об Экономическом совете Бизонии см.: Потхофф X., Миллер С. Указ. соч.- С. 200-201, 455.
- ²¹ Woertlicher Bericht ueber Verhandlungen des Wirtschaftsrates des Vereinigten Wirtschaftsgebietes.- Wiesbaden, 1947.- Nr. 2 vom 22.7.1947
- ²² См.: Hartwich H.H. Sozialstaatspostulat und gesellschaftlicher status quo / H.H. Hartwich.- Koeln, Opladen, 1970.- S. 18; Soergel W. Konsensus und Interessen. Eine Studie zur Entstehung des Grundgesetzes fuer die Bundesrepublik Deutschland / W. Soergel.- Stuttgart, 1969. – S. 55.
- ²³ Протокол заседания правления партии 7-8 августа 1947 в Ганновере: AdsD PV/Protokolle 1947.
- ²⁴ Статья «Нет Европы без Великобритании» от 20 августа 1947 года: Turmwaechter der Demokratie. Ein Lebensbild von Kurt Schumacher / Hrsg. Scholz A., Oschilewski G. - Band II. Reden und Schriften.- Berlin, 1953.- S. 436.
- ²⁵ Albrecht W. Kurt Schumacher. Reden – Schriften – Korrespondenzen 1945-1952.- Berlin, Bonn, 1985.- S. 565-567.
- ²⁶ Ibid. – S. 567, Anmerkung 38.
- ²⁷ Bach O. Um den Marshall-Plan / O. Bach // Sozialistische Jahrhundert.- 1948.- 2.- S. 135.
- ²⁸ Ibid. – S. 136.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. – S. 137.
- ³¹ Sternberg F. Um den Marshallplan / F. Sternberg // Neuer Vorwarts. - 2.10.1948.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Тезисы доклада Олленхауэра на совместном заседании партийного комитета, контрольной комиссии и Правления партии 15 ноября 1947 г. в Бремене: AdsD PV/Protokolle 1947.
- ³⁵ Так Шумакер писал в «Социал-демократ» 7 декабря 1947 г., Берлин. Цит. по: Turmwaechter der Demokratie. Ein Lebensbild von Kurt Schumacher.- Band I. - S. 155.
- ³⁶ Ibid. - S. 150.
- ³⁷ Отчет о конференции в Лондоне посвященной плану Маршалла: AdsD O 1621 (PV Bestand M1, SI).
- ³⁸ В решении звучало: «Конференция поддерживает инициативу СФИО пригласить социалистические партии в Париж 25 апреля 1948 г., чтобы определить свою политику и скоординировать усилия на создании Соединенных Штатов Европы». «Заявление 14 социалистических партий по поводу программы восстановления Европы: AdsD O 1621 (PV Bestand M 1, SI).
- ³⁹ «Заявление 14 социалистических партий по поводу программы восстановления Европы»: AdsD O 1621 (PV Bestand M 1, SI).
- ⁴⁰ Ibid. См. подробнее также: Loth W. Sozialismus und Internationalismus. Die franzoesischen Sozialsten und die Nachkriegsordnung Europas 1940-1950.- Stuttgart, 1977.- S. 201-206.
- ⁴¹ Резолюция Правления партии от 9 апреля 1948 г. Опубликовано в: SPD-Jahrbuch 1948/1949.- S. 129.
- ⁴² Woertliche Berichte und Drucksachen des Wirtschaftsrates des Vereinigten Wirtschaftsgebietes 1947-1949 / hrsg. vom Institut fuer Zeitgeschichte und dem Deutschen Bundestag. Wissenschaftliche Dienste. – Bd. 2. – Muenchen, Wien, 1977.- S. 484. Заявление было сделано Гербертом Кридеманом 22 апреля 1948 г.

Роль институтов гражданского общества в современной системе международных отношений

Все возрастающая в современном мире роль институтов гражданского общества, в том числе их влияние на характер международных отношений, привлекает внимание широких кругов научной общественности к осмыслению их роли и вклада в развитие современного общества. Происходящий в современном мире рост политической активности широких слоев населения объясняется множеством социальных, экономических, гуманитарных и экологических проблем, разрешение которых правительствами осуществляется крайне неэффективно, что и побуждает общественность к самоорганизации и активному участию во всех сферах жизни мирового сообщества. По данным авторов книги «Глобальное гражданское общество», к 2000г, в мире насчитывалось свыше 37 тысяч неправительственных организаций (против 31 тысячи в 1990г.). Почти четверть из них (9,5 тыс.) специализировалась на вопросах экономического развития и социальной инфраструктуры, другие (12тысяч) занимались исследовательской, правозащитной и природоохранной деятельностью, активность третьих (8 тысяч) распространялась на сферы социальных услуг, здравоохранения и образования.

Число постоянных членов глобальных НПО выросло со 148 тысяч в 1990г. До 255 тыс. в 2000г., то есть более чем на 70%,¹. Инициативная информационно-просветительская, законотворческая и регулирующая функции организаций гражданского общества в сфере международных отношений признаются мировым сообществом, ООН и другими международными организациями. По мнению Т.Д. Матвеевой², увеличение количества организаций гражданского общества в конце XX-го века и тенденции их дальнейшего роста обусловлены целым комплексом причин, таких как: появление глобальных проблем; усиление демократических процессов в сфере внутренних и международных отношений, институциональным выражением которых являются неправительственные организации; трансформация в сфере национальных интересов государств: движение от государственных интересов к общечеловеческим ценностям, таким как права человека и защита окружающей среды; недостаточные возможности отдельных государств и международных правительственных организаций для их решения; возрастающее

желание индивидуумов увеличить контроль над процессом принятия решений в вопросах, которые затрагивают их жизненные интересы (защита окружающей среды, экономическое и политическое развитие, права человека); расширение возможностей трансграничных связей и деятельности общественности разных стран, возможностей технологического прогресса.

В категорию организаций гражданского общества в целом включаются самые различные общественные структуры – от небольших групп неформалов до крупных общественных объединений и движений, возникающих не по воле власти, а по инициативе общественности. Как правило, в качестве основного вида институтов гражданского общества рассматривают неправительственные организации. Неправительственные организации существуют во всем мире. Их основными атрибутами является независимость от власти, демократические принципы построения и четко определенные программы действий. Главная особенность НПО – самоорганизация. Это означает, что организация создается по инициативе отдельных лиц или группы граждан, а не правительства или государственных органов. НПО носят некоммерческий характер, их финансирование осуществляется за счет взносов членов организаций, пожертвований и др. источников. В отличие от правительственных учреждений НПО ведут свою деятельность на добровольных началах.

Этот важный принцип обязательно закрепляется в Уставе организации. Различные по структуре, количественному составу и конкретным задачам, все они объединены, стремлением изменить мир в сторону справедливости и гуманности, искоренить практику угнетения и насилия, бесправия и эксплуатации. Таким образом, создаваемые в демократических государствах НПО в целом имеют ряд общих функций. Это, в частности: выражение запросов граждан; поощрение свободы выражения мнения; вовлечение общественности в демократические процессы; защита прав человека; мобилизация общественности на участие в демократических процессах; предупреждение о насущных проблемах как национального, так и международного характера; средство защиты от государства и рынка; выполнение роли посредника между отдельным человеком и властью, выражающееся в представлении и защите интересов наиболее уязвимых с точки зрения нарушения прав.

Нередко неправительственные организации характеризуются как естественная самозащита людей от государственной власти, своеобразный защитный слой между государством и личностью. «Для

того, чтобы люди оставались или становились цивилизованными, необходимо, чтобы их умение объединяться в союзы развивалось и совершенствовалось с той же самой быстротой, с какой среди них устанавливается равенство условий существования» - считал один из основателей феномена демократии Алексис де Токвиль³. Наука и практика подтвердили предсказанную более столетия назад роль общественных организаций в функционировании гражданского общества и обеспечении социальной безопасности.

В последние годы происходит постоянное углубление сотрудничества между неправительственными организациями, занимающимися самой различной проблематикой (гуманитарные вопросы, права человека, экология, медицина, социальное развитие и т.д.) Неправительственные организации начинают играть роль важнейших субъектов **«глобального гражданского общества»**. Глобальное гражданское общество - это гражданское общество, вышедшее за пределы национальных государств и действующее в международном масштабе, объединяя в своих сетях и организациях представителей разных стран и направляя свою активность на сферу глобального общественного блага, то есть на преодоление последствий стихийных бедствий, предотвращение гуманитарных конфликтов и катастроф, борьбу с эпидемиями, решение проблем экологии, защиту прав человека. Главное структурное звено национальных гражданских обществ - неправительственные организации (НПО) - трансформируются в глобальном формате в международные общественные организации. Примером подобной трансформации является процесс становления мощной и влиятельной правозащитной организации **«Международная амнистия»** (Amnesty International), которая начала свою историю с небольшой британской НПО, инициированной английским адвокатом Питером Бененсоном в 1961 году в Лондоне. Сегодня **«Международная амнистия»** с секретариатом в Лондоне, в штат которого входят 320 сотрудников, охватывает сеть до 1 млн. членов, волонтеров в более чем в 140 странах мира⁴. Среди международных общественных организаций следует назвать такие известные и не ограниченные национальными границами институты, как **«Врачи без границ»**, **«Репортеры без границ»**, мощные экологические организации **«Зеленый мир»** (Greenpeace) и **«Друзья планеты»** (Friends of the Earth International), международная антикоррупционная организация **«Международная прозрачность»** (Transparency International), правозащитные международные организации такие как **«Хьюман Райтс Вотч»** (Human

Rights Watch), а также международная гуманитарная организация «Oxfam».

Международные неправительственные организации уже имеют собственные сетевые и организационные структуры, в частности «Союз международных ассоциаций» (Union of International Associations) и «Мировой альянс гражданского участия» (World Alliance for Citizen Participation—CIVICUS). Они активно сотрудничают с ООН, а некоторые из них имеют консультативный статус и статус наблюдателей при этой международной организации. Впечатляют и масштабы финансового обеспечения деятельности международных неправительственных организаций. В общей сложности международные неправительственные организации оперируют в своей деятельности более мощным финансовым потоком, нежели ООН (без таких структурных подразделений, как Мировой банк и Международный валютный фонд); свыше двух третей фонда экономической помощи Европейского Союза распределяется через эти организации и во многих развитых странах мира наблюдается тенденция все большего использования государственных фондов в осуществлении целевых программ международной помощи через сети национальных и международных неправительственных организаций. С начала 2000-х годов ежегодный размер целевых средств по программам экономической помощи, которые распределялись международными неправительственными организациями, составлял около 7 млрд. американских долларов⁵.

Важнейшим показателем усиления влияния международных НПО является их участие в представительных международных конференциях, посвященных самому различному спектру проблем, от защиты прав человека до экологической безопасности. В последнее время самым крупным форумом для встреч международных НПО стал форум «Гражданской Восьмерки» проходящий в преддверии саммитов лидеров ведущих индустриальных стран мира. Самая представительная по количеству участников встреча «Гражданской Восьмерки» состоялась 4 июля 2006-го года в Москве.

Делегаты, представлявшие крупнейшие международные неправительственные организации, в сотрудничестве с российскими НПО, провели серию круглых столов посвященных самым актуальным проблемам мирового развития и выработали свои рекомендации, по вопросам: «Миграция, ксенофобия и расовая дискриминация», «Гражданский контроль над правоохранительными органами и пенитенциарной системой», «Противодействие терроризму, вооруженные конфликты и права человека»,

«Неправительственные организации и органы государственной власти: законодательство и практика взаимодействия. Мировой опыт», для обсуждения главами государств-участников саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Бесспорным свидетельством возрастания роли всемирного саммита НПО стало участие в его работе президента РФ Владимира Путина.

Все вышеперечисленные факты, бесспорно, указывают на то, что влияние институтов гражданского общества на мировое развитие неуклонно возрастает и они становятся полноправными субъектами современной системы международных отношений.

¹ Anheir H., Classias M., Caldor M. *Global Civil Society*/ H. Anheir, M. Classias, M.Caldor. – London. 2001. - P. 25-26.

² Матвеева Т.Д. По зову сердца, а не по долгу службы. Неправительственные организации в защите прав человека: Международная практика и опыт России/ Т.Д.Матвеева. - М.1998.- С. 13.

³ Алексис де Токвиль. О роли объединений в общественной жизни американцев /де Токвиль Алексис.- М.1992.-С.378.

⁴ Anheier H., Themudo N. *Organizational Forms of Global Civil Society: Implications of Going Global* / M.Glassias, M.Caldor, H. Anheir. (eds.). *Global Civil Society* 2002. - Oxford, 2002. — P.193.

⁵ Keane J. *Global Civil Society* / J. Keane. - Cambridge, 2003. - P. 5.

**«Мы не страшились никаких преград»
(штрихи биографии сотрудника Коминтерна
и автора книг на международные темы А.А. Смирнова)**

Изучение истории международных отношений ныне нередко сводится к анализу событий мега-масштаба: войны, межгосударственные конфликты, мотивы союзничества держав, летопись дипломатии и т.д. Однако не следует забывать о том, что всегда и везде существовал макроуровень: стратегические вопросы решались на стыке интересов различных ведомств, далеко не все заявленные проекты реализовывались, а в безликой череде профессионалов-исполнителей являлись миру незаурядные личности.

Эти размышления невольно возникают, когда задумываешься о международной обстановке 1930-х годов. Между планетарным кризисом и мировой войной как в тисках были зажаты непростые годы, полные опасностей и иллюзий, замысловатой политической интриги, разнополярных действий и устремлений. Одна из интересных фигур международной деятельности СССР в этот период – личность сотрудника Коминтерна, автора ряда книг на международные темы А.А. Смирнова.

Александр Александрович Смирнов родился в городе Орле 2 апреля 1904 года. В 15 мальчишеских лет, когда в Центральной России шли ожесточённые бои с белогвардейцами, Смирнов ушёл в Красную Армию и прослужил в ней семь месяцев. В армии вступил в комсомол, а по окончании гражданской войны был уволен «в запас», пошёл учиться на рабфак.

Как выходца из интеллигентной семьи в юности его увлекало скаутское движение – в самые первые годы диктатуры большевиков оно ещё не попало под запрет. В начале 1920-х в Орле не было иных подростковых организаций, кроме отряда скаутов. Именно в это время предпринимались попытки приспособить методику скаутинга к задачам советской власти: велась подготовка допризывной молодёжи при Всеобуче, организовывались отряды юных коммунистов-скаутов и красных скаутов, наметилась тенденция к объединению скаутов во всероссийском масштабе. Если РКСМ стремился ликвидировать все скаутские организации, то Наркомпрос (Н.К. Крупская, А.В. Луначарский) всё же пытался приобщить движение скаутов к решению новых задач.

18-летний Александр Смирнов как представитель Орловской губернии в 1922 году участвовал во Всероссийском совещании скаут-мастеров в Москве. Именно здесь произошло окончательное размежевание российских скаутов: наиболее многочисленная часть перешла к построению комсомольской организации, другие предпочли нелегальную работу. Лояльные новой власти скаут-мастера выступили с декларацией о детском движении в РСФСР, в основу которого они предлагали положить систему скаутинга, но освобожденного от буржуазной идеологии и наполненного новым общественно-трудовым содержанием. Также предлагали название «скауты» заменить сочетанием «юные пионеры».

Курьёзный факт: в августе 1922 года бюро ЦК РКСМ, заслушав вопрос «О совещании скаут-мастеров», обратилось в ГПУ с просьбой установить наблюдение за скаут-мастерами, участниками совещания и взять с них подписку «об отказе в дальнейшем участвовать в подобных нелегальных совещаниях и деятельности». Однако, как показали последующие годы, именно традиционные формы работы скаутов легли в основу создания пионерских отрядов, а скаут-мастера стали первыми вожатыми.

Так и Александр Смирнов не попал под надзор ГПУ, а вполне легально занялся организацией пионерского движения на Орловщине. На первых порах орловские скауты стали именовать себя пионерской дружиной, но комсомольцы быстро «разоблачили» их. Дружину распустили, однако скауты ещё какое-то время собирались тайком. В ноябре 1922 года в Орле было созвано первое заседание Губдетбюро, которое возглавил 20-летний Виктор Хохлов, а уже в марте 1923 года это бюро назначило командиром пионерской дружины Александра Смирнова. 1 апреля состоялся «День открытия» дружины. Один из участников того незабываемого события писал: «Заснув в эту ночь крепким сном, большинство пионеров видело полыхающий костёр, Шуру Смирнова, говорящего о лагере, и будущую нашу организацию в количестве нескольких сотен человек»¹.

Стремительно нарастала политизация детского движения («Мы не страшились никаких преград. Нашей главной задачей было организовать и воспитать в классовом духе детей трудящихся», - писал Смирнов впоследствии). Как показывает практика середины 1920-х годов, опорной осью организационной работы с детьми и молодёжью стало проведение международных юношеских недель (дней). Так, например, в июле 1923 года стартовала III Международная детская неделя. К её началу был приурочен выпуск разовой газеты «Юный пионер» (одна из первых в стране пионерских

газет). В обращении Орловского губкома РКП(б) к читателям говорилось: «Вы счастливее нас. Вас много, и вы организованы. Красное знамя гордо развевается и указывает вам цель стремлений. Вы должны большему научиться и стать достойными нам преемниками. Готовиться же к будущему вам надо разными способами: выковывайте здоровое тело, закладывайте фундамент знаний. Выработывайте из себя граждан и будущих коммунистов. Вы станете людьми, полезными рабочему классу, а в этом только и смысл жизни!».

К IV Детской неделе (сентябрь 1924 года) выпустили «Спутник юного пионера» тиражом пять тысяч экземпляров (брошюру подготовил А. Смирнов, это была его первая книга). Тогда же орловские активисты послали лондонским пионерам знамя, значки, много литературы и писем - с этого началась интернациональная связь с детьми Запада и Востока. В рамках недели вышел в свет первый номер еженедельной губернской газеты «Красный галстук». Редактором нового издания стал Смирнов. В отчете за сентябрь-декабрь 1924 года он сообщал, что газету выписывали в Курске, Туле, Брянске, Карачеве, Рославле, был налажен обмен периодикой с десятком других пионерских редакций. В числе ближайших задач редактор назвал улучшение техники издания «Красного галстука» для того, чтобы «помещать больше хороших рисунков»².

Активная работа Александра Смирнова сделала его весьма заметным человеком в Орле – он участвовал в нескольких губернских съездах комсомола (вначале, на 3-м съезде - в качестве гостя), во 2-м губернском съезде профсоюзов. Но замаячившая на горизонте роль комсомольского или партийного функционера была явно непривлекательна для юного вожака. В одной из губкомовских анкет, отвечая на вопрос «В какой отрасли важной работы вы чувствуете себя более способным?», Смирнов дал прямой ответ: «Инструктор детдвижения».

Программа пионерской работы была весьма насыщена такими мероприятиями, агитвечера, выпуск стенгазет, экскурсии. Зимой первое время проходили «красные колядки» (пели антирелигиозные песни и частушки), «красные ёлки». Однако уже в начале 1925 года председатель губернского бюро детской коммунистической организации Смирнов был вынужден написать в Центральное бюро юных пионеров покаянное письмо по поводу состоявшихся в Орле крамольных «красных ёлок»: «Губбюро немедленно и категорично предложило всем местным организациям таковые «ёлки» совершенно не проводить»³.

По всей видимости, подобные «упущения» ещё не были основанием для оргвыводов (выговор, снятие с работы и т.д.). Будущее казалось светлым и безоблачным. К двухлетней годовщине Орловской пионерской организации А. Смирнов написал полную оптимизма книгу «Два года работы». Её заключительные слова были сродни лозунгу: «Вместе с большевистской партией, Ленинским комсомолом пойдут юные пионеры вперед, высоко неся алые Ильичёвские знамёна с великими призывными словами готовности к борьбе с насильниками, к массовой организации детей в свои звенья и отряды».

После таких публикаций способности Александра Смирнова были замечены не только на губернском уровне – в 1925 году его перевели на работу в Центральное бюро юных пионеров при ЦК комсомола. Но и здесь он не перестаёт заниматься книжной деятельностью. В 1926 году в Харькове выходят в свет две брошюры Смирнова – «Деткоры и стенгазеты» и «Октябрюта – смена пионерам», тогда же в Москве отдельным изданием вышел его рассказ «Гришка в небесах».

Ряд книг Смирнова в 1920-е годы был посвящён вопросам так называемой школьной кооперации и технического творчества: «О школьной кооперации» (Л., 1926), «Учись на опыте» (Орёл, 1927), «Что хотят юные техники и кто им поможет» (М., 1928). Но, конечно же, основная тема подготовленных им изданий – пионерское движение: «Пионерская площадка в деревне» (М.-Л., 1927), «Юные пионеры и X-летие Красной Армии» (М., 1928), «Готовьте пионерактив!» (М.-Л., 1929), «Работа комсомола среди детей» (М.-Л., 1929), «Работа пионеров в семье» (М.-Л., 1929), «Как работать с октябрютами» (М.-Л., 1929), «Антирелигиозное воспитание в пионерском отряде» (М., 1930), «Партия, комсомол и пионерское движение» (М.-Л., 1930), «Перевыборы пионерского актива» (М.-Л., 1930).

С 1930 года тематика написанных А. Смирновым книг заметно меняется: с одной стороны, она сужается (теперь он пишет в основном об интернациональной работе пионеров), с другой стороны, явно выходит за рамки чисто пионерской и школьной работы (с особым вниманием автор начинает изучать проблемы международного детского движения, положения детей за рубежом). За пять лет им были изданы более десятка книг на эту тему: «Интернациональная работа пионеров» (М., 1930), «Скаутизм без маски» (М., 1930), «Красные соколы» социал-фашизма (Детские социал-демократические организации за рубежом)» (М.-Л., 1930), «Боевое

десятилетие. Детям о МОПР» (М., 1932), «Интернациональная работа в пионеротрядах» (М., 1934), «XIV международная детская неделя» (М., 1934) и другие.

Особенно характерен интерес автора к движению скаутов. В 1932 году выходит из печати солидная книга Смирнова (288 страниц) «Скаутизм. Теория, практика системы «Скаутинг», история и современное состояние международного скаутского движения». Смена интереса автора к разработке тем будущих книг вполне понятна. С начала 1930-х годов Александр Смирнов был начальником секретного отдела Коммунистического интернационала молодежи (КИМ).

В книге о скаутизме четыре главы (которые в свою очередь разбиты на параграфы), масса таблиц, фотографий, подробных цитат из различных зарубежных источников. Завершает книгу обширный список использованной литературы. В иных обстоятельствах это была бы готовая кандидатская диссертация...

Смирнов не ограничивался очерком истории движения, которое десять лет назад дало ему самому путёвку в жизнь. Пытливо сравнивая первые итоги развития пионерского движения, автор вынужден был отказать в праве на существование традиционной детской организации: «Борьба против скаутизма – борьба политическая, классовая борьба, это борьба за революционное влияние КП и КСМ на массы детей трудящихся и пролетарского юношества. Одновременно с борьбой против скаутизма необходимо максимально усилить пропаганду детского коммунистического движения и задач коммунистов в области воспитания. В капиталистических странах ещё имеются пролетарии, находящиеся в идейном плену у социал-демократов и фашистов <...> по всем социальным вопросам: семья, воспитание, школа, религия, армия, общество и т.д. в противовес установкам буржуазного скаутинга мы должны пропагандировать наше марксистское мировоззрение»⁴.

В то же время, детально знавший практическую сторону работы с подростками, Смирнов предостерегал своих коллег по Коминтерну: «Мы не боремся против скаутов – детей трудящихся, обманутых сладкими речами и пышными мероприятиями капиталистов. Наша задача – помочь им освободиться из-под буржуазных пут: уйти из скаутских отрядов. Но для этого надо провести ряд мероприятий, обеспечивающих дальнейшую работу этих скаутов из пролетарских семей вместе с нами. В прошлом году в Германии был выброшен лозунг некоторыми комсомольскими работниками: «Бейте маленьких социал-фашистов, где их увидите!», т.е. пионеры должны были бить

«красных соколов» - детей рабочих, может быть, случайно бессознательно попавших в социал-фашистскую детскую организацию. Коммунистическая партия Германии быстро указала комсомольцам на политическую ошибочность лозунга, и он был изжит. Ясно, что подобные лозунги прежде всего на руку нашим врагам и во вред нам самим. С такими лозунгами нечего и мечтать о завоевании масс детей под знамёна деткомдвижения»⁵.

Здесь налицо скрытая полемика Смирнова с позицией Сталина, который препятствовал сближению коммунистов и социал-демократов. Сегодня понятно, что история была бы иной, если бы рабочий класс (в Германии, Австрии, других странах) с середины 1920-х годов объединился и преградил путь фашизму.

Воспитанный на идеях мировой революции, Смирнов пристально анализировал социально-политическую ситуацию в странах, пострадавших от кризиса. В 1932 году выходит из печати его книга «Мировой экономический кризис и дети трудящихся». Нет смысла её пересказывать, перечислим главы книги: «Миллионы детей охвачены цепкими ногтями голода и нужды», «Юные рабы капитала (детский труд в САСШ, Германии, Китае)», «Наступление буржуазии на народную школу», «Пролетарские дети в борьбе», «Организуем международную компанию борьбы против нужды, голода и эксплуатации детей трудящихся в странах капитала». Издание представляло собой подробный, доказательный обзор темы с массой фактов, цифр, фотографий.

Ныне очевидно, что Смирнов и его соратники были охвачены революционным оптимизмом, явно опережавшим реальность. Они забежали далеко вперёд в оценках перспектив международных событий. Лейтмотивом политической монографии «Мировой экономический кризис и дети трудящихся» была мысль о том, что логическое продолжение великой депрессии – мировая революция (вариант: мировая война, быстро перерастающая в революцию). Отсюда практические выводы, рекомендации автора о формах коминтерновской работы с подрастающим поколением: «Участие детей во всех экономических боях и выступлениях взрослых и молодёжи, стачки солидарности с бастующими рабочими в школах, участие детей в пикетах, служба связи при стачках, участие в голодных маршах, пропаганда требований бастующих рабочих пионерскими агитгруппами, борьба со штрейкбрехерством, распространение литературы, помощь Межрабпому (Международная организация рабочей помощи – дочерняя структура Коминтерна. –

А.К.) в организации питания забастовщиков и их детей, установление тесного контакта с руководством движения безработных»⁶.

По сути, в книге Смирнова речь шла о стратегии и тактике начинавшейся мировой революции. Он вынужден был ставить политические вопросы, на которые нельзя было найти ответ ни в предыдущем опыте, ни в теоретических разработках дореволюционных лет. Для развития революции, по замыслу Смирнова, требовалось охватить как можно более широкий круг юных пролетариев: «Там, где нет пионердвижения и в настоящее время нет необходимых условий для создания пионеротрядов (например, невозможно обеспечить комсомольское руководство), при профорганизациях и массовых пролетарских организациях следует создавать из числа работающих детей специальные детские секции или отделения для вовлечения детей в классовую борьбу»⁷.

По Смирнову, именно советский и никакой иной строй был ориентиром для поднимающегося рабочего класса других стран. Завершая книгу, он писал: «Растёт, закаляется в борьбе новое здоровое поколение строителей социализма. Только диктатура пролетариата обеспечивает достойное революционное воспитание и всестороннее политехническое образование подрастающего поколения. Исключительные преимущества советской системы для воспитания подрастающего поколения совершенно очевидны. Международный пролетариат и трудящиеся капиталистических стран имеют яркий пример для борьбы за своё раскрепощение от ига капитализма, за революционное воспитание детей»⁸.

В начале 1937 года Смирнова назначили на должность заместителя заведующего службой связи Исполкома Коминтерна. Эта служба выполняла основную работу в Коминтерне, располагала сетью агентов по всему миру и солидными финансовыми возможностями. Энергичный, умный, да к тому же относительно молодой руководитель, автор более 30 книг – Смирнов вполне мог сделать головокружительную карьеру в аппарате Коминтерна. И даже если не в Коминтерне, то на любом другом поприще – в обозримом будущем стать крупным учёным, педагогом или дипломатом, а, возможно, руководителем центрального издательства или областной парторганизации. Но ничего этого в судьбе Александра Смирнова уже не произошло. Он был арестован 9 октября 1937 года, его фамилия попала в печально известные «Сталинские списки», подписанные генсеком и другими членами Политбюро. Уже накануне суда те определили участь узника – расстрел. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной

шпионско-террористической организации Александр Смирнов 9 декабря 1937 года был приговорён к смертной казни. В тот же день его расстреляли на подмосковном полигоне НКВД «Коммунарка». Реабилитирован 14 марта 1956 года⁹.

Судьба Александра Смирнова стал одной из страниц «Трагедии Коминтерна». Среди жертв сталинского произвола – сотни видных деятелей Коминтерна, руководителей зарубежных компартий. Вал политических репрессий 1937 и последующих лет стал трагедией для всего мирового левого движения.

Смирнов сделал много в своей короткой жизни, но ещё больше сделать он не успел. Спустя почти восемь десятилетий, мы видим, что такие люди, как он, шли по необычайно трудному пути развития политической практики и политической философии – по пути признания, в конечном счёте, концепции мирного сотрудничества и мирного соперничества с социальными антагонистами и даже с классовым врагом. Критикуя в своих книгах Запад, Смирнов в то же время показывал читателям характерные стороны жизни в капиталистических странах, переходил от революционных лозунгов к широкому и объективному анализу явлений действительности. Его предложения по стратегии и тактике классовой борьбы, даже по прошествии многих лет, ещё могут быть востребованы в повседневной практике профсоюзной работы, в защите трудовых прав и т.д.

Публикации Смирнова – свидетельство того, как в необычайно сложных и противоречивых условиях даже в умах представителей советской элиты начинали складываться концептуальные идеи мирного сосуществования (онб сталб доминирующими в мировой политике второй половины XX века) и социального государства — политической системы, перераспределяющей материальные блага в соответствии с принципом социальной справедливости ради достойной жизни всех граждан. Книги А.А. Смирнова должны стать и обязательно станут в скором будущем предметом пристального изучения политологов, социологов, специалистов по молодёжной политике и международным отношениям.

¹ Путь смены комсомола. – Орёл, 1925. – С. 10.

² Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). ФП-1286. Оп. 1. Д. 30. Л. 155-157.

³ ГАОО. ФП-1286. Оп. 1. Д. 30. Л. 86.

⁴ Смирнов А. Скаутизм. Теория, практика системы «Скаутинг», история и современное состояние международного скаутского движения / А. Смирнов. – М., 1932. – С. 282.

⁵ Смирнов А. Скаутизм. – С. 284.

⁶ Смирнов А. Мировой экономический кризис и дети трудящихся / А. Смирнов. – М., 1932. – С. 97.

⁷ Смирнов А. Мировой экономический кризис и дети трудящихся. – С. 97.

⁸ Там же. – М., 1932. – С. 112.

⁹ Коммунарка. – (<http://www.memo.ru/memory/kommunarka>)

**Советско-британское политическое
сотрудничество в первой половине 1980-х годов:
факторы обострения двусторонних отношений**

В начале 1980-х годов отношения между Великобританией и Советским Союзом складывались противоречиво. Для каждой из этих стран развитие стабильных отношений друг с другом занимало важное место во внешнеполитическом курсе. Однако конструктивный политический диалог часто затруднялся рядом обструкций.

Начало военных действий Советского Союза в Афганистане стало событием, радикально повлиявшим на обострение международных отношений в целом и отношений между Британией и СССР. Следует отметить, что в Великобритании внимательно изучали ситуацию в Афганистане с точки зрения влияния СССР в этом регионе. Незадолго до вторжения в британском журнале «International Affairs» вышла статья члена Института Ближнего Востока Колумбийского университета Дэвида Чэффетза, в которой автор говорил о доминирующей роли Советского Союза в формировании внешней и внутренней политики Афганистана, об усилении советского влияния на экономику страны. Автор доказывал, что в последние десятилетия СССР увеличил финансовую и техническую помощь Афганистану и что политический переворот произошел не без помощи Советского Союза¹. Никаких прогнозов по поводу предполагаемого вторжения автор не делал. Из чего следует, что советская интервенция была полной неожиданностью для британских властей.

Правительство Англии расценило ввод советских войск в Афганистан как агрессию. Это усилило антисоветскую направленность политики Тэтчер. Премьер-министр немедленно отреагировала на эти события. 28 февраля 1980 года М. Тэтчер в телефонном разговоре с президентом США Дж. Картером выразила свое согласие с президентом в том, что Западу нужно немедленно реагировать на советские действия, для чего в ближайшее время планировалось созвать совет НАТО². На следующий день Тэтчер направила письмо Брежневу, в котором выражалось сомнение по поводу законности ввода войск. 51 статья устава ООН, по мнению Тэтчер, не являлась основанием для начала военных действий. «Совершенно очевидно», – писала Тэтчер, – «что Советский Союз нашел предлог чтобы навязать свою волю своему слабому соседу. ... Афганский народ имеет право сам выбирать свое правительство без

внешнего вмешательства. Советские действия ограничивают свободу афганского народа»³. Следует отметить, что Англия была не единственной западной страной, резко критиковавшей действия Советского Союза и расценивавшей ввод советских войск как агрессию. Однако исследователи отмечают, что у Англии было «особое»⁴ отношение к Афганистану. В XIX - начале XX веков Англия несколько раз пыталась захватить Афганистан и сделать эту страну своей колонией. Однако в интересах русской дипломатии XIX века было сохранение самостоятельности Афганского государства, поэтому политика России мешала дальнейшему проникновению англо-индийской армии в Афганистан. У русских были хорошие отношения с афганскими правителями, Россия помогала Афганистану деньгами и товарами. Более того, в среде английских политических деятелей было распространено мнение, что «продвижение России в Среднюю Азию давало ей возможность постоянно давить на Англию и нейтрализовать влияние Англии в Европе»⁵. Поэтому ввод советских войск в Афганистан в конце XX века многими англичанами рассматривался как очередная попытка русских сделать Афганистан сферой своего влияния, на этот раз еще и распространив там социалистическую идеологию, тем самым окончательно лишив английские правящие круги надежды на контроль над этим регионом.

Усугублял ситуацию и недавний конфликт между СССР и Великобританией, вызванный заявлениями советской прессы о том, что «спецслужбы» Великобритании, якобы, вели обучение мятежников и банд террористов в Афганистане. В марте 1979 года английская сторона заявила, что подобные высказывания могут иметь «опасные последствия»⁶.

Английское правительство немедленно начало вести деятельность, направленную против советской акции в Афганистане. Сразу после ввода советских войск министр иностранных дел Англии лорд Каррингтон отправился в поездку по азиатским странам, граничившим с Афганистаном. Помимо вопроса поддержки Пакистану и помощи афганским беженцам в Пакистане обсуждался вопрос об «английском военно-морском присутствии в этом регионе»⁷. Это свидетельствовало о том, что Англия в своей критике афганской акции была готова пойти даже на развертывание военных кампаний против советских действий. После поездки лорд Каррингтон, выступая по британскому телевидению, сказал: «Этим странам (граничащим с Афганистаном) беспокоило видеть, что случилось в одночасье со свободным государством, и я думаю, что мы должны обсудить с ними создавшееся положение, тем более что Афганистан

занимает стратегическое положение и находится в центре мусульманского мира»⁸.

Особое место уделялось укреплению сотрудничества с Пакистаном. В парламентских выступлениях Тэтчер того времени затрагивались вопросы военной помощи Пакистану⁹. После встречи Тэтчер с президентом Пакистана в 1980 году Англия начала содействовать Пакистану в подготовке военных кадров, объявила о возможности поставки оружия, начала оказывать всяческую поддержку афганским контрреволюционным группировкам. В октябре 1981 года М. Тэтчер сама приехала в Пакистан, где в первую очередь посетила пакистано-афганскую границу и лагеря афганских мятежников¹⁰. Через месяц, 12 ноября 1981 года, в Лондоне приняли лидера исламского национального фронта Афганистана А. Гилани, где он дал пресс-конференцию¹¹.

Сразу после введения советских войск в Афганистан правительством Англии был взят курс на пересмотр взаимоотношений с СССР во всех сферах. В области политических отношений были приостановлены обмены на высшем и министерских уровнях, отменены некоторые намеченные двусторонние встречи, строго регламентированы контакты сотрудников английских госучреждений и ведомств с советскими представителями, усилен контроль за передвижениями по территории Англии работников посольства и других совучреждений в Лондоне»¹². Было решено сократить число визитов и контактов, отказаться от продления англо-советского кредитного соглашения, ужесточить условия обмена технологиями¹³. Политика Великобритании была направлена на разрыв контактов, которые так долго выстраивались во второй половине 1970-х годов. Посол Великобритании в СССР Кертис Кибл вспоминал, что со стороны Великобритании были предприняты такие жесты, как отказ от посещения важных церемоний. Британское посольство бойкотировало празднование 1 мая и проведение парада, посвященного Октябрьской революции. Часто в таких жестях присутствовал элемент фарса. Например, после долгих размышлений жены британских дипломатов согласились прийти на прием по случаю Международного женского дня, но только на торжественную часть, после которой демонстративно ушли¹⁴. В парламенте рассматривался вопрос разрыва дипломатических отношений с СССР. Были предложения сократить число советских дипломатов в Лондоне, закрыть английские аэропорты и морские порты для советских судов и самолетов. В целом, по словам Кибла, Великобритания проводила политику, направленную на достижения остракизма Советского

Союза¹⁵.

Политический диалог не был до конца заморожен. Британский посол Кибл продолжал встречи с представителями министерства иностранных дел СССР. Когда Объединенное королевство председательствовало в ЕЕС, министр иностранных дел Великобритании лорд Каррингтон встретился с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко в рамках обсуждения ситуации вокруг Афганистана¹⁶.

Действия СССР подвергались критике не только правящей партией Британии. Представители лейбористской партии осудили советское вторжение в Афганистан. Исполком Компартии Великобритании выразил несогласие с военным вмешательством СССР в дела Афганистана. В результате к началу 1980 года советско-английское политическое сотрудничество было свернуто по всем направлениям. Представители лейбористской партии резко ограничили контакты с советскими дипломатами, прекратилось сотрудничество по правительственной линии, сократились связи между советскими и английскими профсоюзами, прекратились обмены на высоком и министерском уровнях.

М. Тэтчер считала, что самым эффективным средством влияния на Советский Союз было бы не позволить советским властям использовать приближающиеся Олимпийские игры в качестве пропаганды своей политики¹⁷. С этой целью британские власти присоединились к кампании США по бойкотированию Олимпийских игр в Москве¹⁸.

Следует отметить, что британские спортивные организации не поддержали британские власти в бойкотировании Московских Олимпийских игр. В письмах руководителей Центрального комитета по физкультуре и спорту премьеру М. Тэтчер звучало сомнение по поводу действий правительства. Выражалось сожаление по поводу вмешательства политики в дела международного спорта, что приведет к тому, что спорт станет орудием санкций и перестанет играть свою первостепенную роль объединения наций через дружеские соревнования. Приводился аргумент, что подобные действия могут иметь пагубные последствия для развития британского спорта, выражалось сомнение по поводу намерения британских властей содействовать в перенесении игр в другое место, так как принятие подобных решений является прерогативой Международного Олимпийского Комитета¹⁹.

Однако консервативные политические деятели настаивали на своем. Консерватор Ангус Мандел писал: «тема песни «спорту нет дела

до политики» не имеет ничего общего с настоящим случаем. Предотвращение третьей мировой ядерной войны не просто политика», и далее, сравнивая ситуацию с играми 1936 года, которые проводились в фашистской Германии, он отмечал: «если бы многие из нас знали, что случится с миром через несколько лет, нас бы там не было»²⁰. То, что Британия могла не присоединиться к международному бойкоту, говорится в документах президента США Картера. Ллойд Катлер писал: «Тогда когда немцы и французы уже готовы присоединиться к бойкоту, похоже, что мы можем «потерять» британцев. ... Председателю Британского олимпийского комитета Дэннису Фоллоузу нет дела до своей ответственности как гражданина Запада. ... Если Британский олимпийский комитет примет решение ехать в Москву, это сильно ударит по престижу британского правительства внутри страны и за рубежом»²¹. Тэтчер не терпелось вслед за другими западными странами присоединиться к бойкоту. Ее явно разозлила реакция Британского Олимпийского комитета, по ее собственным словам, «утверждения Дэнниса Фоллоуза ее удивили»²². Такая ситуация вызвала расхождения во мнениях среди участников, и многие британские атлеты приняли решение участвовать в играх²³.

Таким образом, советская военная кампания, развернутая в Афганистане, коренным образом повлияла на все сферы советско-британских отношений в начале 1980-х годов. Более всего в результате этих событий пострадало политическое сотрудничество. Так, из политических мероприятий в 1981 году можно лишь отметить политконсультации между МИД СССР и МИД Великобритании на уровне заместителей министерств иностранных дел (визит в Москву заведующего отделом стран Восточной Европы и Советского Союза МИД Англии Б. Фолла и заместителя постоянного заместителя министра иностранных дел Англии Дж. Булларда)²⁴ и пребывание в Москве делегации парламентской фракции лейбористской партии во главе с М. Футом²⁵ и председателя советско-британской секции Парламентской группы СССР Х. Осборна²⁶. «Афганский фактор» стал началом ухудшения советско-британских отношений.

Не только события в Афганистане, но и кризисные явления в странах социалистического блока повлияли на характер советско-британских отношений. События в Польше, начавшиеся вскоре после введения советских войск в Афганистан, также усилили антисоветскую политику правительства Тэтчер. Действия профсоюза «Солидарность», который взял курс на противостояние с официальной властью, не одобрялись советской стороной, что послужило поводом для Запада думать, что Советский Союз может ввести в Польшу свои

войска, как он это сделал в Афганистане.

Опасения западных лидеров были небезосновательны. Как открылось позже, советское руководство уже 25 августа 1980 года образовало Комиссию Политбюро ЦК, которой было поручено «внимательно следить за складывающейся в ПНР обстановкой и систематически информировать Политбюро о положении дел в ПНР и о возможных мерах с нашей стороны»²⁷. Историк Рой Медведев пишет, что «Генеральный штаб Советской армии готовил все же «на всякий случай» масштабный план оккупации Польши». Планировалось «использовать не менее 30 дивизий, дислоцируемых в западных районах страны, и часть войск, расположенных в ГДР и ЧССР»²⁸. Далее историк замечает, что совместные войсковые учения, проводившиеся в декабре 1980 года в непосредственной близости от польских границ, говорили о том, что «планы существовали не только на бумаге»²⁹. О совместных войсковых учениях вспоминает и В. Ярузельский в своих мемуарах, называя беспрецедентные по масштабам учения «генеральной репетицией перед вторжением»³⁰. Польские «радиолокационные службы регистрировали до 250 перелетов в сутки с советских аэродромов на аэродромы в Польше»³¹, что говорило о значительном расширении советского военного контингента в Польше.

С другой стороны, не так давно раскрытые документы заседаний Политбюро ЦК КПСС показывают, что руководство Советского Союза не имело намерений ввести в Польшу войска³². Это противоречит характеристике событий, данной Ярузельским. Были ли военные маневры Советского Союза вблизи польских границ учениями или подготовкой к военному вторжению, исследователям предстоит еще узнать.

В Великобритании следили за ситуацией вокруг Польши. В своем отчете за 1980 год британский посол в Польше докладывал о концентрации советских войск у польских границ. «Более двадцати советских военных подразделений вокруг Польши приведены в состояние полной боевой готовности»³³, – докладывал посол Форин Офис.

Если военное вмешательство и рассматривали как возможный вариант развития событий, то психологическое давление на польское руководство имело место в действительности. Л. Брежнев в телефонных разговорах с В. Ярузельским не раз «советовал» польскому лидеру «подобрать себе надежных помощников из числа преданных и стойких коммунистов, сплотить их» и, «не теряя времени, переходить к намеченным вами решительным действиям

против контрреволюции»³⁴. Ответ коммунистического правительства В. Ярузельского на деятельность «Солидарности», введение военного положения, арест активистов «Солидарности» и заключение участников движения под стражу всерьез обеспокоили западных лидеров. В этих действиях явно просматривалось влияние «советского руководства» на польские события.

Британское правительство одно из первых отреагировало на происходящее в Польше. Вскоре после начала событий в этой стране Тэтчер выступила с обращением к Советскому Союзу, в котором предостерегала советскую сторону против возможного вторжения в Польшу. Тэтчер предупреждала, что «вторжение будет несчастьем для Советского Союза, также как и для Польши, и для отношений между Востоком и Западом, для всех народов, что реакция НАТО будет более быстрой и эффективной, чем после начала событий в Афганистане»³⁵. Опасения лидера британских неоконсерваторов были вполне обоснованы, – Советский Союз не раз применял силовые методы в странах Восточного блока. Более того, отход от социалистических ценностей, начавшийся в Польше с деятельностью «Солидарности», не мог не приветствоваться неоконсерваторами, пропагандировавшими антикоммунизм. Вот почему для Тэтчер было крайне важно, чтобы Советский Союз не вмешивался в эти перемены и не оказал официальную поддержку Ярузельскому, который в телевизионном обращении к польскому народу по случаю этих событий опять выступил с призывом «оберегать универсальные ценности социализма», а польско-советский союз назвал «краеугольным камнем польских государственных интересов, гарантией нерушимости наших (польских) границ»³⁶. Великобритания вместе с другими западными странами настаивала на том, что внешнее вмешательство в дела Польши недопустимо. М. Тэтчер писала в своих мемуарах: «Нельзя забывать, что для устранения угрозы советской интервенции мы постоянно твердили: необходимо позволить полякам принимать собственные решения»³⁷. Позже, в 1988 году, Тэтчер сама принимала участие в урегулировании польского вопроса и предпринимала попытки убедить В. Ярузельского начать процесс переговоров с лидерами «Солидарности»³⁸.

Осложнение отношений между Великобританией и Советским Союзом отрицательно повлияло на решение вопросов сокращения военного потенциала мировых держав. Инициативы, предпринимаемые советским руководством по этой проблеме, не встречали отклика у британских властей. Британские правящие круги скептически отнеслись к выступлению Брежнева в Берлине 6 октября

1979 года, в котором он озвучил новые инициативы Советского Союза в области разрядки и разоружения. Великобритания ответила отказом требованию советского правительства учитывать при заключении соглашения по ограничению ядерных вооружений в Европе наличие английского оружия. Англия вслед за США никак не реагировала на выступления советского министра иностранных дел А. А. Громыко на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 1980 и 1981 годах. В этих выступлениях Советский Союз призывал мировые державы отказаться от расширения существующих политических блоков, прекратить увеличение вооружения, заключить международный договор о запрещении испытаний ядерного оружия, не допустить милитаризации космоса³⁹. Обязательство СССР не применять первым ядерное оружие, озвученное в июне 1982 года на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению тоже не получили отклика в английских политических кругах. В своей речи на этой же сессии М. Тэтчер хоть и отметила, что Советский Союз теперь готов открыть часть своих гражданских ядерных объектов для инспекции МАГАТЭ, все лавры в вопросе инициирования сокращения были отданы США; Тэтчер приветствовала их предложение существенного сокращения стратегического вооружения. В этой же речи Тэтчер опять «припомнила» Советскому Союзу Польшу и Афганистан. Польские события – как демонстрацию кризиса доверия к советской системе, Афганистан – как доказательство намерений СССР расширить свои границы⁴⁰. Британия одобряла американские инициативы в области сокращения стратегического вооружения и поддерживала США в продвижении их новой военной программы стратегической оборонной инициативы.

Вообще «особые отношения» США и Великобритании в начале 1980-х годов поддерживались лидерами этих стран, наблюдалась единая позиция правительств в отношении СССР. Кульминацией этого политического единодушия была знаменитая речь Рейгана «Империя зла», в которой американский президент говорил об объявлении крестового похода против врагов Запада (т.е. против коммунизма в лице Советского Союза)⁴¹. Тот факт, что речь была произнесена на британской земле, в палате общин, говорил о том, что Британию и США в 1982 году, как и в другие периоды, объединил общий враг.

Культивирование особых отношений между Великобританией и США звучало в работах американских политических и научных деятелей. Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер в своей статье, вышедшей в британском журнале «Международные отношения», изложил историю особых отношений, назвав англо-

американский союз самым значительным за всю историю наций, который благотворно повлиял на мировое развитие. Автор призвал к единству Великобритании, США и Европы в вопросе политики в отношении Советского Союза, подчеркнув, что история показала, что ни одна из сторон не имеет «монополию на особый взгляд» в этом вопросе⁴².

Действительно, Великобритания долго следовала за внешнеполитическим курсом США, и собственной стратегии в этом вопросе у нее не было. Однако, например, тот факт, что Британию с трудом удалось подключить к бойкоту Олимпийских игр в СССР, равно как и отказ британских властей поддержать намерения руководства США разорвать договоренности о строительстве газопровода из Сибири в Европу, говорили об отличности интересов Великобритании и США. Великобритания была на пороге поиска собственных подходов к решению вопросов, касающихся проблем отношений Восток – Запад. Пока же к 1982 году политическое сотрудничество между СССР и Великобританией было свернуто практически по всем направлениям. Британский посол Кибл, покидая свой пост осенью 1982 года, писал, что контакты были сокращены до простых обменов формальностями между дипломатами, «капли торговли и горстки научных обменов»⁴³.

¹ Chaffetz D. Afghanistan in turmoil / D.Chaffetz // International Affairs. – 1980. – Vol. 56. – No1. – P. 15 – 36.

² President Carter phone call to MT (Soviet invasion of Afghanistan) // Margaret Thatcher Foundation Archive. – (<http://www.margaretthatcher.org/document/112219>).

³ MT letter to President Brezhnev (Soviet invasion of Afghanistan) // Margaret Thatcher Foundation Archive. – (<http://www.margaretthatcher.org/document/112221>).

⁴ См.: Попов В.И. Меняется страна традиций / В.И. Попов. – М., 1991. – С. 65.

⁵ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке XIX – начало XX в. / О. И. Жигалина. – М., 1990. – С.95.

⁶ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 71. Папка 279. Дело 9. Л. 6.

⁷ Международная жизнь. – 1980. – № 3. – С. 50.

⁸ Цит. по: Гогитидзе И. В. Британская политика «к востоку от Суэца», 70-е — первая половина 80-х гг. / И. В. Гогитидзе. – М., 1989. – С. 145.

⁹ Там же. – С. 146.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 73. Папка 283. Д. 10. Л. 121.

¹¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 73. Папка 283. Д. 10. Л. 126.

¹² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 72. Папка 281. Д. 8. Л. 36.

¹³ Thatcher M. The Downing Street Years / M.Thatcher. – NY, 1993. – P. 88.

¹⁴ Keeble C. Britain and the Soviet Union, 1917 – 89 / C. Keeble. – NY, 1990. – P. 292 – 293.

¹⁵ Ibid. – P. 292.

¹⁶ Ibid. – P. 293.

¹⁷ Thatcher M. The Downing Street Years / M.Thatcher. – NY, 1993. – P. 88.

¹⁸ State Department brief on Olympic boycott / Margaret Thatcher Foundation Archive. – (<http://www.margaretthatcher.org/document/110483>).

¹⁹ The Central Council of Physical Recreation. – (<http://interim.cabinetoffice.gov.uk/media/cabinetoffice/corp/asset/foi/moscow/moscow09.pdf>).

-
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Lloyd Cutler memo on state of boycott / Margaret Thatcher Foundation Archive. – (<http://www.margaretthatcher.org/document/110484>).
- ²² British foreign policy under Thatcher / ed. P. Byrd. – Oxford, 1988. – P. 64.
- ²³ Keeble C. Britain and the Soviet Union, 1917 – 89. – P. 293.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 73. Папка 283. Д. 10. Л. 6, 24, 63.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 74. Папка 285. Д. 10. Л. 1.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 75. Папка 288. Д. 11. Л. 15.
- ²⁷ Документы «Комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1. – С.84.
- ²⁸ Медведев Р.А. Андропов / Р.А. Медведев – М., 2006. – С. 255.
- ²⁹ Там же. – С. 255.
- ³⁰ Ярузельский В. Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году? / В. Ярузельский // Новая и новейшая история. – 2008. – №4. – С. 115.
- ³¹ Там же. – С. 116.
- ³² Document № 94: Transcript of the Soviet Politburo Meeting on the Crisis in Poland, December 10, 1981 / A Cardboard Castle?: an inside history of the Warsaw Pact, 1955-1991 / ed. V. Mastny, M. Byrne // A National Security Archive Cold War Reader. – Budapest, 2005. – P. 456 – 461.
- ³³ UK Embassy in Warsaw to FCO (1980 Annual Report on Poland) // Margaret Thatcher Foundation Archive. – (<http://www.margaretthatcher.org/document/110998>).
- ³⁴ Документы «Комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1. – С.85.
- ³⁵ The Times. – 1981. – May 9.
- ³⁶ Ярузельский В. Избранные произведения. Февраль 1981 – июль 1988 года / В. Ярузельский. – М., 1988. – С. 44 – 45.
- ³⁷ Цит. по: Ярузельский В. Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году? / В. Ярузельский // ННИ. – 2008. – № 4. – С. 114.
- ³⁸ Thatcher M. The Downing Street Years / M. Thatcher. – NY., 1993. – P. 777 – 782.
- ³⁹ См.: Громыко А.А. Обеспечить мир народам – задача всех государств. Выступление на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 1980 года / А.А. Громыко. – М., 1980; Громыко А.А. Во имя обеспечения мира – общего достояния человечества. Выступление на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября 1981 года / А.А. Громыко. – М., 1981.
- ⁴⁰ Thatcher M. In Defense of Freedom. Speeches on Britain's Relations with the World. 1976 – 1986 / M. Thatcher. – Buffalo (N.Y.), 1987. – P. 80 – 86.
- ⁴¹ The Evil Empire. President Reagan's Speech to the House of Commons. – (<http://reagan2020.us/speeches/>)
- ⁴² Kissinger H.A. Reflection on a partnership: British and American attitudes to postwar foreign policy / H.A. Kissinger // International Affairs. – 1982. – Vol. 58. – No 4. – P. 571 – 587.
- ⁴³ Keeble C. Britain and the Soviet Union... – P. 295.

Сведения об авторах

- Бадалова Елена Валерьевна** – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Беленов Олег Николаевич** – д.э.н., профессор, заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета, проректор по экономике и международному сотрудничеству Воронежского Государственного Университета
- Болдырихин Александр Александрович** – аспирант Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Горшенева Ирина Борисовна** – к.и.н., преподаватель Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Дмитриева Софья Игоревна** – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Золина Ольга Михайловна** – преподаватель Кафедры английского языка в профессиональной международной деятельности, Факультет романо-германской филологии, Воронежский Государственный Университет
- Канапухин Павел Анатольевич** – д.э.н., профессор Кафедры экономической теории и мировой экономики Экономического Факультета, декан Факультета международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Кирчанов Максим Валерьевич** – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Кондратенко Алексей Иванович** – к.полит.н., доцент Кафедры журналистики и связей с общественностью, Орловский Государственный Университет (г. Орел, Россия)
- Кондратенко Людмила Ивановна** – к.и.н., преподаватель Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Леонова Людмила Александровна** – к.и.н., заведующий кабинетом материалов ООН, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Факультет международных отношений
- Лютых Анатолий Александрович** – д.и.н., профессор Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Малютина Татьяна Петровна** – к.и.н., старший преподаватель Воронежского Государственного Аграрного Университета имени императора Петра I
- Мартынов Борис Федорович** – д.полит.н., профессор, заместитель директора Института Латинской Америки РАН
- Морозова Вероника Николаевна** – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения, Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет

- Сальников Вячеслав Иванович** – к.и.н., доцент Кафедры политологии и политического управления ВФ РАНХиГС
- Слинько Александр Анатольевич** – д.полит.н., профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и регионоведения Факультет международных отношений, Воронежский Государственный Университет
- Тонких Владимир Алексеевич** – д.и.н., профессор Кафедры гуманитарных и социально-юридических дисциплин Воронежского института кооперации
- Погорельский Александр Валерьевич** – к.и.н., доцент Кафедры философии, социологии и истории, Воронежский Государственный Архитектурно-строительный Университет, заместитель декана по учебной работе Международного Факультета ВГАСУ
- Пенчева Элеонора** – д.и.н., доцент, Факультет права и истории, Юго-Западный Университет “Неофит Рилски” (г. Благоевград, Болгария)